

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Байкальский государственный университет»

На правах рукописи

Васильева Мария Константиновна

**АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук,
доцент Судакова Т. М.

Иркутск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	20
§ 1. Безопасность и ее обеспечение в теории криминологии	20
§ 2. Нормативно-правовая основа и проблемы правового обеспечения антинаркотической безопасности.....	34
§ 3. Антинаркотическая безопасность как криминологическая категория: понятие, основные признаки.....	61
ГЛАВА 2. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕНДЕНЦИЙ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	73
§ 1. Особенности современных тенденций незаконного оборота наркотиков и продуцируемых ими рисков.....	73
§ 2. Особенности современных тенденций наркопотребления и продуцируемых ими рисков	112
§ 3. Типовые особенности личности преступника, участвующего в незаконном обороте наркотиков, определяющие специфику рисков обеспечения антинаркотической безопасности.....	131
ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	147
§ 1. Специфика современных рисков обеспечения региональной антинаркотической безопасности.....	147
§ 2. Обеспечение антинаркотической безопасности на региональном уровне: основные направления, меры и показатели эффективности	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	196
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	223

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Незаконный оборот наркотиков, а также его социально значимые негативные последствия отнесены к угрозам обеспечения национальной безопасности в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Вместе с тем в структуре российской преступности наркопреступность стабильно продолжает занимать свою нишу в 10%; около 30% контингента осужденных в местах лишения свободы составляют лица, привлеченные к уголовной ответственности за незаконные действия с наркотиками, и их количество выросло в 2 раза за последние 10 лет; криминологический рецидив среди лиц, осужденных за незаконный оборот наркотиков, продолжает оставаться на высоком уровне (63,5% по официальным данным). Одновременно изменились структура наркорынка, способы сбыта наркотиков, структура наркопотребителей, качество медико-социальных последствий потребления отдельных видов наркотиков при сохранении их высокой доступности. Настоящие криминологические особенности свидетельствуют не только о сохранении действия традиционного механизма детерминации незаконного оборота наркотиков, но и об актуализации иных криминогенных явлений и процессов, продуцирующих его современные закономерности. Данные обстоятельства активизировали новый виток научного интереса к различным аспектам рассматриваемого оборота, остающимся не до конца исчерпанными. В свою очередь современные тенденции государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации актуализировали проблему изучения незаконного оборота наркотиков сквозь призму криминологической безопасности общества. При этом исследований о состоянии криминогенных детерминант незаконного оборота наркотиков и комплекса мер по его предупреждению через критерии их содержательного соответствия исходным положениям, природе и рискам реализации концепции криминологической безопасности в науке не проводилось.

Кроме того, одними из базовых условий реализации положений криминологической безопасности являются локальность и конкретность разрабатываемых и реализуемых мер, что обуславливает целесообразность проведения исследований в данном контексте, в том числе на региональном уровне. Особенности незаконного оборота наркотиков на обозначенном уровне требуют постоянного мониторинга, а учет их специфики позволяет разрабатывать адресные, конкретизированные меры обеспечения антинаркотической безопасности, направленные на нейтрализацию конкретных рисков. При этом указанные меры должны быть адекватны актуальным рискам обеспечения антинаркотической безопасности. Выделение категории «рисков обеспечения антинаркотической безопасности» и их преломление через активно действующие, наиболее опасные тенденции незаконного оборота наркотиков ставят вопрос об ориентации мер обеспечения антинаркотической безопасности на нейтрализацию данных рисков.

Степень научной разработанности проблемы. Различным аспектам проблемы предупреждения и минимизации криминогенных факторов и последствий незаконного оборота наркотиков и наркотизма были посвящены работы Т. А. Боголюбовой, А. М. Бычковой, П. А. Васильева, А. Ф. Галузина, Я. И. Гилинского, А. А. Габиани, Л. В. Гочиной, А. И. Долговой, Г. В. Зазулина, В. В. Зиновьева, А. В. Карпец, Ю. Г. Кипселиди, А. В. Колокольцева, К. А. Карповича, В. В. Лошкарева, А. В. Малько, Г. М. Миньковского, В. С. Овчинского, Э. Ф. Побегайло, М. Л. Прохоровой, А.И. Ролика, Л. И. Романовой, В. П. Ревина, Т. М. Судаковой, В. В. Семеновой, И. В. Туровского, Е. Е. Тонкова, Н. А. Фроловой, А. В. Федорова, К. В. Харабет, Е. В. Цыденовой и других авторов. Внимание региональным криминологическим особенностям наркоситуации Иркутской области и Красноярского края уделялось в работах Г. В. Середы (2000), Т. М. Судаковой (2002), А. Ю. Мартыновича (2004).

В работе были также использованы труды из области философских, социологических, психологических, медицинских, политических наук, связанные с особенностями последствий незаконного оборота наркотиков, закономерностями поведения его участников и их структурой, особенностями заболевания

наркомании, конструированием проблемы рассматриваемого оборота в социуме и закономерностями формирования соответствующей правовой базы, ее функциональной пригодности для обеспечения безопасности, А. Ю. Абрамова, А. Г. Бартенева, С. В. Березина, В. В. Бочарова, А. В. Возженикова, С. А. Вешневой, А. В. Дмитриевой, Л. Д. Деминой, М. Ю. Ефловой, А. А. Мороз, А. Л. Романович, В. А. Розанова, Н. Н. Рыбалкина, В. А. Светлова, В. А. Семенова, Е. С. Серовой, И. Г. Ясавеева и других авторов.

Теория криминологической безопасности развивалась А. Б. Антоновым, М. М. Бабаевым, С. С. Босхоловым, В. Г. Балашовым, С. Я. Лебедевым, Е. А. Олейниковым, В. А. Плешаковым, рассматривалась в работах О. В. Воронцовой, Г. Н. Горшенкова, М. П. Клейменова, А. А. Лапина, Н. В. Щедрина, А. Г. Шаваевой и других авторов. Свой вклад в развитие теории криминологической безопасности в части принципов, инструментов реализации и практических рисков вносят работы А. Брага, Д. Гиллинга, Д. Гарлэнда, Г. Кернера, Е. Вейткемпа, П. Сквайрса, М. Тэйлора.

Вместе с тем проблемы теоретической разработанности категории антинаркотической безопасности как самостоятельного криминологического феномена, имеющего междисциплинарное содержание и являющегося комплексным социально-правовым понятием, не рассматривались в науке. Акценты современной государственной политики на обеспечение национальной безопасности и противодействие преступности требуют актуализации концептуальных основ стратегии противодействия незаконному обороту наркотиков для обеспечения антинаркотической безопасности общества. Именно в таком контексте реализуется возможность устранения фрагментарности и разрозненности мер противодействия незаконному обороту наркотиков и формирования их целостной системы в современных условиях осуществления стратегии национальной безопасности.

В свою очередь в перечисленных выше работах не в полной мере учтены теоретико-понятийные особенности модели обеспечения безопасности социальных систем, природа феномена криминологической безопасности как

таковой и разница моделей ее обеспечения. Также отсутствует единообразие в понимании признаков антинаркотической безопасности именно как криминологической категории, показателей эффективности ее обеспечения в системе национальной безопасности. Кроме того, отдельного внимания требует исследование современной наркоситуации через призму рисков обеспечения антинаркотической безопасности. Данное исследование целесообразно проводить с позиции предметного и детального изучения практики отдельно взятого региона в связи с необходимостью идентификации актуальных действительных рисков обеспечения данного вида безопасности.

Принципиальным отличием настоящей работы от иных научных трудов различных авторов является: рассмотрение категории антинаркотической безопасности как самостоятельного криминологического феномена в существующем механизме обеспечения национальной безопасности; выделение рисков и индикаторов эффективности обеспечения антинаркотической безопасности на основе их регионального исследования и формирование теоретических основ механизма обеспечения антинаркотической безопасности в системе мер национальной безопасности общества.

Из близких по тематике трудов за последние годы можно отметить работу по криминологии М. Ю. Воронина, в которой ключевые идеи концепции криминологической безопасности были использованы в конструировании криминологической политики защиты населения «групп риска» от наркотизации (2010). Изучение антинаркотической безопасности как самостоятельного феномена и механизма его обеспечения не являлось предметом исследования в диссертационной работе М. Ю. Воронина. Категория антинаркотической безопасности как сфера экономической безопасности при противодействии наркобизнесу предложена М. Ю. Кийко в рамках докторской диссертации по специальности «Экономика и управление народным хозяйством» (2017). Вместе с тем в данной работе акцент сделан на характеристике антинаркотической безопасности именно как экономической категории, обладающей специфическими признаками самостоятельного элемента системы экономической безопасности.

Цели и задачи исследования. Цель исследования - получить новое криминологическое знание о самостоятельной научной категории «антинаркотическая безопасность», встраиваемой в теорию криминологической безопасности, включая механизм обеспечения антинаркотической безопасности, риски и индикаторы его эффективности в соответствии со стратегическими задачами обеспечения национальной безопасности.

Для достижения цели исследования поставлены **задачи**, подлежащие решению:

1. Определить современные теоретические и правовые основы понимания криминологической безопасности как элемента национальной безопасности.

2. Исследовать современное состояние нормативно-правовой основы мер обеспечения антинаркотической безопасности как вида безопасности криминологической, в том числе правового опыта зарубежных стран.

3. Определить место категории «антинаркотическая безопасность» в структуре криминологической безопасности, ее содержание и соотношение с политикой обеспечения национальной безопасности.

4. Выявить закономерности динамики тенденций незаконного оборота наркотиков на современном этапе, особенности его социально-негативных последствий, определяющие риски обеспечения антинаркотической безопасности общества.

5. Изучить современные особенности криминологической характеристики личности преступника, участвующего в незаконном обороте наркотиков, определяющие риски обеспечения антинаркотической безопасности.

6. Выявить специфические детерминанты незаконного оборота наркотиков, позволяющие оценивать эффективность реализации текущей антинаркотической политики по временным периодам в ее соотношении со стратегическими задачами обеспечения национальной безопасности.

7. Предложить актуальные меры, образующие механизм обеспечения антинаркотической безопасности общества на примере регионального опыта.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем:

- впервые на диссертационном уровне с 2004 года осуществлено изучение современных тенденций незаконного оборота наркотиков, базирующееся на специфике двух крупных регионов Сибирского федерального округа, с их интерпретацией в контексте современной государственной политики обеспечения национальной и криминологической безопасности;

- антинаркотическая безопасность впервые рассматривается как самостоятельная криминологическая категория, представляющая собой вид криминологической безопасности, с одной стороны, и имманентную часть механизма обеспечения безопасности национальной – с другой; антинаркотическая безопасность рассматривается комплексно, через ее природу, доктринальные, нормативно-правовые и практические формы ее обеспечения;

- выявлены и конкретизированы риски реализации мер обеспечения антинаркотической безопасности в контексте субъективных и объективных критериев эффективности деятельности различных субъектов профилактики во взаимосвязи с традиционными детерминантами незаконного оборота наркотиков;

- определены индикаторы эффективности обеспечения антинаркотической безопасности как качественные комплексные критерии оценки состояния криминологической безопасности в сфере предупреждения незаконного оборота наркотиков;

- представлен механизм обеспечения антинаркотической безопасности, ориентированный на эффективную нейтрализацию рисков, детерминированных современными особенностями незаконного оборота наркотиков и сложившейся правоприменительной практикой.

Теоретическая и практическая значимость. Сформулированные в настоящей работе понятия и выводы способствуют дальнейшему теоретическому осмыслению категории антинаркотической безопасности и содержанию процесса ее обеспечения. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных данных, теоретических выводов и рекомендаций исследования в работе региональных антинаркотических комиссий и других специализированных и иных субъектов обеспечения антинаркотической

безопасности и предупреждения преступности, а также в учебном процессе в рамках преподавания уголовно-правовых дисциплин.

Методологическая основа и методы исследования включают: базовый диалектический метод научного познания, позволяющий представить элементы, категории, закономерности различных проявлений незаконного оборота наркотиков в общественных отношениях и обеспечения безопасности последних в своем развитии; междисциплинарный и системный методы использованы для формирования понятийных особенностей категории антинаркотической безопасности, ее элементов, структуры механизма ее обеспечения. Из числа общенаучных методов исследования использованы методы анализа и синтеза, применяемые в процессе изучения позиций ученых по различным аспектам предмета исследования, выявления рисков обеспечения антинаркотической безопасности и формулирования выводов исследования. Функциональный метод и метод классификации использованы при конструировании групп специфических рисков, определяемых незаконным оборотом наркотиков и правоприменительной практикой, мер и показателей эффективности обеспечения антинаркотической безопасности общества как социальной системы. Из специальных методов познания были использованы исторический, позволяющий выявить закономерности развития подходов и формирования правовых основ обеспечения безопасности общества в контексте незаконного оборота наркотиков, в частности идеографический, позволяющий рассмотреть указанные закономерности в контексте национальной специфики; сравнительно-правовой метод использован для сопоставления положений изученных зарубежных и российских правовых основ системы обеспечения криминологической безопасности и предупреждения незаконного оборота наркотиков, выявления их сходств и различий в реализации; методы анализа документов, анкетирования, экспертных оценок, интервьюирования, статистический метод использованы при изучении тенденций и закономерностей незаконного оборота наркотиков, актуальных детерминант его воспроизводства, личностных свойств преступника.

Научная новизна исследования отражена в **положениях, выносимых на защиту** и являющихся результатом решения поставленных целей и задач исследования:

1. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что современная политика государства, включая сферу предупреждения преступности и незаконного оборота наркотиков, стратегически базируется на идее *обеспечения национальной безопасности*. Вместе с тем антинаркотическая политика как инструмент государственного управления, включающий совокупность организационно-правовых и иных мер различной направленности по обеспечению безопасности личности, общества, государства в сфере предупреждения незаконного оборота наркотиков и его социально-негативных последствий, не соответствует современным требованиям и ключевым индикаторам эффективности обеспечения национальной безопасности. Формирование основ антинаркотической безопасности позволяет соотнести стратегические цели антинаркотической политики с задачами и целями обеспечения национальной безопасности путем выработки и использования индикаторов эффективности обеспечения антинаркотической безопасности общества.

2. Категория национальной безопасности включает в себя различные виды безопасности (экономическая, политическая, социальная, экологическая, информационная, демографическая и т. д.), где криминологическая безопасность является ее комплексным имманентным структурным элементом. Антинаркотическая безопасность представляет собой подвид криминологической и отражает ее назначение в виде *сохранения жизнеспособности общества как социальной системы*. Антинаркотическая безопасность понимается через устойчивость общества как социальной системы к механизму незаконного оборота наркотиков, при которой реализуется специфический комплекс адресных мер по нейтрализации рисков, детерминированных незаконным оборотом наркотиков, его фактическими тенденциями. Реализация обозначенного комплекса мер определяется как антинаркотическая деятельность, базирующаяся на принципах экологичности по отношению к личности – недопущение нормативно-правового

закрепления и применения мер, влекущих ухудшение состояния здоровья человека, его социальных навыков, разрушение социальных связей.

3. Индикаторы эффективности обеспечения антинаркотической безопасности отражают фактическую, а не формализованную эффективность антинаркотической политики. Данные индикаторы включают в себя ряд как традиционных показателей мониторинга наркоситуации, отражающих достижение стратегических целей обеспечения национальной безопасности в секторе предупреждения незаконного оборота наркотиков, так и специфических, отражающих фактическую эффективность деятельности основных субъектов обеспечения антинаркотической безопасности. Указанные индикаторы классифицированы по признаку функциональной предназначенности обозначенных субъектов.

К *ключевым индикаторам* первой группы отнесены показатели, отражающие функциональность правоохранительной, судебной системы, системы исполнения наказаний в обеспечении антинаркотической безопасности:

- распространенность тяжкой преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков: в данной подгруппе выделены показатели, отражающие результативность противодействия тем составам наркопреступлений, которые отражают активность организованных форм сбыта наркотиков;

- доступность наркотиков: соотношение официальной структуры и объема нелегального наркорынка с действительным спросом на наркотики и доступность наиболее опасных их видов;

- типовые особенности общественной опасности личности наркопреступников: в данную подгруппу вошли показатели, отражающие действительную структуру осужденных лиц за незаконный оборот по степени общественной опасности их поведения, на основе которой можно проанализировать соответствие содержания применяемых мер воздействия действительным характеристикам объектов воздействия.

К *ключевым индикаторам* второй группы отнесены показатели, отражающие функциональность наркологической службы, реабилитационного звена, иных участников профилактики противоправного поведения и наркопотребления:

- динамика особенностей поведения наркопотребителей: показатели данной подгруппы определяют структуру действительного спроса на наркотики, латентность явления, риски криминологической безопасности поведения наркопотребителей, которые тесно связаны с тенденциями незаконного оборота наркотиков, результативность мер воздействия по данному направлению;

- эффективность социальной адаптации наркопотребителей: данная подгруппа необходима в целях определения объема действительных последствий реализуемой антинаркотической политики в части обеспечения криминологической безопасности общества в наименее управляемом секторе предупреждения незаконного оборота наркотиков.

4. *Современное состояние антинаркотической безопасности* отражено через взаимосвязанную совокупность установленных показателей, образующих внешнее проявление ее индикаторов. Согласно установленным показателям традиционная направленность деятельности правоохранительных органов в предупреждении незаконного оборота наркотиков сохраняется и существенных изменений в ключевых показателях не произошло в рамках реализации действовавшей стратегии антинаркотической политики до 2020 года. Наркоситуация из-за нехватки специфических показателей сектора спроса на наркотики искажена, структура, специфика групп наркопотребителей изменились, а результативность и направленность деятельности наркологической службы, реабилитационного звена остались неизменными.

4.1. По первой группе индикаторов эффективности зафиксирован низкий процент раскрываемости тяжких форм наркопреступлений (20%), форм соучастия (12%), составов легализации денежных средств, сбыта, контрабанды наркотиков среди раскрытых деяний (30% и еще меньше по данным судебной статистики – 19%, составы преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, в структуре судимости единичны, на региональном уровне практически не

представлены); структура изъятых наркотиков со структурой незаконного наркорынка качественно не совпадает; растущий спрос на синтетические наркотики, превалирование использования современных информационных технологий в сбыте наркотиков и высокая доступность всех видов наркотиков – уже *характерная*, а не специфическая тенденция. Среди осужденных наркопреступников только до 24% страдают наркозависимостью по официальным данным, основания применения соответствующих альтернативных мер воздействия к наркозависимым преступникам в целом не соответствуют их характеристикам, реализация данных мер затратна и неэффективна (указанной категории лиц свойственно самовольное прекращение лечения, в программы реабилитации они практически не вступают). Криминологический рецидив существенно превышает легальный: повторная судимость отмечается у 63,5% наркопреступников. Наркотическое опьянение как фактор преступности на сегодняшний день не имеет определяющего значения: в состоянии наркотического опьянения совершаются всего 0,1-0,7% преступлений, при этом абсолютное их большинство образуют незаконные действия с наркотиками и тяжесть данных деяний связана с объемом изъятых веществ.

4.2. По второй группе индикаторов зафиксировано отсутствие изменений в ключевых показателях результативности деятельности соответствующих субъектов: по-прежнему низкий процент наркозависимых лиц вступает в программы длительной реабилитации (5%), находится в длительной ремиссии (9–10%), при этом период официального учета долгосрочной ремиссии сокращен до 3 лет; статистически показательна по-прежнему группа потребителей наркотиков опиоидного ряда, для которой свойственны старение и естественная смертность (на основе которых фиксируется сокращение уровня наркомании). При этом спрос на синтетические наркотики остается стабильным в течение 5 лет, зависимые же лица от них не состоят на профилактических и профильных учетах. Показатели социальной адаптации у наркозависимых лиц официально не учитываются при оценке эффективности лечения от наркомании, что существенно искажает наркоситуацию, не позволяя зафиксировать риски криминологической

безопасности и определить действительную степень общественной опасности наркозависимых, на основе чего актуализировать и дифференцировать меры воздействия. Среди гемоконтактных инфекций статистически наиболее представительны распространённость ВИЧ, гепатита С среди потребителей наркотиков инъекционным способом, количество которых *сокращается* при *увеличении* показателей заболеваемости указанными инфекциями. Структура социальной активности наркопотребителей *неоднородна*, повышенной общественной опасностью характеризуется активность наркопотребителей – участников незаконного оборота наркотиков.

5. Выявленные типовые криминологические особенности в характеристике лиц, осужденных за незаконный оборот наркотиков, соотнесенные с рисками, детерминируемыми незаконным оборотом наркотиков, позволили определить их актуальные специфические характеристики. Указанные характеристики обусловили выделение двух наиболее значимых классификационных групп по признаку фактической общественной опасности поведения. Первую группу образуют участники незаконного оборота наркотиков, больные наркоманией. Таковые имеют специфические характеристики, обусловленные особенностями их биопсихологического статуса, являясь при этом основными участниками сбыта наркотиков опиоидного ряда и образуя наиболее статистически показательную группу сбытчиков наркотиков. Их криминогенному поведению свойственно последовательное возрастание интенсивности воспроизводства рисков и угроз криминологической безопасности в целом, что свидетельствует о долговременной неэффективности мер воздействия, направленных на разложение одной из основ незаконного оборота наркотиков в виде человеческих ресурсов. Вторую группу образуют сбытчики синтетических видов наркотиков, имеющие широкий спектр разнообразных среднестатистических криминологических особенностей, что не позволило сформировать типовой криминологический портрет данной группы. Названное обстоятельство свидетельствует о повышенной общественной опасности представителей указанной группы.

Установленные специфические характеристики данной разновидности преступников позволили конкретизировать адресные меры особенной профилактики их преступного поведения.

6. Исследование *рисков обеспечения антинаркотической безопасности*, с позиции их влияния на результативность антинаркотической деятельности, позволило систематизировать их, выделив субъективные и объективные виды. Использован комплексный критерий такой систематизации – реализация функций основных субъектов и иных участников деятельности по обеспечению антинаркотической безопасности и повышению ее эффективности. В соответствии с принципами локальности и конкретности мер криминологической безопасности (как исходной категории для антинаркотической) использован региональный уровень.

К субъективным рискам отнесены: неисполнение, формальное исполнение, отсутствие заинтересованности в реализации мер предупреждения преступности в части незаконного оборота наркотиков у первичных субъектов профилактики преступности; недооценка возможностей иных участвующих специалистов в предупреждении данного оборота; предпочтение субъектов антинаркотической деятельности в применении оперативных мер реагирования на изменения региональной наркоситуации с видимым результатом без учета возможных долгосрочных последствий; отсутствие навыков применения современных коммуникативных технологий у первичных субъектов профилактики преступности при реализации форм индивидуальной профилактики преступлений.

К объективным рискам отнесены: отсутствие правового механизма реализации положений федеральных законов, указов Президента Российской Федерации в части предупреждения преступности и незаконного оборота наркотиков, несоответствие заданных целей на федеральном уровне региональным ресурсам (кадровые, технические, финансовые), задействованным в их достижении, и их характеристикам; системные проблемы организации процесса ресоциализации осужденных лиц и медико-социальной реабилитации лиц, больных наркоманией, при наблюдаемых процессах стратификации указанных лиц

по механизму поведения; унифицированность видов дополнительных обязанностей, возлагаемых судом на осужденных лиц в целях их исправления; содержательная бессистемность и бессвязность общесоциальных мер профилактики противоправного поведения и психических заболеваний; неэффективное распределение рабочего времени сотрудников органов внутренних дел, особенности выполнения планов работы и технической обеспеченности.

7. В соответствии с установленными рисками обеспечения антинаркотической безопасности, имеющимися ресурсами предложен механизм ее обеспечения как скоординированная система мер предупреждения незаконного оборота наркотиков в системе обеспечения национальной безопасности, ориентированных на нейтрализацию идентифицируемых рисков. Реализация механизма предполагает оптимизацию организационно-правовых основ антинаркотической деятельности с акцентом на закрепление и реализацию координирующей функции антинаркотических комиссий регионов. Показатели эффективности деятельности субъектов обеспечения антинаркотической безопасности должны соответствовать показателям эффективности реализации отраслевых документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, антинаркотической политики, в том числе регионального уровня. В контексте механизма обеспечения антинаркотической безопасности конкретизированы меры предупреждения незаконного оборота наркотиков применительно к специфике и компетенциям выделенных субъектов и установленным рискам.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность исследования обеспечена посредством использования нормативно-правовой основы, представленной международными правовыми актами, Конституцией Российской Федерации, актами Президента Российской Федерации, федеральными и региональными законами, подзаконными и ведомственными нормативными правовыми актами. В качестве эмпирической базы исследования использованы:

- материалы 76 аналитических обзоров, рекомендаций по проблеме противодействия незаконному обороту наркотиков Управления ООН по наркотикам и преступности и Экономического и Социального Совета ООН, Государственного антинаркотического комитета Российской Федерации, региональных антинаркотических комиссий, учреждений здравоохранения, исследования по схожей тематике в иных отраслях научного знания (психология, психиатрия, наркология, социология, философия, государственное и муниципальное управление, политика);

- статистические данные Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, Управления Судебного департамента в Иркутской области и в Красноярском крае, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области и по Красноярскому краю, Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Иркутской области и в Красноярском крае;

- материалы 550 архивных уголовных дел по составам незаконного оборота наркотиков, анкетирования 470 респондентов (30 следователей, 120 оперуполномоченных сотрудников, 100 участковых уполномоченных полиции, 80 федеральных судей, 40 врачей психиатров-наркологов, 80 наркопотребителей, 20 психологов).

Таким образом, достоверность и репрезентативность исследования обеспечена релевантностью эмпирической базы исследования его целям, предполагающей изучение достаточного количества взаимосвязанных материалов, а также применением правил выборочного наблюдения при формировании выборки материалов архивных уголовных дел и определении круга респондентов.

Разнообразие эмпирического материала обусловлено проблемно-ориентированной точкой зрения на формирование механизма обеспечения антинаркотической безопасности. Указанное предполагает конкретизацию рисков в части ее обеспечения соответствующими субъектами, их источников и взаимосвязей. Кроме того, субъекты обеспечения антинаркотической безопасности – конкретные организации, на поведение сотрудников которых влияют различные

факторы за пределами формального регулирования. Мы исходили из того, что данные факторы влияют на эффективность обеспечения антинаркотической безопасности наравне с традиционными детерминантами незаконного оборота наркотиков. Изложенное предопределило необходимость использования разных видов статистических данных и анкетирования различных субъектов в целях отражения специфики их деятельности в общем механизме обеспечения антинаркотической безопасности.

Апробация результатов исследования. Диссертация была подготовлена, прошла обсуждение на кафедре уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета.

Основные выводы и положения, сформулированные в диссертации, отражены в 14 (четырнадцать) научных статьях, в том числе 7 (семи) из них – в российских рецензируемых научных журналах, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации. Результаты исследования апробированы на занятиях со студентами Байкальского государственного университета, Восточно-Сибирского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» в рамках преподаваемых дисциплин «Криминология», «Уголовное право», «Судебная статистика».

Результаты исследования были обсуждены на научно-практических конференциях, в числе которых: международная научно-практическая конференция «Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения» (г. Иркутск, 2015); международная научно-практическая конференция «Российское и зарубежное законодательство: современное состояние и перспективы развития» (г. Вологда, 2017); международная научно-практическая конференция «Байкальский юридический форум» (г. Иркутск, 2017); международная научно-практическая конференция «Современные тенденции

развития науки и технологий» (г. Белгород, 2017); международная научно-практическая конференция «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях» (г. Иркутск, 2019); межрегиональная научно-практическая конференция «Российское правоведение: трибуна молодого ученого» секция уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительное право (г. Томск, 2017); межвузовская научно-практическая конференция «Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования» (г. Иркутск, 2019).

Структура научно-квалификационной работы (диссертации) обусловлена поставленной целью и задачами, состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, библиографии, приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

§ 1. Безопасность и ее обеспечение в теории криминологии

Традиционно анализ существующих научных категорий начинается с уяснения их формообразующих элементов. В рамках данного исследования к исходной категории криминологической безопасности относится феномен *безопасности*. Термин «безопасность» широко используется в нормативно-правовых актах и научной литературе. Вместе с тем в науке и практике отсутствует единообразный подход к его определению, поскольку для формулирования универсального термина требуются глубокие системные знания философии и многих других наук.

В действующем Федеральном законе «О безопасности» от 29 декабря 2010 года № 390-ФЗ (далее – Федеральный закон № 390-ФЗ), Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – СНБ) не содержится определения безопасности, однако оно подразумевается посредством ввода характеризующих национальную безопасность элементов. Как отмечает профессор М. М. Бабаев, такие элементы сами нуждаются в разъяснениях («угроза», «состояние защищенности», «стабильность» и т. п.)¹. Вместе с тем безопасность не является искусственным субстратом. Это исторически закономерное явление, сложившееся в системе отношений человека с самим собой и окружающим его миром. Безопасность явилась естественной психофизиологической потребностью человека в сохранении своей биологической жизни, рода, этноса, что и было первопричиной объединения людей в группы. Внутри данных групп было неизбежно столкновение интересов, что привело к осознанию необходимости искать компромиссы и чем-то жертвовать, чтобы выживать. Соответственно

¹ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. С. 122.

рассматриваемый феномен безопасности представляет собой и способ бытия, и одновременно категорию его познания в движении к организации социальных, правовых государств с развитием человеческого сознания². Кроме того, безопасность также может рассматриваться как критерий для оценки легитимности действий субъектов правоприменительной практики или государственного управления, в связи с чем имеет смысл определять сущностное содержание такого критерия.

В гуманитарных науках вопрос безопасности стал занимать одно из центральных мест после начала серий революционных потрясений с XVII века, рассматривался в трудах Д. Локка, Т. Гоббса, Ж. Ж. Руссо, Г. Гроция, Ш. Монтескье, Б. Спинозы. В тот период взамен религиозных представлений о безопасности человека как личного психологического ощущения через спасение души было предложено обратить внимание на роль государства в обеспечении безопасности, что являлось его важнейшей функцией и условием сохранения. Часто государство рассматривалось как «цербер» для людей, чье поведение представляется нежелательным. К XIX веку к пониманию безопасности добавились представления о необходимости поддержания высокого экономического уровня развития страны, который непосредственно влиял на состояние военной безопасности. Экономическое измерение безопасности в международных процессах привело к дилемме «протекционизм – свободная торговля», появился термин «экономическая агрессия», связанный с необходимостью ограничить поставки дешевых зарубежных товаров, от которых начинала зависеть страна в своем экономическом благополучии. В годы Великой депрессии экономическая безопасность стала рассматриваться в связке с экономическим благополучием отдельных лиц, хозяйств, их защищенностью от внешних ухудшений в международной финансовой системе³. С середины XX века мы можем наблюдать расширение акцентов в осмыслении безопасности в

² Романович А. Л. Развитие и безопасность социоприродных систем: философско-методологический анализ : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. С. 42–43.

³ Фомин А. М. Экономическая безопасность государства // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 34. С. 118.

технологическую, экологическую, политическую стороны, что связано с появлением оружия массового поражения, развитием новых динамик мировых войн при отсутствии исторического содержательного смысла, с климатическими изменениями и т. п.

Таким образом, по мере усложнения социокультурной реальности усложнялись мировоззрение и представление о феномене безопасности.

Н. Н. Рыбалкин выделяет несколько основных групп существующих *определений* интересующего нас феномена: как состояние защищенности; отсутствие опасности; свойство системы; специфическая деятельность; состояние системы⁴.

А. В. Возжеников указывает, что отождествление безопасности с состоянием защищенности – это защищенность материального мира человека, т. е. отражение сугубо практических интересов на элементарном уровне мышления⁵.

С. З. Павленко также обращает внимание, что понимание безопасности через позицию защищенности влечет за собой регенерацию парадигмы государственной безопасности, принятой в СССР, когда в центр внимания ставились вопросы незыблемости объектов защиты, необходимость их ограждения от внешних угроз при отрицании внутренних противоречий⁶. Вместе с тем защита от угроз является только одной из составляющих сущности безопасности и не может ею ограничиться.

Определение безопасности как «отсутствие опасности» связано с отражением некоего *приемлемого уровня безопасности*, при котором обеспечивается гипотетическая «норма» жизнедеятельности человека (относительная гармоничность в использовании своих прав и возможностей сообразно реалиям)⁷.

⁴ Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. С. 24–44.

⁵ Возжеников А. В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. М., 2000. С. 47.

⁶ Павленко С. З. Безопасность Российского государства как политическая проблема : дис. ... д-ра полит. наук. М., 1998. С. 96.

⁷ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. С. 124.

Безопасность как свойство системы связана со *стремлением систем к самосохранению*. А. Л. Романович характеризует в данном контексте безопасность как способность объекта сохранять свои системообразующие свойства и характеристики при внутреннем или внешнем регрессирующем воздействии⁸. В данном контексте безопасность проявляется как *имманентное свойство объекта*, с чем не согласны многие авторы, и образуется следующая группа определений, относящихся к пониманию безопасности как специфической деятельности. В указанной группе определений преобладает акцент на *необходимости обеспечения безопасности*. В данной группе мы встречаем такие «формулы» безопасности, как деятельность по нейтрализации реальных и потенциальных угроз обществу и государству; обеспечение условий защищенности социума⁹; обеспечение условий для развития страны¹⁰; гарантирование основных прав и свобод личности¹¹, обеспечение необходимых условий для жизни; и т. д.

Наконец, группа определений, представляющих безопасность в качестве состояния, подразумевает относительное состояние стабильности системы (объекта), *состояние отношений субъектов, объектов безопасности и угроз, при которых обеспечивается целостность и функционирование системы (объекта)*¹².

Существуют также и менее распространенные определения, но все они варьируют смысловыми конструкциями *состояния, свойства, результат, условия*, через которые предстает конечная интерпретация феномена безопасности. Как правило, в таких интерпретациях сам феномен безопасности представлен в усеченном виде через несколько своих сторон или подменяется своей частью. Н. Н. Рыбалкин указывает, что определения безопасности являются не более чем

⁸ Романович А. Л. Развитие и безопасность социоприродных систем: философско-методологический анализ : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. С. 53.

⁹ Нечипоренко В. В. Чрезвычайная ситуация глобального характера и формирование современной теории безопасности // социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях: сб. ст. М.: Граница, 1994. С. 111.

¹⁰ Тимохин П. П. К формированию концепции безопасности России // Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. 1993. № 6(12). С. 30.

¹¹ Тарасова Е. Н. Личная безопасность граждан и ее конституционные гарантии в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 85. С. 361–364.

¹² Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. С. 41–45.

субъективными представлениями о феномене, которые не отражают его сущности, пониманию которой предшествует *исследование природы безопасности*¹³. Данная природа связана с *сохранением существования*. «В единстве утверждения и отрицания нечто существует в своей целостности бытия, которое проявляется в возникновении и исчезновении существования его моментов. Сохранение есть поэтому в то же самое время и исчезновение»¹⁴. Иными словами, сохранение проявляется через феномен развития, связанный с постоянным изменением объекта, при котором его базовые природные качества остаются целостными.

В свою очередь, воздействие, отрицающее природные качества и сами изменения, будет *опасным*. Опасность определяется, как мы видим, через *отношение к природе вещей*. У живых форм жизни «индикатор» положительности или губительности влияния внешних условий имеется изначально сообразно инстинкту самосохранения. При этом воздействие, подвергаясь некой оценке объекта, может быть расценено как опасное, таковым не являясь, и наоборот. Такое субъективное восприятие воздействий имеет место в рамках рефлексивного оформления человеком своего существования по отношению к опасности, что порождает определение феномена безопасности через *отношение к опасности*¹⁵. Вместе с тем человеку свойственно ставить существование на место бытия, поэтому в качестве опасных расцениваются явления, относящиеся к естественному процессу развития социальной системы или же системы человека, сообразные природе вещей (например, возрастные особенности становления личности у ребенка, неудобные взрослым лицам; появление политического плюрализма в тоталитарных государствах).

В социальных системах безопасность определяется как *сохранение их природы*. Опасность выражается как воздействие, которое противоречит этой природе, в том числе если речь идет о затормаживании процесса развития из-за страха перед исчезновением моментов системы. В зависимости от характера

¹³ Рыбалкин Н. Н. Указ. соч. С. 69.

¹⁴ Там же. С. 146.

¹⁵ Там же. С. 27–28.

взаимосвязи социальной системы и отрицающего воздействия (на определенном промежутке времени) формируется *парадигма безопасности*.

Парадигмы безопасности можно выделить в зависимости от выбора философско-методологического подхода к исследованию природы феномена. В научной литературе существуют три основных подхода: натуралистический, деятельностный и интегративный. Через первый подход воплощаются все парадигмы защищенности (безопасность – результат действий по активному поиску угроз и противостоянию им); со вторым подходом на первый план выходит деятельность, оптимизирующая процесс обеспечения безопасности на основе необходимости реализовать и удовлетворять конкретные потребности. Интегративный подход воплощается в парадигмах, смешивающих два упомянутых подхода¹⁶. Но во всех трех случаях в качестве антипода необходима опасность с угрозами, что чревато созданием, поддержанием, поиском потенциальных, реальных источников отрицающего воздействия для оправдания существующих парадигм (например, создание Лабораторией Касперского вирусов, культивация некоторыми странами образа внешнего политического врага). Н. Н. Рыбалкин предлагает обратить внимание на глубинную природу социальных систем, тогда парадигма безопасности должна строиться на *поддержании естественности социального развития посредством своевременного обнаружения и устранения объективных препятствий к таковому*¹⁷.

Из вышеизложенного материала следует **вывод**, что при исследовании частной формы безопасности необходимо не пытаться вводить новые понятия, а обращать внимание на природу социальной или иной системы. Необходимо ставить вопрос, не отрицают ли эту природу существующие и предлагаемые меры по обеспечению частной формы безопасности. При определении опасности необходимо выделять, где ее *объективное*, а где *субъективное* отражение, поскольку последнее может являться не более чем отражением человеческого

¹⁶ Романович А. Л. Развитие и безопасность социоприродных систем: философско-методологический анализ : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. С. 46–47.

¹⁷ Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. С. 37.

страха перед трансформационными процессами, не укладывающимися в привычное представление о правильном и должном. Парадигма обеспечения безопасности, предложенная Н. Н. Рыбалкиным, предстает наиболее здоровым вариантом, поскольку в центре внимания оказывается *потребность в развитии*, а не противопоставление угрозы безопасности. Обращение к категории криминологической безопасности, как представляется, требует учета приведенных философских оснований исходного феномена.

Интерес к безопасности с позиций криминологического знания возник к 1990-м годам, в то время и начала складываться концепция криминологической безопасности¹⁸. Данная концепция развивалась М. М. Бабаевым, С. Я. Лебедевым, А. Б. Антоновым, В. Г. Балашовым, Е. А. Олейниковым, В. А. Плешаковым¹⁹. Во избежание искажений сути рассматриваемой концепции и ее элементов необходимо, как было сказано ранее, помнить о природе социальной системы, в контексте которой существует категория криминологической безопасности.

Социальная система, образованная за счет людей, их взаимодействия, *по своей природе* предполагает *сохранение человеческой жизни*. Рассматривая любую теорию происхождения общества или государства и права, можно увидеть, что центральным элементом будет человек и его жизнь вне зависимости от теоретических надстроек. Сохранение же невозможно без процесса развития, отсюда природная необходимость в *среде*, способствующей раскрытию творческого потенциала каждой личности для позитивного преобразования

¹⁸ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. С. 120–121.

¹⁹ Антонов А. Б., Балашов В. Г. Основы обеспечения безопасности личности, общества и государства. М.: Институт защиты предпринимателя, 1996. 141 с. ; Босхолов С. С., Сидорова Е. З. Понятие системы обеспечения криминологической безопасности образования / Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94). С. 66–73 ; Плешаков В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 323 с. ; Шаваева А. Г. Криминологическая безопасность негосударственных объектов экономики. М. : ИНФРА-М., 1995. 126 с. ; Олейников Е. А. Экономическая и национальная безопасность. М. : Экзамен, 2005. 766 с. ; Лапин А.А., Лебедев С. Я. Стратегия обеспечения криминологической безопасности личности, общества, государства и ее реализация органами внутренних дел. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 296 с.

окружающего мира и себя в нем (сюда относятся экономические, здравоохранительные, политические, культурные, иные сферы человеческой жизнедеятельности). Обеспечение криминологической безопасности в социальной системе предполагает сохранение ее жизнеспособности при отрицательных воздействиях преступности. Сложность заключается в том, что система преступности является функциональной частью социальной и свойственна последней имманентно, одновременно образуя систему для собственных элементов.

Если обратиться к единой теории конфликта В. А. Семенова и В. А. Светлова, появление которой оправдало существование конфликтологии в качестве науки, то система преступности со всеми ее атрибутами в качестве конфликта есть симптом глубоких фундаментальных проблем внутри социальной системы, а не патология, девиация, внешнее «вражеское давление» или нечто в том же духе. Сам конфликт, который свидетельствует о внутренних проблемах, – это не противостояние, столкновение, площадка споров, взаимодействие противоборствующих сторон, подобные определения *устарели*. Конфликт – нелогическое противоречие²⁰, которое разрешается в два возможных варианта – синергизм или антагонизм, в противном случае последует уничтожение системы. Если более подробно, то конфликт – это разновидность *структурного дисбаланса* системы, когда она *не может* самосохраниться в *прежнем качестве*, границах, теряет устойчивость, *не в состоянии достичь цели* с прежним набором и зависимостью причинных переменных. Данный дисбаланс может возникнуть как между элементами системы, так и между системой и внешней средой²¹. *Суть конфликта состоит в глубинной причине* структурного дисбаланса образующих систему отношений. Чаще это обратные отрицательные связи, блокирующие развитие системы в прежнем направлении. В данном случае система теряет

²⁰ Логическое противоречие – противоречие в области мышления, когда только одно утверждение истинно. Нелогическое противоречие возникает в реально действующих системах, где нет однозначности и линейности.

²¹ Светлов. В. А. Конфликт: модели, решения, менеджмент : учеб. пособие. СПб.: Питер, 2005. С. 20–28.

способность достичь значимого результата в нужном месте и в нужное время. Развитие системы замедляется, останавливается или начинается деградация, так как *ресурсы системы уходят на противодействие отрицательной связи, подавление ее проявлений*. Одновременно в системе развивается противоположенный процесс – поиск способов преодоления конфликтной ситуации для сбалансированного существования элементов, а конфликт служит показателем перехода системы из устойчивого состояния в неустойчивое, что сопровождается *поиском новых форм существования или стремлением к сохранению прежних*²². Упорное сохранение прежних форм в прежнем качестве или новом, но антиприродном противоречит основному условию существования – развитию.

Что преступность – часть социальной системы, что подавление и отрицание ее элементов не приводят ни к чему хорошему, общеизвестно. Однако из изложенного следует, что система преступности – полезный индикатор существующей фундаментальной проблемы, понимание которого в своей части определяет вектор естественного развития социальной системы в соответствии с ее природой. В случае интенсификации воздействия факторов, связанных с преступностью, увеличения ресурсов на подавление отрицательных ее связей в обществе при одновременном отсутствии достижения стратегически значимых целей в предупреждении преступности можно говорить о неэффективности модели обеспечения криминологической безопасности.

Модель обеспечения (парадигма) безопасности в дискурсе противодействия преступности должна быть рассчитана на сохранение природы социальной системы, т. е. **не** на привычные защитные антагонистические установки, а на *развитие и сбережение человеческого капитала и среды его позитивной самореализации* в условиях негативного воздействия преступности и связанных с ней моментов, *противоречащих условию развития*. Такая гипотетическая парадигма отражает природу криминологической безопасности, к необходимости

²² Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. С. 29.

понимания которой апеллирует М. М. Бабаев в положениях, касающихся переустройства принципов функционирования исполнительной власти, в том числе в части правоохранительной деятельности. Профессор утверждает, что, безусловно, стандартная полицейская защита в виде пресечения и раскрытия преступлений – задача важная, но она не может быть самоцелью правоохранительной деятельности, иначе это просто трата ресурсов на подавление отрицательных связей преступности в обществе. Успешная реализация полицейской защиты должна способствовать улучшению качества жизни людей на *конкретной территории*, уменьшению причиненного вреда, усилению реального сектора экономики, минимизации социальных последствий преступности и т. п. Вместе с тем действительные приоритеты борьбы с преступностью далеки от обеспечения личной безопасности, защиты прав и интересов граждан²³.

Категория «криминологическая безопасность» позволяет систематизировать качественные показатели эффективности не только деятельности правоохранительных органов, но и всей системы предупреждения преступности применительно к действительным характеристикам тех объектов, защита и благополучие которых обеспечивается. Данная категория предстает как «объективное состояние защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, порождаемых различного рода криминогенными факторами (явлениями, процессами), а также осознание людьми такой своей защищенности»²⁴. М. П. Клейменов воспроизводит данное определение без существенного изменения его смысла, определяя криминологическую безопасность как состояние защищенности законных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, исходящих от явлений,

²³ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной... С. 130–131.

²⁴ Там же. С. 30.; Бабаев М. М., Плешаков В. А. Теоретические и прикладные проблемы обеспечения криминологической безопасности // Уголовная политика и проблемы безопасности государства: тр. Акад. упр. МВД России. – М., 1998. С. 31.

образующих преступность²⁵. С. А. Клименко, анализируя состояние криминологической безопасности, приходит к аналогичным выводам, определяя интересующую нас категорию как «объективно-субъективное состояние защищенности прав, обязанностей и законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств»²⁶. Г. Н. Горшенков выделяет криминологическую безопасность физического и юридического лица. Под криминологической безопасностью личности автор понимает «состояние защищенности личности человека от общественно опасного информационного воздействия»²⁷. О. В. Воронцова включает в определение криминологической безопасности состояние защищенности любого объекта от криминальной угрозы как результат противодействия ей именно криминологическими средствами, по большей части из категории общесоциальных мер предупреждения преступности²⁸.

М. М. Бабаев отмечает, что в большинстве случаев мы встречаем определения криминологической безопасности, концентрирующие объективные элементы (криминальные угрозы, посягательства, факторы противодействия и т. д.), но они не исчерпывают суть феномена. Профессор констатирует, что криминологическая безопасность – это и состояние защищенности, и свойство общества (государства), и реальное состояние социальной системы, и деятельность по обеспечению безопасности, и отсутствие опасностей (в смысле обеспечения приемлемого уровня безопасности), а также ощущение людей, социальное самочувствие, находящееся в явном противоречии со статистикой раскрываемости преступлений. Подобный набор невозможно обеспечить только мерами по

²⁵ Клейменов М. П. Прогнозирование криминологической безопасности // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. С. 42.

²⁶ Клименко С. А. Криминологическая безопасность правоотношений в сфере налогообложения в России : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 18.

²⁷ Горшенков Г. Н. Криминологический словарь : монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. госуниверситета, 2004. С. 54.

²⁸ Воронцова О. В. Криминологическая безопасность несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. С. 23–24.

снижению криминальных угроз²⁹. Обеспечение криминологической безопасности предполагает комплекс организационно-правовых мер различного характера, реализуемых государством, направленных на *развитие и сохранение человеческого капитала, среды позитивной личностной самореализации от объективно отрицающих воздействий системы преступности и связанных с нею моментов, противоречащих условию развития*. Такая направленность отражает природу криминологической безопасности и красной линией должна проходить по задачам, целям, методам обеспечения криминологической безопасности.

Обеспечение рассматриваемого вида безопасности также неразрывно связано с категорией политики, поскольку таковая является средством государственного управления, отражает приоритеты, конечные цели, методы и подходы к решению конкретных задач, концентрируется в базовых нормативных правовых актах, существует в целях поддержания жизнеспособности социальной системы, направляя деятельность конкретных субъектов реализации. На сегодня фактически базовой является политика обеспечения национальной безопасности, в рамках которой обозначены приоритеты по отношению к любой сфере государственного управления, включая и сферу уголовной политики. Последняя понимается как средство управления рисками, последствиями и явлениями преступности в целях обеспечения жизнеспособности социальной системы. Именно на данном уровне начинается обеспечение криминологической безопасности. Ее акцент перенесен с объекта нападения (преступность) на объект защиты (государство, общество, личность)³⁰. Но на практике мы чаще наблюдаем стратегии уголовной политики «безопасность – защита от опасности», что уже стало традицией и имеет существенные недостатки, исследованные Д. Гиллингом. Один из них заключается в следующем: часть человеческих ресурсов и среда функционирования человека, аккумулированные в системе преступности, как мы понимаем, являются частью все

²⁹ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. С. 127–128.

³⁰ Плешаков В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 33.

той же социальной системы, а значит, недопустимы предложения, предполагающие усиление эксклюзии и депривации лиц, чей образ жизни и поведение ассоциированы с *угрозами криминологической безопасности*³¹. С практической точки зрения, воплощение именно таких предложений влечет за собой существенные социальные риски в виде преумножения факторов самовоспроизводства преступности, нарастания авторитарного порядка управления обществом с закреплением универсальных моральных норм и развитием «полицейского» подхода к решению социальных проблем³².

Показатели эффективности уголовной политики, определяющей ход обеспечения криминологической безопасности, в таком случае должны быть трансформированы и должны отражать потенциал социальной системы к изменениям сообразно реалиям и рискам обеспечения криминологической безопасности. Риски в ее обеспечении определяются как вероятность возникновения или усиления действия непосредственных факторов преступности и отдельно взятых ее форм и видов³³. К указанным показателям относятся латентность преступности, качество профилактических мероприятий, с точки зрения результата, а не процесса, показатели успешной ресоциализации и самореализации осужденных в социуме, оценка уровня самовоспроизводства преступности через семейный фактор, общественная оценка деятельности ОВД на конкретной территории, показатели профессиональной пригодности сотрудников правоохранительных органов, соотношение качества последствий преступления с мерами по их устранению, иные. Если объединить критерии по своим сущностным характеристикам, то мы должны получить примерно 5 групп:

³¹ Лапин А. А. Стратегия обеспечения криминологической безопасности личности, общества, государства и ее реализация органами внутренних дел. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 295 с.; Зиновьев В. В. Антинаркотическая политика России: уголовно-правовые и криминологические аспекты реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 26 с.

³² Gilling D. Community safety and social policy // European Journal on Criminal Policy and Research. 2001. № 9. P. 391–392.

³³ Бабаев М. М. Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 9. С. 105–106.

1. Показатели развития человеческих ресурсов (здоровье, образование, психологическая культура, наличие возможностей для социальной адаптации и т. п.): а) в системе правоохранительных органов, судебных; б) групп населения на конкретной территории; в) преступников и правонарушителей; г) субъектов стратегического планирования в сфере противодействия преступности.

2. Показатели эффективности борьбы с преступностью, подразумевающие качество деятельности правоохранительных органов по *своевременному* выявлению, пресечению преступлений, степень и границы участия данных органов в комплексном предупреждении преступлений.

3. Показатели эффективности действующей системы профилактики правонарушений в частях сокращения криминализации общественных отношений, сокращения виктимизации, снижения страха населения перед преступностью, сокращения возможностей и выгод от совершения преступления в конкретных территориальных границах, повышения доверия населения к правоохранительным органам, качественной ресоциализации лиц, эффективного участия институтов гражданского общества в предупреждении преступности.

4. Показатели устранения последствий преступлений и возмещения вреда, что предполагает разработку методики экономической оценки последствий различных категорий преступлений, оценку стоимости системы правосудия и ожидаемых экономических выгод от ресоциализации преступника, своевременного предупреждения преступлений, оценку экономических потерь от безуспешной ресоциализации осужденных и травмирования жертв преступлений.

5. Показатели эффективности назначаемых наказаний и их исполнения с позиции ожидаемого результата – прекращения противоправной деятельности при активной позитивной самореализации в социуме осужденных.

Таким образом, криминологическая безопасность не является исключительно теоретической конструкцией и частной формой безопасности. Данная категория позволяет систематизировать качественную группу показателей эффективности уголовной политики, безотносительно к которой рассматриваемая категория не будет иметь практического значения. Упомянутые показатели

эффективности в своей совокупности позволяют оценить в связи с воздействием преступности динамику характеристик тех объектов, ради гармоничного социального функционирования которых и существует уголовная политика. Последняя, при всей неоднозначности определения термина «политика», является средством государственного управления³⁴, суть которого – поддержание жизнеспособности социальной системы посредством грамотного управления преступностью в дискурсе обеспечения национальной безопасности. Обеспечение криминологической безопасности предполагается назначением уголовной политики и связывает ее с более общей теорией безопасности.

§ 2. Нормативно-правовая основа и проблемы правового обеспечения антинаркотической безопасности

Прежде чем перейти к обзору нормативной правовой основы обеспечения криминологической безопасности в рамках предупреждения незаконного оборота наркотиков (далее – НОН), целесообразно обратить внимание на закономерности, связанные с реализацией ее положений на практике. Обзор указанных закономерностей позволяет минимизировать риски, связанные с отклонением практики обеспечения криминологической безопасности от ее базовых положений и целей.

Поскольку такая практика связана со сменой парадигмы противодействия преступности на управление рисками, сопряженными с нею, и последствиями, в данном исследовании было обращено внимание на опыт ряда зарубежных стран. При этом то, что мы называем концепцией криминологической безопасности, стало квинтэссенцией нескольких зарубежных подходов к предупреждению

³⁴Абдуллоева Л. М. Политика как средство государственного управления // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2/5–2. С. 295–299; Кожевников С. А. Повышение эффективности государственного управления – ключевая задача для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 3. С. 80–81; Коньшева О. О. Региональная политика как способ управления социальными процессами: дис. ... канд. социол. наук. М., 2002. 146 с.

преступности при центровке внимания на защите личности и развитии среды ее обитания, управлении криминогенными рисками.

С учетом задач данного диссертационного исследования также необходимо получить максимально конкретизированное представление об этапах и рисках внедрения концепции криминологической безопасности в практику работы правоохранительных и иных органов. Для конкретизации указанных этапов и рисков при изучении зарубежного опыта была выбрана Великобритания. Выбор связан с рядом объективных причин: именно в данной стране проблемы уголовной политики начали рассматриваться как проблемы обеспечения безопасности населения³⁵; ее опыт был реплицирован странами, относящимися к англо-американской системе предупреждения преступности; ряд направлений российской системы противодействия преступности воспроизводит общий контур англо-американской модели противодействия преступности, сложившийся при наибольшем влиянии в ее развитии именно Великобритании³⁶.

Кроме того, опыт данной страны в воспроизводстве положений концепции криминологической безопасности берет свое начало в 1960-е годы и является наиболее полным, по характеристикам основных этапов такого воспроизведения иные страны фактически его повторяют (Канада, Португалия, Новая Зеландия, Германия, Дания и т.д.)³⁷.

Апробация положений криминологической безопасности в Великобритании начинается с образования Корнуэльского комитета по предупреждению и выявлению преступлений (Cornish Committee on the Prevention and Detection of Crime) в 1960 году. В 1965 году данной организацией было рекомендовано начать создание рабочих групп в правоохранительных органах в рамках деятельности по

³⁵ Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2018. С. 95.

³⁶ Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : автореф. дис ... д-ра юрид. наук. СПб., 2018. С. 13–14.

³⁷ Waller I. Effective Measures for the Prevention of Crime Associated with Urbanization // Resource Material Series. 2006. №. 68. P. 75–88. URL: [https:// www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No68/No68_09VE_ Waller1.pdf](https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No68/No68_09VE_Waller1.pdf) (access date: 30.08.2019); Gilling D. Crime Prevention: Theory, Policy And Practice. London: UCL Press, 1997. P. 55–56.

сокращению возможностей совершения преступлений. Ключевая идея заключалась в обеспечении сквозной связи между широким кругом необходимых государственных органов и общественных организаций с полицией через специальных офицеров, поскольку правоохранительные органы зачастую не имели компетенции на устранение тех или иных криминогенных рисков. Таким образом, начинается смещение фокуса внимания на необходимость предоставления защиты объектам уголовно-правовой охраны до того, как они пострадали, для чего необходимо было развивать систему межведомственного взаимодействия. Впоследствии (к 1980-м годам) начали создаваться межведомственные организации по обеспечению безопасности, и основная сложность заключалась в том, что даже в объединенном виде ведомственные сотрудники пренебрежительно относились к работе представителей отличных ведомств (на отечественном примере: оперуполномоченный уголовного розыска и инспектор по делам несовершеннолетних). Кроме того, вместо проблемно ориентированного подхода в деятельности сотрудников правоохранительных органов по инерции применялся ситуационный подход к предупреждению преступности³⁸. В идеале предполагалось, что тесное сотрудничество между собой и с гражданами при применении проблемно ориентированного подхода позволит выявить системные проблемы в сообществах и составить программы по их разрешению³⁹. Таким образом устанавливалась субсидиарная ответственность сразу комплекса учреждений, ведомств и гражданского общества за качество управления преступностью.

Политика Великобритании борьбы с преступностью начала превращаться в политику менеджмента рисков еще к концу 1960-х годов и была связана с профилактикой антисоциального поведения, устранением возможных рисков, источников уязвимости и с повышением уровня качества жизни местных жителей

³⁸ Gilling D. Multi-Agency Crime Prevention: Some Barriers to Collaboration // *The Howard Journal of Crime and Justice*. 1994. Vol 33, № 3. P. 247–251.

³⁹ Braga A. A. *Problem-oriented policing and crime prevention: 2nd edition*. New York.: Criminal Justice Press Monsey, 2008. P. 9–12.

на конкретной территории⁴⁰. Вместе с тем политически удобными считались меры традиционного уголовно-правового реагирования на факты преступного поведения, что ограничивало развитие взаимоувязанных мер социального, экономического характера⁴¹. Обострялись проблемы несвоевременного устранения криминогенных факторов, эффективности методов индивидуальной профилактики преступного поведения оперативности реагирования местных органов власти на жалобы граждан⁴². Кроме того, рядовые сотрудники правоохранительных органов оказались неподготовленными к применению положений проблемно ориентированного подхода в работе, не обладали достаточными компетенциями для выстраивания эффективной коммуникации с представителями различных групп населения (наркозависимые, алкоголики, абьюзеры). В итоге была трансформирована система подготовки данных сотрудников⁴³, разработана рабочая цикличная модель SARA для применения сотрудниками правоохранительных органов на местах⁴⁴.

На нормативно-правовом уровне с изданием Закона 1998 года (Crime and Disorder Act, далее – CDA) пятым и шестым разделами был закреплён объёмный перечень обязательных взаимодействующих субъектов по повышению уровня защищённости населения. В соответствии с CDA были учреждены локальные Партнерства по обеспечению безопасности сообщества (Community Safety Partnerships или Crime and Disorder Reduction Partnerships, далее – Партнерства). Приоритетным направлением их работы являлись *минимизация действий криминогенных факторов, оптимизация процесса взаимодействия с гражданами*

⁴⁰Squires P. Criminology and the ‘Community Safety’ Paradigm: Safety, Power and Success and the Limits of the Local // The British Criminology Conferences: Selected Proceedings. 1999. Vol. 2. URL: <http://www.britisocrim.org/volume2/012.pdf> (access date: 30.08.2019)

⁴¹Gilling D. Multi-agency crime prevention in Britain: the problem of combining situational and social strategies // Crime Prevention Studies. 1994. Vol. 2. P. 234.

⁴²Balloch S., Taylor M. Partnership Working: Policy and Practice. Bristol: Policy Press, 2001. P. 226.

⁴³Scott M. S. Getting The Police To Take Problem-Oriented Policing Seriously // Crime Prevention Studies. 2003. Vol. 15. P. 54–61.

⁴⁴The SARA model / Bright research group. URL: <http://oaklandunite.org/wp-content/uploads/2012/11/The-SARA-Model.pdf> (access date: 30.08.2019).

*сотрудников правоохранительных органов*⁴⁵. Указанные Партнерства составляют один из центральных рабочих механизмов обеспечения безопасности населения. Основная задача Партнерств по сей день – *предоставить и скоординировать реализацию эффективной стратегии по снижению уровня преступности на конкретной территории*. Подготовкой стратегии занимается стратегическая группа, формирующаяся из представителей партнерских команд, приглашенных специалистов и представителей общественности (дополнения SI 2007/1830 к CDA от 1998 года). *Стратегии* (от локальных до региональных) включают примерно одинаковый набор специфических направлений⁴⁶.

Д. Гарланд в работе «The Culture of Control. Crime and social order in contemporary society» подчеркивает, что сложившийся превентивный подход к преступности обозначил цели, отличающиеся от традиционного подхода «выразительной справедливости» (выявить, наказать).⁴⁷ Превентивный подход являлся децентрализованным в применении, представлял преступность *перспективно и совокупно* (все потенциально преступники и жертвы), интегрируя официальные методы предупреждения преступности и *социального контроля* на основе партнерства широкого круга организаций⁴⁸.

В свою очередь, Д. Гиллинг обращал внимание на риск регенерации на локальных уровнях политики нулевой толерантности к любым проявлениям,

⁴⁵ Phillips C., Jacobson J., Prime R. Crime and Disorder Reduction Partnerships: Round one progress // Policing and Reducing Crime Unit: Police Research Series. Paper 151. 2002. P. 1–3. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/157696305.pdf> (access date: 30.08.2019).

⁴⁶ – сокращение *актуальных для данной местности* видов противоправных деяний;
 – сокращение уровня рецидивной преступности, преступности несовершеннолетних, а также преступлений на почве ненависти;
 – сокращение случаев антисоциального поведения;
 – *сокращение уровня злоупотребления психоактивными веществами*;
 – сокращение уровня страха перед преступностью;
 – выявление и профилактика домашнего насилия;
 – поддержка жертв преступных посягательств;
 – профилактика виктимизации, включая вторичную;
 – обеспечение безопасности территории местного сообщества;
 – обеспечение повышения уровня жизни местных сообществ.

⁴⁷ Garland D. The Culture of Control. Crime and social order in contemporary society. New York: Oxford University Press., 2001. P. 17.

⁴⁸ Ibid. P. 129.

нарушающим порядок, что привело бы к новому витку усиления «полицейского» подхода в решении социальных проблем. Указанное подтвердилось в период действия Приказа об антисоциальном поведении 1998 года (Anti-Social Behaviour Order). Данный Приказ не содержал четкого перечня основания наложения судебного запрета на определенные действия в связи с антисоциальным поведением, которое трактовалось крайне широко и строилось на субъективных представлениях о морали. Распространение такой практики, указывал Д. Гиллинг, приводило к институализации авторитарного порядка, в котором искусственно сконструированы нормы должного морального поведения и исключаются неудобные лица (практически вся молодежь с ее неформальной культурой, шумные соседи, бездомные, люди в трудной жизненной ситуации)⁴⁹. Помимо изложенного обострилась проблема социальной эксклюзии представителей неблагополучных слоев населения, поскольку они взаимосвязаны с таким явлением, как преступность, и пространственно с ним совпадают⁵⁰. Необходимость обеспечения защищенности представителей неблагополучных слоев населения выпадала из обязанностей правоохранительных органов, хотя угроза совершения в отношении них противоправных действий была куда реальнее, чем в отношении законопослушных соседей, которые попадали под категорию объектов защиты.

На сегодня в Великобритании (как и в Австралии, Австрии, США, Канаде, Израиле, Португалии, Новой Зеландии, Германии, Дании, Швеции и даже Эфиопии) наблюдаются точно увязанные со стратегическими целями и задачами правоохранительной работы оперативные планы деятельности органов правопорядка, развитая система волонтерства и эффективное использование данного ресурса⁵¹, система обратной связи с гражданами. Ключевой критерий

⁴⁹ Gilling D. Community safety and social policy // European Journal on Criminal Policy and Research. 2001. № 9. P. 391–392.

⁵⁰ Ibid. P. 395.

⁵¹ Victim support. URL: <https://www.victimsupport.org.uk/help-and-support/how-we-can-help> (official site) (access date: 30.08.2019); Halifax Street Angels. URL: <https://halifaxstreetangels.org.uk/about-us/> (official site) (access date: 30.08.2019); Police. UK. URL: <https://www.police.uk/volunteering/> (official site) (access date: 30.08.2019); Millie A. Volunteering within the Police: experience of special constables and Police support volunteers / report for Lancashire Constabulary. 2016. URL: <https://www.researchgate>.

эффективности работы правоохранительных органов – общественная оценка⁵². Стоит отметить, что на опыте Великобритании мы видим воплощенную формулировку Н. В. Щедрина: «*Предупреждение преступности – специфическая разновидность социального управления, целью которого является снижение вероятности преступного поведения, для чего субъект, используя весь комплекс законных мер воздействия (в том числе и принудительных), стимулирует включение объекта в систему общественно полезных отношений и ограничивает его негативные связи*»⁵³.

Таким образом, дискурс «безопасность – защита от опасности» автоматически отпадает и крайне ограниченно применим в процессе воплощения концепции криминологической безопасности. Привычная модель полиции как специально обученной силовой организации сдерживания преступности, действующей по принципу реагирования на инцидент устарела и не оправдывает затрат на свою реализацию⁵⁴. Принципиально важно отметить следующие моменты, необходимые при реализации концепции криминологической безопасности: появление межведомственных специализированных групп, чья обязанность – менеджмент криминогенных рисков на конкретной территории и их действительное устранение; реформирование системы подготовки сотрудников правоохранительных органов; целевое использование волонтерских ресурсов; закрепление рабочих практик на нормативно-правовом и методических уровнях.

В процессе реализации концепции криминологической безопасности существенны *риски* усиления полицейского подхода к решению социальных проблем; размытие оснований в применении мер полицейского реагирования на

net/publication/328335211_Volunteering_within_the_Police_Experiences_of_Special_Constables_and_Police_Support_Volunteers (access date: 30.08.2019)

⁵² Weitekamp G. M. E., Kerner H., Meier U. Problem solving policing: views of citizens and citizens expectations in Germany // Social work and Society. 2003. Vol. 1. № 1. URL: <https://www.socwork.net/sws/article/view/253/428> (accessdate: 30.08.2019) ; Клейменов И. М. Полицейские органы Великобритании // Вестник Омского Университета: Серия «Право». 2011. № 3 (28). С. 83.

⁵³ Щедрин Н. В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 197–198.

⁵⁴ Ковалев А. Л. Криминологическая профилактика преступлений, осуществляемая на уровне муниципальных образований : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 70.

поведение, которое считается неудобным обществу; недостаточный уровень знаний и навыков рядовых сотрудников правоохранительных органов; эксклюзия отдельных групп населения, ассоциированных с угрозами безопасности; политическая инертность и предпочтение традиционных подходов борьбы с преступностью.

Указанные закономерности и риски воспроизводились и в «дочерней» политике обеспечения безопасности в сфере предупреждения НОН – антинаркотической политике. Сразу оговоримся, что среди наименований мы можем встретить стратегии наркополитики, антинаркотической политики, предупреждения зависимостей, наркотические, антинаркотические стратегии, национальные планы действий в отношении алкоголя и наркотиков, суть их в зависимости от названия не меняется. Проблема состоит в том, что НОН и его представители автоматически заносятся в перечень угроз безопасности обществу на уровне уже морально-нравственных оценок и при выстраивании системы предупреждения НОН в рамках правоохранительной работы риски реализации положений концепции криминологической безопасности возрастают. Кроме того, исторический контекст выстраивания системы противодействия НОН на международном уровне характеризуется значительным влиянием субъективных представлений и обусловлен чисто политическими и экономическими интересами⁵⁵. Помимо указанного на международном уровне закрепились *только основные минимальные требования* к предупреждению НОН, которые *не предполагают универсального* и обязательного механизма к имплементации.

На данный момент сложилась масса диаметрально противоположенных стратегий антинаркотической политики, которые фактически соответствуют основным международным конвенциям в рассматриваемой сфере. Указанное связано с тем, что государства с разной скоростью по мере своего культурно-исторического развития начинают обращать более пристальное внимание на

⁵⁵ McAllister W. B. Drug Diplomacy in the Twentieth Century. New York, 2000. P. 64–68. ; Овчинский В. С., Федоров А. В. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков. М., 2010. 624 с.

показатели, важные для обеспечения именно криминологической безопасности населения, что вызывает сопротивление. На примере Португалии мы бы хотели обратить внимание на причины, закономерности такого движения, поскольку данная страна к настоящему моменту имеет одну из наиболее спорных стратегий антинаркотической политики, но при этом наиболее благополучную наркоситуацию, в том числе и в плане минимизации последствий НОН⁵⁶.

Кроме того, по своему историческому контексту, развитию наркоситуации, политическим особенностям противодействия НОН опыт Португалии сопоставим с российским, однако имеется ряд отличительных черт, которые привели к тому, что положения криминологической безопасности применительно к предупреждению НОН в Португалии апробированы и работают: показатели наркопреступности, наркомании, распространенности социально-негативных последствий данных явлений как угроз национальной безопасности характеризуются устойчивой тенденцией к сокращению как в количественном, так и в качественном плане. При этом по ряду показателей наркоситуация в Португалии стала управляемой, то есть риски обеспечения антинаркотической безопасности успешно минимизированы, в то время как в России – не в полной мере.

В истории развития антинаркотической политики Португалии можно проследить три периода:

1) простая имплементация положений норм международных конвенций и наиболее распространенных мер предупреждения НОН, отсутствие ресурсов для их реализации;

2) создание межведомственных экспертных организаций по решению проблем НОН, накопление опыта, бессвязность и декларативность первоначальных планов, отсутствие значимого эффекта;

3) полная ревизия положений антинаркотической политики и механизма ее реализации на экспертном уровне, их фундаментальная трансформация и

⁵⁶ Statistical Bulletins. URL: https://www.emcdda.europa.eu/geographical-scope/portugal_en

реализация.

Смене данных периодов в значительной мере способствовала ограниченность человеческого ресурса с преобладанием населения в молодом возрасте, а неуправляемость наркоситуации ставила под угрозу жизнеспособность страны через сокращение данного ресурса.

Как и для многих других стран, для Португалии было характерно введение, с одной стороны, сбалансированных мер по предупреждению НОН, с другой – отсутствие эффекта от них (как и в России). С подписанием Единой конвенции в 1961 году Португалия внедрила во внутреннее законодательство положения по криминализации действий, составляющих НОН, включая и персональное наркопотребление. В область здравоохранения были внедрены законы, предусматривающие необходимость раннего выявления наркопотребления и предоставления лечения наркозависимым лицам, в том числе в местах лишения свободы, однако ни системы лечения и реабилитации, ни средств, ни планов на это не было⁵⁷ (как и в России). Министерство здравоохранения, ответственное за создание системы лечения для наркозависимых лиц, включилось в процесс выстраивания антинаркотической политики с подписанием Конвенции о психотропных веществах в 1971 году. Португалия на тот момент была страной изолированной, с жестким диктаторским режимом, установившимся еще в 1920-х годах. Население было консервативным и имело только моральные представления о наркомании и НОН (как и в России). 1974 год ознаменовался военным переворотом и свержением ослабевшего режима, после чего начала складываться наркоситуация, аналогичная российской в 1990-х годах: через португальский рынок хлынули поставки тяжелых наркотиков, росли организованная преступность и уровень наркотизации⁵⁸. Параллельно мобилизовались многочисленные

⁵⁷ Kundrod K. Decriminalization of drugs in Portugal: a controversial experiment for public health // *Perspective on Business and Economic*. 2015. Vol. 33. P. 6.

⁵⁸ Domostawski A. *Drug Policy in Portugal: The Benefits of Decriminalizing drug use*. Warsaw, 2011. P. 17.

антидиктаторские движения, началась политическая «чистка»⁵⁹. На этом фоне процесс наркотизации страны стал неуправляемым.

Для решения проблемы повсеместной наркотизации в 1976 году было создано Координационное управление по борьбе с наркотиками (Gabinete de Coordenação e Combate à Droga). Управлению был поручен сбор данных, предоставляемых Центром исследований профилактики наркомании (Centro de Estudo e Profilaxia da Droga) и Центром по расследованиям и контролю за оборотом наркотиков (Centro de Investigação e Controlo da Droga). Первый центр отвечал за исследования путей сокращения спроса на наркотики, второй – за сокращение и пресечение их незаконного предложения (Decreto-Lei 745/75 de 31 de Dezembro). Впоследствии Управление по борьбе с наркотиками было наделено функциями планирования антинаркотической стратегии государства.

В 1983 году вступил в силу Закон (Decreto-Lei 430/83 de 31 de Dezembro), касающийся вопросов профилактики наркомании, которая должна была развиваться по пути создания среды для сбалансированного и всестороннего *развития личности*. Наркозависимые лица нуждались в адекватном лечении и ресоциализации, поэтому впервые законодателем был поставлен вопрос о том, имеет ли смысл криминализация деяний, составляющих этапы собственного наркопотребления. Размер штрафов и сроки заключения для лиц, виновных в хранении запрещенных психоактивных веществ в личных целях, были значительно уменьшены. Исполнение наказания могло быть отсрочено в случае добровольного вступления в программы лечения и реабилитации. В случае нарушения порядка прохождения лечения судом могла быть отменена отсрочка, и лицо направлялось в места лишения свободы, *но с соблюдением режима отдельного содержания от остальных осужденных*. Копия приговора направлялась в Центр исследований профилактики наркомании и Институт социальной реинтеграции, которые обеспечивали получение необходимого лечения и организацию процесса

⁵⁹ Pinto A. S. The Legacy of the Authoritarian Past in Portugal's Democratisation // Totalitarian Movements and Political Religions. 2008. Vol 9. No. 2–3. P. 265–291.

ресоциализации наркозависимого осужденного. Уголовное преследование не допускалось в отношении лиц моложе 21 года, совершивших впервые приобретение или хранение наркотиков для личного использования. Одновременно были ужесточены наказания за сбыт, контрабанду наркотиков, а также за склонение к наркопотреблению несовершеннолетних лиц и лиц, находящихся в программах лечения. Последующими декретами данные наказания неизменно ужесточались.

Тем не менее в период действия Закона 430/83 наркоситуация в стране стремительно ухудшалась, характеризуясь самым высоким уровнем распространенности ВИЧ/СПИД среди инъекционных наркопотребителей в сравнении с другими странами Европы, высокими показателями наркопреступлений – практически 57 % смертности среди наркозависимых лиц при одновременном увеличении числа лиц, включенных в программы лечения⁶⁰. Уровень латентного наркопотребления зашкаливал, обуславливая смутные перспективы в процессе управления наркоситуацией.

В 1987 году впервые была предпринята попытка разработки национального плана борьбы с наркотиками в виде Проекта «Жизнь» (Projecto VIDA). Руководство Проектом осуществлялось церковью, являвшейся приоритетным органом в разработке мер социальной реабилитации⁶¹. Теоретически Проект должен был стать комплексной стратегией проведения антинаркотической политики, однако, если брать во внимание характер руководства, по факту он стал расплывчатым политико-идеологическим манифестом без учета правовых рамок, в которых могла реализовываться антинаркотическая политика, с недостатком научно обоснованной базы и отсутствием анализа социальных рисков (и вновь ситуация очень похожа на российскую). В условиях кризиса общественного здоровья и прав человека от Португалии ожидалось продолжение существующей традиции по ужесточению контроля над оборотом наркотиков, усилению борьбы с НОН,

⁶⁰ Russoniello K. The Devil (and Drugs) in the Details // Yale Journal of Health Policy, Law and Ethics. 2012. Vol. 12. Iss. 2. P. 11–12.

⁶¹ Domostawski A. Drug Policy in Portugal: The Benefits of Decriminalizing drug use. Warsaw, 2011. P. 20.

разворачиванию сомнительных общественных компаний. Однако отсутствие результатов на фоне накопленных данных исследований Центров при Управлении по планированию и борьбе с наркотиками привело к нестандартному для консервативной Португалии решению.

В 1998 году была создана экспертная Комиссия по разработке национальной стратегии борьбы с наркотиками. В нее вошли врачи, психологи, социологи, представители общественных движений, юристы⁶². Доклад о проделанной работе был представлен в 1999 году (*Estratégia Nacional de Luta contra Droga*). В ходе своего исследования эксперты сразу сместили фокус внимания с того, *как должно* реагировать общество на проблему наркотизма, на то, *почему и за счет чего* она вообще существует. Была изучена текущая наркоситуация в стране, проведена ревизия работы всех общественных организаций и государственных органов, вовлеченных в решение проблемы наркотизма. Ревизия показала формальность работы, ее плохое планирование, дублирование функций, отсутствие четкой стратегии действий, ясности результатов, т. е. в целом неэффективность почти всех действующих к тому времени государственных структур и общественных движений. По итогу с 1999 года в Португалии действует научно обоснованная, тщательно проработанная стратегия, принятая без существенных изменений после ее предложения экспертной организацией. Антинаркотическая политика Португалии отличилась декриминализацией ряда действий с наркотиками, применением программ «снижения вреда», наличием низкопороговых программ лечения и реабилитации для наркопотребителей, разветвленной взаимосвязанной структурой субъектов антинаркотической деятельности, в том числе на локальном уровне. Португалия имеет статус страны – транзита наркотиков, но при этом характеризуется наиболее благополучной наркоситуацией: низкий уровень распространения социально значимых заболеваний, латентности и общественной опасности наркопотребления, вовлеченности молодежи в НОН. В стране сложился адекватный и рациональный подход к проблемам НОН, что часто рассматривается

⁶² Ibid. P. 21.

в качестве проявлений нарколоббизма⁶³.

Вместе с тем при всей неоднозначности и наличии диаметрально противоположных стратегий антинаркотической политики государств каждое из них, согласно идеям обеспечения безопасности личности и общества, должно исходить из того, что работает конкретно для них. Если наркоситуация качественно в течение многих лет не меняется, показатели наркопреступности и наркомании волнообразны, а показатели человеческих ресурсов страдают по всем параметрам, значит, необходимо трансформировать проводимую антинаркотическую политику на основе масштабных объективных исследований, а это проблема их *организации и реализации их итогов*. Кроме того, Португалия продемонстрировала, что проблема противодействия наркотизму в целом глобальная, но решается локально. Решения на локальном уровне не могут быть одинаковыми для всех стран с учетом культурных и социальных особенностей. *Единственные критерии пригодности этих решений – контролируется наркоситуация или нет, какова их социально-экономическая стоимость и состояние человеческих ресурсов в связи с принимаемыми мерами*. При этом необходимо учитывать, на каком этапе социально-экономического развития находится страна, поскольку он определяет порядок, качество и скорость трансформации системы предупреждения преступности, включая НОН.

Для России трансформационные процессы в системе предупреждения преступности и НОН на основе идей сбережения человеческих ресурсов, обеспечения криминологической безопасности общества носят хаотичный характер, система правоохранительных органов к ним попросту не готова и находится на начальном этапе реформирования. Мы можем согласиться с В. И. Майоровым и В. Е. Севрюгиным в части обусловленности такой тенденции историческим контекстом, ментальностью и сложившимися особенностями

⁶³ Галузин А. Ф. О наркотизме и нарколоббизме в теории и практике обеспечения безопасности личности, общества (государства) // Право и политика. 2007. № 1. С. 30–37.

государственного управления в стране⁶⁴. При оценке текущей нормативной правовой основы системы предупреждения преступности и НОН целесообразно исходить из тенденций, свойственных такому управлению.

Важно понимать, что в мире уже преобладает парадигма государственного управления «без правительства», предопределенная неспособностью государств при сохранении жестких централизованных систем управления адаптироваться к ускорению общественного развития⁶⁵, что наблюдается и в нашей стране. В рамках изменившейся роли государства с «поставщика» услуг на «помощника по их обеспечению» изменилась роль стратегических документов. Как отмечает А. Ю. Шубенкова, современный рост общественных рисков усилил недоверие общества к власти, «институализация недоверия» ложится в основу государственного управления. Стратегические документы в данном контексте являются инструментом повышения доверия и обеспечивают контролируемую функцию гражданского общества в связи с особенностями порядка разработки, принятия (в идеале)⁶⁶.

Подтверждением изложенного может служить Федеральный закон от 28 июля 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ), действие которого распространяется на все сферы государственного управления, включая обеспечение национальной безопасности. В соответствии с положениями указанного Закона стратегические документы федерального уровня являются первичными документами, отражающими содержание, механизм, цели, принципы и подходы в проведении государственной политики, включая политику

⁶⁴ Майоров В. И., Северюгин В. Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 103–104.

⁶⁵ Wang S. Research on the Collaborative Governance Model in the Charity Organization under Polycentric Perspective // *Open Journal of Social Sciences*. 2014. Vol. 2, № 9. P. 263–269 ; Rosenau J., Czempiel, E. O. *Governance without Government: Order and Change in World Politics*. Cambridge: CambridgeUniversityPress, 1992. P. 63.

⁶⁶ Шубенкова А. Ю. Программно-стратегические документы в государственной политике Российской Федерации: институциональный анализ : дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. С. 37.

обеспечения национальной безопасности. Документы стратегического планирования фактически функционируют как институт развития общества. Согласно положениям Федерального закона № 172-ФЗ первичными документами, определяющими содержание политики обеспечения национальной безопасности (уголовной, в том числе, как ее части), являются Стратегия национальной безопасности, Стратегия социально-экономического развития страны, послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию.

В ежегодных посланиях Президента традиционно делается акцент на необходимости заботы о будущих поколениях, материнстве и детстве, повышении качества уровня жизни населения, поддержки молодых семей, борьбы с преступностью и т. д. Другими словами, формально на данном уровне освещается круг задач в среднесрочной перспективе, которые должны разрешаться в целях сохранения и развития человеческих ресурсов и жизненной среды. С 2014 года в посланиях Президента четко обозначена задача интенсификации социально-экономических преобразований, сделан акцент на необходимости пересмотра системы подготовки профессиональных кадров, обозначена задача развертывания ресурсной базы для *гармоничного развития личности*.

В 2015 году была принята Стратегия национальной безопасности, в которой регламентирован ее особый статус как *базового документа стратегического планирования*. Следовательно, любые стратегии и программы должны быть направлены на достижение генеральных целей обеспечения национальной безопасности (в том числе в предупреждении преступности и НОН). В свою очередь, данные цели должны быть взаимоувязаны с целями иных первичных стратегических документов федерального уровня. *Национальная безопасность* в Стратегии национальной безопасности определена как: 1) **состояние защищенности** личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз; 2) обеспечение и **реализация** конституционных прав и свобод граждан, достойное качество и уровень их жизни; 3) обеспечение суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности РФ; 4) обеспечение устойчивого

социально-экономического *развития* страны. *Общественная безопасность* включена в составляющие элементы национальной безопасности.

Федеральным законом № 172-ФЗ (статья 11) предусмотрены отраслевые документы стратегического планирования на различном уровне, принимаемые в целях обеспечения реализации Стратегии национальной безопасности. Так, был принят указ Президента Российской Федерации № Пр-2685 от 14 ноября 2013 года «Концепция общественной безопасности Российской Федерации», согласно которому *общественная безопасность* – состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (пункт 4). Что есть *состояние защищенности* (включенное в показатели эффективности обеспечения национальной безопасности), не определено ни в Стратегии национальной безопасности, ни в Концепции общественной безопасности. Анализа текущего состояния защищенности не проведено, критериев переустройства и оптимизации систем обеспечения безопасности, включая сферу противодействия преступности, не представлено. Угрозы общественной безопасности перечислены декларативно. Вместе с тем в соответствии со статьями 7, 8, 11 Федерального закона № 172-ФЗ в содержании документов стратегического планирования необходимо отражать конкретные прогнозы в регулируемой сфере на основе анализа данных, риски и четкие критерии, показатели эффективности предусматриваемых мероприятий.

Угрозы национальной безопасности в рамках Стратегии национальной безопасности от 2015 года интерпретированы как совокупность условий и факторов, создающих прямую и косвенную возможность нанесения ущерба объективно значимым потребностям *личности*, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. При этом в системе национальных интересов и стратегических проектов *безопасность личности* отдельно не прописана, предполагается лишь ее «техническое» обеспечение за счет реализации обеспечения безопасности иных видов. В показателях оценки

состояния национальной безопасности выделяется *субъективный* показатель удовлетворенности граждан степенью защищенности своих прав, свобод, интересов, в том числе от преступных посягательств, что может свидетельствовать о сужении понимания безопасности личности в сторону элементарного сложения атрибутов внешнего бытия человека, при котором не отражается показатель собственно развития личности и доступности ресурсов к таковому, на что сделан акцент в послании Президента в 2014 году. Одновременно пунктом 44 Стратегии национальной безопасности обозначены главные направления обеспечения государственной и общественной безопасности, среди которых присутствует усиление роли государства в качестве гаранта *безопасности личности*, которая первична в отношениях безопасности.

Таким образом, в понятийном аппарате Стратегии национальной безопасности и Концепции общественной безопасности имеются внутренние противоречия. При сложении изложенных терминов и заявленных показателей оценки обеспечения национальной безопасности предполагается включение безопасности личности в категорию общественной при сужении ее содержания в сравнении с целями и задачами, представленными в посланиях Президента.

Обеспечение общественной безопасности осуществляется путем *повышения эффективности деятельности правоохранительных органов* и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной *системы профилактики преступности* (включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики), разработки и использования специальных мер, направленных *на снижение уровня криминализации* общественных отношений (пункт 45 Стратегии национальной безопасности).

Среди угроз национальной безопасности в части общественной и государственной выделены различные преступные посягательства, в том числе деятельность преступных организаций и группировок, осуществляющих НОН. Наркомания и сопутствующие ей традиционные характеристики (ВИЧ, туберкулез, алкоголизм и т. п.) выделены в секторе *здравоохранения* (пункт 72 Стратегии

национальной безопасности). Одновременно в Концепции общественной безопасности от 2013 года в качестве источников угроз *общественной безопасности* выделяются НОН, преступления, совершаемые в состоянии наркотического и иного опьянения, *немедицинское наркопотребление*. К ним же отнесены категории *лиц*, за счет которых пополняются ряды преступников: лица, освобожденные из мест лишения свободы, граждане без определенного места жительства, иностранцы и лица без гражданства, незаконно находящиеся на территории РФ. Отдельно указана необходимость выявления лиц, склонных к совершению преступлений (*в том числе страдающих от наркомании, алкоголизма*), и применение к ним мер профилактического воздействия в целях *недопущения* с их стороны преступных посягательств. Фактически мы наблюдаем риски, связанные с усилением депривации лиц, ассоциированных с угрозами безопасности общества, что уже противоречит концепции, заложенной на уровне посланий Президента.

При видимом акценте в Стратегии национальной безопасности на систему предупреждения преступности, стратегии по организации и функционированию системы профилактики правонарушений в России нет. 23 июня 2016 года был принят Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 182-ФЗ), разработчиком которого являлось МВД России. Вместе с тем, например, в Австрии, Португалии, Ирландии или Финляндии разработкой документов в сфере профилактики преступности занимаются научно-исследовательские коллективы, собранные в органы по предупреждению преступности, которые предоставляют максимально эффективные и реалистичные документы стратегического планирования. Таким образом, государства экономят на затратах, обеспечивая разработку изначально продуманных и пригодных своим целям документов стратегического планирования.

Федеральный закон № 182-ФЗ регулирует абстрактный предмет и создан с целью только очертить формат системы профилактики правонарушений на государственном уровне, а также имеет сравнимые недостатки и риски,

наблюдавшиеся в Великобритании при действии Anti-Social Behaviour Order 1998 года. В статье 2 указанного Федерального закона закреплено понятие профилактики правонарушений (к ним отнесены в документе и преступления), к которой относится простая совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на *оказание воспитательного* воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Правовая основа системы профилактики правонарушений определена по классической схеме: перечисляются исключительно сферы возможного нахождения норм и принципов без какой-либо конкретизации. Стандартно указываются общепризнанные международные принципы и нормы. Возникает вопрос относительно рекомендательных норм международного права, которые конкретизируют международные конвенции и договоры. Например, Управление ООН по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН) регулярно выпускает Стандарты и Нормы профилактики преступности и отдельных ее видов, ряд резолюций ЭКОСОС ООН касается основ предупреждения преступности, например, Резолюция ЭКОСОС ООН № 2002/13 о мерах по содействию и эффективному предупреждению преступности, согласно которой термин «предупреждение преступности» охватывает стратегии и меры, направленные на снижение уровня риска совершения преступлений и потенциальных вредных последствий от них для отдельных граждан и общества в целом, в том числе страха перед преступностью, с помощью мер по устранению многообразных причин явления⁶⁷. Осуществляется посредством четко обозначенных и раскрытых подходов:

⁶⁷ Action to promote effective crime prevention: resolution adopted by the Economic and Social Council at substantive session of 2002. E/2002/30 and Corr.1. P. 59–68. URL: <http://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2002/07/E2002INF2Add2.pdf> (access date: 30.08.2019).

1. Через социальное развитие. Санитарные, социальные, экономические и просветительские меры с акцентом на детях и молодежи при усилении факторов защиты и минимизации факторов риска в связи с преступностью.

2. Локальное предупреждение (на местном уровне). Изменение условий среды обитания, влияющих на уровень виктимизации и незащищенности перед преступностью, сокращение количества правонарушений.

3. Ситуативное предупреждение. Сокращение возможностей для совершения преступлений.

4. Предотвращение рецидивизма за счет предоставления правонарушителям *помощи в реинтеграции* в жизнь общества и других механизмов предупреждения противоправного *поведения* (программы реинтеграции).

Указанные подходы базируются на достоверных данных практики и достаточно гармоничной теоретической основе. Профилактика правонарушений, согласно Федеральному закону № 182-ФЗ, является эквивалентом зарубежного термина, но не отвечает требованиям ясности, определенности и конкретности при его сопоставлении с раскрытым понятием, данным в Резолюции ЭКОСОС ООН № 2002/13. Федеральный Закон № 182-ФЗ уже подвергся многосторонней критике в научном сообществе и содержит достаточное количество казусов⁶⁸.

С точки зрения пригодности рассматриваемого Федерального закона как законодательной основы для построения стратегии предупреждения преступности, документ содержит относительно позитивные моменты: закреплён круг субъектов профилактики, в который вошли органы местного самоуправления и государственной власти субъектов РФ (статьи 5, 11, 12), обозначена необходимость

⁶⁸ Зикеев В. А. Критический анализ Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Вестник Краснодарского Университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 67–72; Щербаков А. Д. Федеральный Закон от 23 июня 2016 года. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: критическая заметка / Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 11. С. 170–174; Титушкина Е. Ю. Новый этап формирования «профилактического права» // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4 (40). С. 23–26; Комаров О. Ю. Проблемы эффективности уголовной политики в контексте законодательной регламентации основ профилактики правонарушений (отдельные аспекты) // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2017. № 6(6). С. 74–83; иные.

и их полномочия на разработку собственных подзаконных актов и документов стратегического планирования в области комплексного предупреждения преступности. Иными словами, мы видим смещение решения проблемы преступности на региональный и местный уровни, что уже является нормой в зарубежной практике. Одновременно в соответствии с пунктом 4 статьи 11 Федерального закона № 172-ФЗ компетенция субъектов РФ в части принятия документов стратегического планирования по предупреждению преступности ограничена формой государственной программы.

Исходя из вышеизложенного материала можно сделать следующий вывод: выделение категории антинаркотической безопасности имеет смысл, поскольку в рамках Стратегии национальной безопасности проблема наркотизма представлена двумя разными сферами, которые сведены в один блок угроз общественной безопасности в соответствии с Концепцией общественной безопасности. Выделение НОН с сопутствующими ему явлениями в качестве угроз национальной безопасности в соответствии с положениями Федерального закона № 172-ФЗ предполагает наличие отраслевого документа стратегического планирования на федеральном уровне и государственной программы – на региональном. Содержательно данные документы должны соответствовать Стратегии национальной безопасности, отражая политику обеспечения национальной безопасности в более узком секторе противодействия НОН, в частности цели и методы повышения эффективности работы правоохранительных органов и системы профилактики противоправного поведения, сокращения криминализации общественных отношений, сохранения человеческих ресурсов и их развития.

Ранее таким документом стратегического планирования являлся Указ Президента РФ от 9 июня 2010 года № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» (далее – Стратегия антинаркотической политики), который в свете принятых позднее Стратегии национальной безопасности, Федеральных законов № 172-ФЗ и № 182-ФЗ нуждался в кардинальной трансформации, но не претерпел существенных изменений. Указом Президента от 23 февраля 2018 года № 85 в

Стратегию антинаркотической политики до 2020 года были внесены изменения, согласно которым генеральные цели и результаты Стратегии антинаркотической политики были заменены на цели и результаты в целом проводимой политики (пункт 46.1). Это цели существенного сокращения незаконного предложения наркотиков, спроса на них и существенного сокращения масштабов последствий НОН. *Указанные изменения свидетельствуют о низкой реальной управляемости наркоситуацией и непригодности стратегических документов своим генеральным целям.*

Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 года № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» утверждена новая Стратегия антинаркотической политики. Вместе с тем указанная Стратегия воспроизводит ряд недостатков предыдущей Стратегии (до 2020 года).

Так, в разделе II Стратегии антинаркотической политики до 2030 года приводится анализ наркоситуации Российской Федерации, включающий в себя оценку эффективности реализации предыдущей Стратегии антинаркотической политики до 2020 года и принятых мер в связи с поставленными задачами до 2020 года. Вместе с тем из пункта 5 Стратегии до 2030 года следует, что в действительности достигнуты были только «механические» задачи, связанные с работой правоохранительных органов и выявлением фактов наркопотребления.

Более того, согласно пункту 5 Стратегии до 2030 года в стране реализован комплекс мер, направленных на повышение доступности и качества наркологической помощи, тогда как стабильно с 2014 года на федеральном уровне фиксируются нехватка кадров в службе наркологической помощи и сокращение количества наркологических диспансеров, а также количества коек, при этом показатели долгосрочной ремиссии не претерпели существенных изменений за все 10 лет действия предыдущей Стратегии до 2020 года⁶⁹. Кроме того, в разделе II

⁶⁹ Киржанова В. В., Григорова Н. И., Киржанов В. Н., Сидорюк О. В. Деятельность наркологической службы в Российской Федерации в 2017–2018 годах: Аналитический обзор. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. 188 с.; Киржанова В. В., Григорова Н. И., Киржанов В. Н., Сидорюк О. В. Основные показатели деятельности

Стратегии до 2030 года приведены стандартные показатели мониторинга наркоситуации, из которых не представляется возможным определить действительные риски, связанные с обеспечением национальной безопасности в сфере предупреждения НОН, их характер, а также структурные сдвиги в динамике их изменения в сравнении с угрозами, которые выделялись в рассматриваемой сфере 10 лет назад (тем временем финансирование антинаркотической деятельности обходится федеральному бюджету более чем в 1 млрд. руб. в год).

Экспертный прогноз и анализ рисков, состояния наркоситуации, *с точки зрения обеспечения национальной безопасности*, что требуется в соответствии с положениями Федерального закона № 172-ФЗ, в Стратегии до 2030 года отсутствует. Вызовы и угрозы, определенные в разделе III данной Стратегии, не обоснованы и не взаимосвязаны с разделом II указанного документа. Например, при закреплении в качестве угрозы распространение характерных заболеваний и наркомании в разделе II документа заявлено о сокращении наркомании, о распространении характерных сопутствующих заболеваний информация отсутствует, в отдельное направление антинаркотической политики минимизация последствий НОН не выделена (пункт 12). Одновременно не ясно, какие из угроз можно расценивать как компонентные риски, а какие из них являются *управляемыми*.

Задачи Стратегии до 2030 года не имеют четкой привязки к ее целям. В документе содержится некорректный термин «антинаркотическая идеология». Ее содержание предполагает развитие осознанного негативного отношения к наркопотреблению и НОН на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Вместе с тем не ясно, о каких ценностях идет речь, где приводится перечень таких российских ценностей, какие из них и на основании чего можно считать традиционными, чем они отличаются от общечеловеческих, как оценить эффективность, конкретные меры реализации подобной задачи (подпункт «ж» пункта 11 Стратегии до 2030 года). Также официальное закрепление

подобной терминологии свидетельствует о воспроизведении зарубежного опыта внедрения идеологии нулевой толерантности, который привел к стигматизации наркопотребителей, увеличению негативных медико-социальных последствий, увеличению латентности наркопотребления, увеличению количества осужденных лиц за малозначительные незаконные действия с наркотиками. Оценка указанных рисков в Стратегии до 2030 года отсутствует, аргументация в пользу внедрения абстрактной идеологии – тоже.

В Стратегии антинаркотической политики до 2030 года обозначены направления и задачи развития практики обмена опытом с зарубежными государствами в рамках профилактики наркопотребления, международного сотрудничества по вопросам противодействия НОН. Вместе с тем в соответствии с пунктом 17 Стратегии приоритетным является продвижение собственной национальной позиции на международном уровне, выстроенной на основе субъективных разрозненных оценок относительно последствий легализации растительных видов наркотиков в ограниченных пределах, применения методов заместительной терапии, низкопороговых программ лечения и т. д. При этом не проводилось масштабного централизованного исследования соответствующего опыта (диаметрально противоположенного в том числе), исходя из наркоситуации и ресурсов тех стран, где он существует, при одновременном игнорировании позиции УНП ООН, Глобальной комиссии по вопросам наркополитики к подходам и допустимым мерам, используемым при реализации национальных антинаркотических политик⁷⁰.

В Стратегии антинаркотической политики до 2030 года отсутствуют порядок проведения и реализации экспертных рекомендаций, порядок привлечения экспертов, проведения экспертиз и исследований в сфере предупреждения НОН при одновременном указании на необходимость разработки единых методологических основ профилактической антинаркотической деятельности,

⁷⁰ Доклад Глобальной комиссии по вопросам наркополитики «Соблюдение обеспечения законов о наркотиках. Смещение акцента в сторону элиты организованной преступности». С. 9–31. URL: https://www.globalcommissionondrugs.org/wp-content/uploads/2020/05/FINAL-RUS_2020report_web.pdf

введении обязательных экспертиз профилактических программ, независимой оценки качества оказания услуг наркологического профиля, научного сопровождения реализации государственной антинаркотической политики.

В целом наблюдается продолжение уже существующей тенденции в нормативно-правовом регулировании антинаркотической деятельности: наиболее конкретно и адресно прописаны задачи для правоохранительных органов; сохраняется абстрактная задача поддержания наркологической службы без освещения конкретных мер, ведущих к качественному повышению эффективности ее работы; проблема ресоциализации связывается с деятельностью некоммерческих организаций; профилактическая деятельность базируется на абстракциях нравственно-идеологического профиля; порядок взаимодействия с научным и экспертным сообществом отсутствует; анализ и учет зарубежного опыта отсутствует, номинально декларирован.

Вместе с тем в Стратегию антинаркотической политики до 2030 года введен более четкий механизм ее реализации в субъектах РФ на основании Перечней приоритетных направлений реализации рассматриваемой Стратегии. Одновременно правовой статус данных документов (Перечней) не известен, в систему документов стратегического планирования не входит, порядок разработки отсутствует. Мероприятия из указанных перечней подлежат включению в профильные государственные программы субъектов РФ. Предлагается также обязать органы местного самоуправления создавать антинаркотические комиссии, при этом вопрос целесообразности такого обязательства остается открытым, поскольку не в каждом муниципальном образовании, исходя из кадровых ресурсов и численности населения, такая обязанность выполнима физически.

При этом предыдущий опыт реализации Стратегии антинаркотической политики до 2020 года на региональном уровне содержал ряд существенных недостатков, которые не разрешены в механизме реализации Стратегии уже до 2030 года: Е. С. Серова, исследовав 83 региональные программы по реализации антинаркотической политики, указала на то, что их разработки не отличаются

качеством⁷¹, подробный анализ причин конкретных проблем не проводится⁷². При одних и тех же целевых показателях, используемых в региональных программах, их параметры оценки несопоставимы⁷³. В программах крайне редко встречается расчет их социальной и экономической эффективности, а это трата бюджетных средств *вслепую*, объем финансирования не рассчитывается объективно⁷⁴.

Неоднозначен вопрос ответственности за реализацию новой Стратегии: в соответствии с пунктом 23 документа ответственность лежит на *главах субъектов РФ*, неизвестно, на ком лежит ответственность за качество разработки данного документа на федеральном уровне. Порядок актуализации Стратегии антинаркотической политики до 2030 года отсутствует. Наконец, оценка результатов ее реализации включает в себя стандартные общие показатели мониторинга наркоситуации, не отражающие состояния сферы наркопотребления и НОН как угрозы национальной безопасности в части обеспечения общественной, куда включена и личная, и государственной безопасности. Указанное обстоятельство свидетельствует о приоритете установления *априори* достижимых результатов без привязки к задачам Стратегии и целям всей антинаркотической политики. Кроме того, связь между целями, выделяемыми задачами и бюджетной политикой отсутствует, как и прежде. В данной ситуации высок риск финансирования среднесрочных, простых в реализации, наиболее конкретных и измеримых мероприятий (на практике это вновь преимущественно реализация задач по профилю правоохранительной работы).

На основании всего вышеизложенного можно сделать *вывод* о формальности утверждаемой Стратегии антинаркотической политики до 2030 года, декларативном характере и необеспеченности реализации текущей нормативной правовой основы системы предупреждения преступности в целом. Кроме того, на

⁷¹ Серова Е. С. Российская антинаркотическая политика: конфликтологический анализ программно-целевого подхода: региональный уровень : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2017. С. 89–90.

⁷² Там же. С. 91

⁷³ Там же. С. 108.

⁷⁴ Там же. С. 125–127.

данный момент наблюдается преобладание негативных рисков реализации положений концепции криминологической безопасности при их закреплении на законодательном уровне. Вместе с тем наличие нормативно-правовой базы обязывает учитывать ее положения.

Таким образом, на сегодня вопросы безопасности имманентно связаны с политикой государственного управления, которая включает в себя набор целей, средств, методов и задач, прописанных в документах стратегического планирования. Для каждого комплексного направления в обеспечении национальной безопасности формируется собственный такой документ. Выделение категории антинаркотической безопасности связано со спецификой рисков в сфере НОН и наркопотребления, выделенных в качестве угрозы национальной безопасности, а также в связи с отсутствием системы оценки наркоситуации как состояния национальной безопасности в рассматриваемой сфере. В свою очередь, Стратегия антинаркотической политики до 2030 года на данный момент не в полной мере соответствует положениям Стратегии национальной безопасности и не образует систему ее обеспечения в связи с существующими угрозами в виде НОН.

§ 3. Антинаркотическая безопасность как криминологическая категория: понятие, основные признаки

На основе проанализированного феномена безопасности, комплекса правовых основ криминологической безопасности, рисков ее реализации мы можем сказать, что на сегодня проблема НОН и злоупотребления психоактивными веществами, во-первых, входит в число приоритетных для обеспечения национальной безопасности, во-вторых, она должна разрешаться с позиций положений концепции криминологической безопасности при выделении самостоятельной категории, позволяющей отразить состояние национальной безопасности в секторе противодействия НОН.

Данная категория определяется термином антинаркотической безопасности, который активно используется исследователями наук уголовно-правового цикла последние пять лет. Фактически в большинстве трудов понятие антинаркотической безопасности чаще всего не вербализовано, но сформирована ментальная картина авторов относительно указанного понятия. В случае, если таковое сформулировано, то что конкретно авторы подразумевают, остается неясным вне контекста исследования.

Ю. Б. Гаврюшкин, А. А. Бордачева в антинаркотической безопасности видят защищенность интересов личности, общества и государства от угрозы распространения запрещенных наркотических средств и последствий, связанных с данной угрозой⁷⁵. Что такое защищенность вне понимания исходной модели обеспечения безопасности – уже не ясно. Исходя из смысла работы авторов данная защищенность предполагает сокращение уровня смертности и противодействие транснациональным организованным преступным группам, связанным с терроризмом и оборотом наркотиков. Выделение антинаркотической безопасности в отдельный вид связано с комплексным характером ее обеспечения, что вытекает из указания на наращивание наркотизации общества и последствий этого явления, но без конкретизации и увязки с официальными статистическими данными. Только в конце статьи отражается направленность внимания авторов – *сохранение генофонда страны*, который подвержен деформации при злоупотреблении психоактивными веществами, распространение которых привязано к НОН.

А. В. Колокольцев раскрыл антинаркотическую безопасность через описание поверхностных, наиболее явных последствий и общеизвестных фактов: наркопотребление экономическими мигрантами со стран Кавказа, Средней Азии, их участие в НОН, распространение среди населения СПИДа, вымирание нации, угроза суверенитету страны, «вбросы» доходов от НОН в реальный сектор экономики⁷⁶. Автор старался осветить один из аспектов антинаркотической

⁷⁵ Гаврюшкин Ю. Б., Бордачева А. А. Антинаркотическая безопасность государства и ее значение в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 180.

⁷⁶ Колокольцев А. В. Роль правоохранительных органов в обеспечении антинаркотической безопасности // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1 (4). С. 64–68.

безопасности – проблему *эффективности работы правоохранительных органов* с экономическими мигрантами, участвующими в НОН. Проблема состоит в росте нелегальной миграции и применении *исключительно карательных мер к виновным, что не влечет их социальной адаптации*, включения в реальный сектор экономики и защиты прав человека, а, наоборот, способствует участию их в НОН.

А. Н. Мусаев, исследовав механизм противодействия НОН, предлагает рассматривать антинаркотическую безопасность в качестве *прикладного курса для сотрудников правоохранительных органов*. Курс включает изучение состояния угроз распространения наркопреступности, анализ системы обеспечения антинаркотической безопасности, порядок взаимодействия субъектов данной деятельности⁷⁷. Под самой антинаркотической безопасностью, скорее всего, понимается состояние социальной среды, в которой минимизированы, устранены причины и условия наркопреступности, состояние которых подлежит мониторингу.

Ю. Г. Кипселиди раскрывает понятие антинаркотической функции, которая связана с обеспечением внутренней и внешней безопасности граждан и социальной защищенностью общества. Данная функция является *функцией обеспечения условий выживания и саморазвития общества*, без которого государство как таковое не существует⁷⁸. Е. Е. Тонковым деятельность по противодействию наркотизации общества также рассматривается как функция⁷⁹. Государственную политику противодействия наркотизации общества автор определяет как составную часть национальной безопасности страны, выраженную в реализации набора мер по защите прав, свобод граждан, направленных на решение проблем, вызываемых НОН⁸⁰.

⁷⁷ Мусаев А. Н. Механизм противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: теоретико-прикладной анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. С. 311.

⁷⁸ Кипселиди Ю. Г. Антинаркотическая функция Российского государства и гражданского общества: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 28.

⁷⁹ Тонков Е. Е. Государственная политика противодействия наркотизации российского общества: политико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Орел, 2005. С. 77.

⁸⁰ Тонков Е. Е. Государственная политика противодействия наркотизации российского общества: политико-правовое исследование : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Орел, 2005. С. 13.

Г. В. Зазулин предлагает считать обеспечение антинаркотической безопасности как *разрешение наркоконфликта*⁸¹. Автор использует устаревшие методологические предпосылки в разработке методики разрешения и показателей наркоконфликта, но, тем не менее, следует отметить, что антинаркотическая безопасность предполагает в теории Г. В. Зазулина перманентную борьбу «добра со злом» и перевес в ней первой. В свою очередь, методология, предложенная В. А. Светловым и В. А. Семеновым⁸², обосновавшими конфликтологию в качестве науки, представляет собой более усложненный и объемный взгляд на конфликты, разрешение которых связано с нахождением консенсуса при адекватной оценке ресурсов, исходных данных о проблеме и управлении ситуацией, с переходом к новому этапу развития отношений, что исключает наркоконфликтологию.

Н. А. Фролова рассматривает категорию социальной безопасности в контексте назначения антинаркотической политики, которая *является инструментом* достижения стратегических целей общей Стратегии национальной безопасности в части обеспечения жизнеспособности страны посредством развития через свои первичные элементы – человеческие ресурсы, которые приходят в негодность при расширении практики злоупотребления наркотиками, нелегальных операций с таковыми⁸³.

М. Ю. Воронин использует понятие криминологической политики защиты населения от наркотизации, что мы также можем связать с антинаркотической безопасностью из смысла понятия. Под ним автор понимает *объективное состояние защищенности* населения групп риска от воздействия факторов наркотизации, распространения НОН внутри групп и *осознание* ими своей

⁸¹ Зазулин Г. В. Антинаркотическая политика в России: проблемы становления (2000–2013 годы). СПб., 2013. С. 113.

⁸² Семенов В. А. Теоретические и методологические проблемы становления конфликтологической парадигмы социологического познания : дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2006. 524 с. ; Светлов В. А. Конфликт: модели, решения, менеджмент : учеб. пособие. СПб.: Питер, 2005. 539 с.

⁸³ Фролова Н. А. Правовая политика Российской Федерации в сфере социальной безопасности (на опыте борьбы с наркотиками) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 20–122.

защищенности⁸⁴. Объективность состояния защищенности выглядит вполне субъективно и зависит от того, что конкретно автор считает угрозой, а что точкой развития антинаркотической политики. В данном контексте таковая объективность в мнениях врачей психиатров-наркологов, социологов, психологов, клинических психологов и криминологов может существенно различаться.

Близкое понимание антинаркотической безопасности прослеживается в работе В. В. Лошкарева. Автор упоминает о назначении антинаркотического законодательства в виде *обеспечения безопасности* личности, общества, государства от негативных проявлений наркотизма, нарколоббизма, агрессии⁸⁵.

Антинаркотическая безопасность как доктринально сформулированное (экономическое) понятие используется в работе М. Ю. Кийко, который рассматривает наркобизнес в качестве угрозы экономической безопасности страны. Антинаркотическую безопасность автор формулирует как *защищенность интересов* личности, общества, хозяйствующих субъектов, государства от угрозы распространения запрещенных наркотических средств и последствий, связанных с данной угрозой⁸⁶. Выпадает такое определение, как психотропные вещества и новые психоактивные вещества, распространение которых более актуально на данный момент.

Помимо указанных авторов, существуют весомые точки зрения на суть категории безопасности в сфере противодействия наркотизму А. В. Малько, Г. М. Миньковского, М. Л. Прохоровой, Л. В. Готчиной, Л. И. Романовой, К. В. Харабет⁸⁷, вместе с тем характеризующиеся противопоставлением угроз, во-

⁸⁴ Воронин. М. Ю. Криминологическая политика защиты населения от наркотизации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 41.

⁸⁵ Лошкарев В. В. Антинаркотизм в России: теоретический и историко-правовой анализ: 1917–2007 годы : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 61.

⁸⁶ Кийко Ю. М. Антинаркотическая безопасность как инструмент защиты национальных социально-экономических интересов России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2016. № 6. С. 117–131.

⁸⁷ Малько А. В., Галузин А. Ф., Лошкарев В. В. Антинаркотическая политика как важнейший элемент антинаркотической функции современного российского государства и гражданского общества // Современное право. 2012. № 5. С. 72–75. ; Миньковский Г. М., Побегайло Э. Ф., Ревин В. П., Целнский Б. П. Наркотизм: профилактика и стратегия борьбы с преступностью в России и за рубежом. М. : Изд-во ИНИОН РАН, 1999. 156 с. ; Прохорова М. Л. Наркотизм:

первых, существующему нормативно-правовому порядку регулирования оборота наркотиков, во-вторых, условно здоровому обществу, в котором наркопотребители и все проблемы, связанные с их функционированием, вынесены в зону «слабого звена» в периметре этого общества, в-третьих, субъективными взглядами на объективность защищенности, что не совпадает с тем, что нам предлагает философия в качестве критерия объективности угроз безопасности социальной системы.

Вместе с тем все указанные точки зрения имеют общую идею – обеспечение жизнеспособности и конкурентоспособности страны, что напрямую зависит от состояния человеческих ресурсов. Фактически это генеральная цель Стратегии национальной безопасности, которая привязана к категории *национальной безопасности*. Формулировка последней в Стратегии национальной безопасности по сути отражает устойчивость социальной системы, в которую входят как органы государственной власти, так и отдельные индивиды, к объективно негативным факторам воздействия, обеспечивая ее способность к развитию. Различные виды безопасности предполагают устойчивость социальной системы и ее развитие в условиях воздействия специфических негативных человеческих проявлений. Криминологическая безопасность, соответственно, предполагает способность социальной системы к конструктивному разрешению противоречий, расцениваемых как криминогенные факторы, ее резильентность к «дочерней» системе преступности и объективно негативным воздействиям последней. Говоря иначе, криминологическая безопасность является частью национальной и основой

социально-психологические, криминологические, уголовно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 407 с. ; Готчина Л. В. Молодежный наркотизм в современной России: криминологический анализ и профилактика : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. , 2011. 453 с. ; Романова Л. И. Криминальный наркотизм в Российской Федерации и особенности его проявления в Дальневосточном регионе: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2001. 63 с. ; Харабет К. В. Противодействие наркотизму и наркопреступности в Вооруженных Силах Российской Федерации (социально-правовое и криминологическое исследование) : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 346 с.

построения уголовной политики как политики обеспечения безопасности, антикриминальной⁸⁸.

Антинаркотическая политика в рамках исследования представляется как средство обеспечения национальной безопасности в секторе противодействия преступности по направлению противодействия незаконному обороту наркотиков (т. е. часть уголовной политики). Строится в соответствии с концепцией криминологической безопасности, должна соответствовать основополагающим документам стратегического планирования, в которых выражается уголовная политика. Разделяя точку зрения А. В. Федорова⁸⁹, отметим что на данный момент предметно антинаркотическая политика выражена, прежде всего в собственном документе стратегического планирования.

Антинаркотическая безопасность является частью криминологической и должна отражать цели обеспечения национальной безопасности в виде сохранения жизнеспособности российского социума. Таким образом, на основе изложенного материала мы рассматриваем *антинаркотическую безопасность* как *устойчивость социальной системы к механизму НОН, при которой реализуется специфический комплекс адресных мер по нейтрализации рисков, детерминированных НОН.*

Социальную систему мы представляем как вид материальной системы, включающей в себя любое социальное образование и его элементарный состав – людей (общество)⁹⁰.

Устойчивость (резильентность) оценивается по внутренним и внешним параметрам социальной системы, которые в совокупности образуют общий потенциал системы к эффективному функционированию, продуктивности и

⁸⁸ Номоконов В. А. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 32–36 ; Номоконов В. А. Некоторые проблемы оптимизации антикриминальной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 36–42.

⁸⁹ Федоров А. В. Российская уголовно-правовая антинаркотическая политика: отдельные тенденции развития // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. В. Бобокова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 1 (49). С. 90.

⁹⁰ Костюченко Н. И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы. Краснодар, 2016. С. 138, 342.

результативности деятельности ее элементов в нормальных и кризисных условиях⁹¹. Эффективность предполагает соответствие деятельности этих элементов их назначениям и взаимосвязанность такой деятельности. Например, если фундаментальная идея существования правоохранительных органов – это защита объектов уголовно-правовой охраны, то 5 % пресеченных преступлений на стадии покушения против 95 % оконченных деяний наталкивают на некоторые размышления относительно эффективности деятельности указанных органов. Способность элементов системы к функционированию, продуктивности и результативности деятельности в кризисных условиях определяется, исходя из продуманности принимаемых решений в имеющихся условиях: например, при распространении отравлений синтетическими наркотиками в 2013–2014 годах в УК РФ была введена статья 234.1, по которой отсутствует судебная практика до сих пор, что свидетельствует о неадекватности данной реакции элементов социальной системы в конкретной кризисной ситуации.

Внешние параметры устойчивости связаны с деятельностью социальных образований по обеспечению функциональности социальной системы при постоянном негативном воздействии. Выражается в конкретных действиях государственных органов власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по обеспечению, созданию и реализации факторов защиты к механизму распространения наркотиков. К таковым факторам относятся функциональность семей, вертикальная и горизонтальная инклюзия отдельных категорий граждан (бывших осужденных, несовершеннолетних матерей, неблагополучных семей, наркопотребителей и т. д.) в общество⁹², проблемно ориентированная правоохранительная деятельность, оперативность и адекватность реагирования компетентных органов власти на обращения граждан, высокий уровень доверия граждан к таковым органам и т. д. Данные факторы разбиваются по конкретным направлениям антинаркотической политики.

⁹¹ Селезнева Н. Т., Рубленко Н. В., Тодышева Т. Ю. Жизнеспособность личности. Красноярск, 2015. С. 9–13.

⁹² Семеновских Т. В. Многомерность инклюзии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 5–3. С. 153–154.

Внутренние параметры устойчивости социальной системы относятся к характеристикам биопсихосоциального потенциала индивидов и первичных субъектов антинаркотической деятельности – должностных лиц, специалистов, экспертов. Данный потенциал отражается в степени личной эффективности индивида, его психофизиологическом здоровье, уровне профессионализма, более высоким показателям которых способствует развитие интеллекта. Проблема заключается в том, что на данный момент существует 9 основных его видов⁹³, профессор А. Фурнхам подсчитал 14 видов⁹⁴. В контексте устойчивости к механизму распространения наркотиков нам необходимо определять уровень развития, прежде всего эмоционального и социального интеллекта (EQ, SQ), ибо данные виды являются определяющими в процессе позитивной социальной адаптации личности, самореализации в социуме, в процессе приобретения навыков конструктивного межличностного взаимодействия и выполнения социальных ролей.

В обобщенном виде внутренние параметры устойчивости включают в себя оценку индекса человеческого развития на конкретной территории⁹⁵. Данный индекс на современном этапе определяет перспективу инновационного развития территорий и конкурентоспособность их экономики, а от состояния последней зависят колебания интереса населения к сбыту наркотиков как к источнику доходов.

Понятие механизма распространения наркотиков доктринально не сформулировано, однако часто употребляются словосочетания «механизм защиты от наркотизации населения», «взаимодействие органов государственной власти»,

⁹³ Davis K., Christodoulou J., Seider S., Gardner H. The theory of multiple intelligences : in book Cambridge Handbook of Intelligence / ed. by R. J. Sternberg, S. B. Kaufman. 2012. New York : Cambridge University Press, P. 488.

⁹⁴ Furnham A. Emotional intelligence : in book Emotional Intelligence – New Perspectives and Applications / ed. by A. Di Fabio. 2012. P. 5. URL: https://www.researchgate.net/publication/221923485_Emotional_Intelligence (access date: 28.05.2020).

⁹⁵ Богданов В. Ю. Индекс развития человеческого потенциала как показатель устойчивого развития региона // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 4. С. 9; Демьянова И. О., Сюпова М. С. Индекс развития человеческого потенциала региона как фактор стратегического развития территории // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8, № 3. С. 232–236.

«противодействие незаконному обороту наркотиков». *Механизм распространения наркотиков* мы рассматриваем как *реально существующие закономерности* воспроизводства организованных и единичных нелегальных операций с наркотиками, зависимого поведения личности, злоупотребления наркотиками и заболевания наркоманией, экономического, социального, психофизиологического ущерба от НОН и наркопотребления.

Деятельность по обеспечению антинаркотической безопасности, или *антинаркотическая деятельность*, подразумевает комплекс мер, осуществляемых органами государственной власти, муниципальными органами, институтами гражданского общества на основе проблемно ориентированного подхода и на конкретной территории, включающий: 1) мониторинг, прогнозирование, минимизирование, своевременное устранение криминогенных рисков НОН; 2) пресечение и выявление преступлений, связанных с осуществлением НОН; 3) минимизацию социально-экономических, медико-психологических негативных последствий распространения НОН.

Исследованные закономерности реализации концепции криминологической безопасности и специфика переноса ее положений на сферу антинаркотической деятельности также предполагают выделение *принципа экологичности* данной деятельности по отношению к человеку. Указанный принцип предполагает недопущение нормативно-правового закрепления и применения мер, влекущих ухудшение состояния здоровья человека, его социальных навыков, разрушение социальных связей.

Показатели эффективности проводимой антинаркотической политики связаны с результатами антинаркотической деятельности по направлениям сокращения спроса на наркотики, их предложения, минимизацией вреда от распространения злоупотребления наркотиками, устранением последствий НОН. При этом антинаркотическая деятельность должна основываться на сущностных принципах концепции криминологической безопасности. Поэтому приоритетными являются показатели, отражающие *контролируемость наркоситуации, ее*

социально-экономическую стоимость, состояние человеческих ресурсов в связи с принимаемыми мерами.

Комплексный характер таких показателей требует их систематизации по критерию эффективности функционирования основных субъектов обеспечения реализации антинаркотической политики по отношению к содержанию рисков, продуцируемых традиционными детерминантами НОН. В связи с чем необходимы показатели, которые отражают эффективность функционирования специальных и иных участников предупреждения НОН, прежде всего эффективность деятельности органов правоохранительной системы и учреждений системы здравоохранения.

К ключевым индикаторам первой группы отнесены показатели, отражающие функциональность правоохранительной, судебной системы, системы исполнения наказаний в обеспечении антинаркотической безопасности:

- **распространенность тяжкой преступности, связанной с НОН:** удельный вес тяжких, особо тяжких деяний, групповых, в том числе организованных, форм их совершения, сбыта, контрабанды, производства наркотиков, легализации доходов, полученных от НОН, в структуре зарегистрированной наркопреступности;

- **доступность наркотиков:** соотношение официальной структуры и объема нелегального наркорынка с действительным спросом на наркотики и доступность наиболее опасных их видов;

- **типовые закономерности общественной опасности личности наркопреступников:** структура осужденных за НОН, в том числе совершенный в форме соучастия; соотношение легального и криминологического рецидива лиц, осужденных за НОН; количество лиц, направленных по решению суда на прохождение курса лечения от наркомании, вступивших в программы реабилитации; удельный вес и характер общественной опасности преступлений, совершенных лицами в состоянии наркотического опьянения; удельный вес наркозависимых лиц среди осужденных наркопреступников.

К ключевым индикаторам второй группы отнесены показатели, отражающие функциональность наркологической службы, реабилитационного звена, иных участников профилактики противоправного поведения и наркопотребления:

- **динамика закономерностей поведения наркопотребителей:** количество наркозависимых лиц, находящихся в состоянии ремиссии более пяти лет; соотношение количества наркозависимых лиц, вступивших в программы длительной реабилитации, с количеством лиц, обратившихся за наркологической помощью; соотношение данных о действительном спросе на наркотики со структурой пациентов наркологического профиля;

- **эффективность социальной адаптации наркопотребителей:** распространенность характерных социально значимых заболеваний среди наркопотребителей и показатели их терапии; показатели компенсации наркозависимости; динамика изменения способа и вида потребляемых веществ наркозависимыми лицами; структура социальной активности наркопотребителей.

ГЛАВА 2. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕНДЕНЦИЙ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

§ 1. Особенности современных тенденций незаконного оборота наркотиков и продуцируемых ими рисков

Современная криминальная ситуация в России характеризуется стабильным сокращением статистических показателей преступности. Тенденция снижения числа зарегистрированных преступлений свойственна не только для России, но и для зарубежных стран. Она может быть связана с рядом факторов, к которым Я. И. Гишинский относит: волнообразный характер преступности в целом; вытеснение наиболее выявляемой «уличной преступности» за счет виртуализации пространства, в котором пребывают основные субъекты таковой преступности – несовершеннолетние и молодежь до 29 лет; процессы реструктуризации преступности; развитие систем обеспечения безопасности территорий⁹⁶.

Для преступности Иркутской области и Красноярского края характерна общероссийская тенденция в семилетний период (рис. 1).

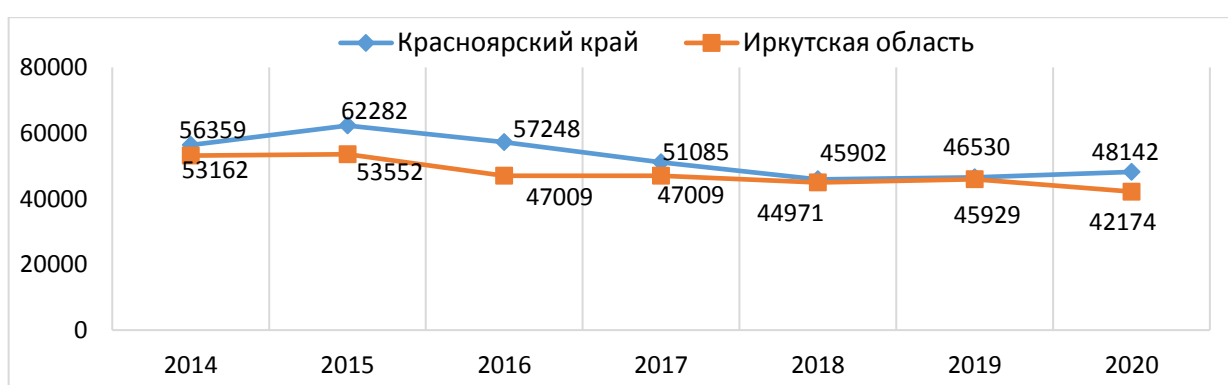

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений в регионах

⁹⁶ Гишинский Я. И. Социальное насилие. СПб. : Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013. С. 57–59.

Основой исследования современных тенденций наркопреступности выступают региональные данные Иркутской области и Красноярского края, поскольку указанные регионы являются наиболее крупными в Сибирском федеральном округе и характеризуются схожими тенденциями в социально-экономическом развитии. При этом к задачам данного исследования относится получение наиболее подробных сведений о состоянии действительных рисков в обеспечении национальной безопасности в рассматриваемой сфере НОН. Соответственно необходимо использовать эмпирический материал по региону для наглядного примера алгоритма выявления рисков и их более качественного анализа. На основе данных отдельно взятой территории можно четко конкретизировать проблемы реализации антинаркотической политики на местах. Изложенное обосновано тем, что в действительности за 30 лет стратегического планирования в данной сфере на практике наркоситуация регионов малоуправляема, нет показателей, по которым можно однозначно судить об эффективности мер антинаркотической деятельности.

Общероссийская динамика зарегистрированных преступлений в сфере НОН отличается волнообразным характером с тенденцией сокращения, при этом уровень предварительно расследованных преступлений данного вида остается стабильным – не превышает 60 % от количества зарегистрированных (табл. 1).

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений, связанных с НОН / предварительно расследовано преступлений, связанных с НОН (2014–2020)

Территория	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018г.	2019 г.	2020 г.	Прирост 2014-2020 гг.
РФ	254 730 / 140 980	236 939 / 136 163	201 165 / 701	208 681 / 120 293	200 306 / 113 174	190 197 / 102 771	189905 / 100975	-25,4 / -28,3
Иркутская область	3664 / 2081	3158 / 2049	2770 / 1854	2666 / 1938	2943 / 1775	2392 / 1388	2381 / 1406	-35,0 / -32,4
Красноярский край	7008 / 3491	6387 / 3108	5499 / 2816	4368 / 2488	4060 / 2421	3823 / 2202	3842 / 2063	-45,1 / -40,9

С 2014 по 2020 год удельный вес преступлений, связанных с НОН, стабильно составляет в среднем около 10 % в общем объеме преступности в России. Удельный вес преступлений, связанных с НОН, в Красноярском крае снизился с 12 % в 2014 году до 7,9 % в 2020 году. Удельный вес преступлений, связанных с НОН, в Иркутской области существенно ниже общероссийского показателя и относительно стабилен, в 2020 году составил 5,6 %.

Сокращение показателей зарегистрированных наркопреступлений с 2016 года часто связывают с расформированием ФСКН⁹⁷. Выявляемость и возбуждение уголовных дел (далее – у/д) по рассматриваемым преступлениям зависят в большей степени от качества оперативно-розыскной деятельности. Расформирование ФСКН могло повлиять на оперативно-розыскную деятельность внутри самой службы, поскольку сотрудники иных ведомств не зависели в данных показателях от упраздненной службы.

Оперуполномоченные сотрудники ОВД (в том числе бывшего ФСКН, ныне – Управления по контролю над оборотом наркотиков ГУ МВД России) полагают, что качество оперативно-розыскной деятельности действительно снизилось после расформирования службы (70 % опрошенных – 84 из 120 респондентов). Сотрудники, стаж работы которых составляет более 5 лет, отметили, что расформирование службы никак не повлияло на качество оперативно-розыскной деятельности, если и были затруднения, то были связаны с заменой (уходом на пенсию) сотрудников (среди опрошенных 60 % составили сотрудники со стажем работы до 3 лет, 10 % – со стажем 3–5 лет).

Относительно тенденции снижения уровня региональной зарегистрированной преступности в части НОН, 17 % опрошенных сотрудников поясняли, что наркопреступления снизились действительно как результат продолжительной работы региональных управлений ФСКН (стаж работы в должности этих респондентов – более 5 лет). Среди остальных 83 % преобладает

⁹⁷ Ахмадулин А. С. Деятельность государства, направленная на криминализацию и декриминализацию деяний, как причина изменений в регистрации преступности // Вестник ВЭГУ. 2018. № 2(94). С. 10–11.

мнение, что реально уровень наркопреступлений не снижался, но и все подряд стараются не регистрировать, поскольку основная цель – выйти на крупных сбытчиков, а не привлекать к ответственности рядовых распространителей наркотиков. Оперуполномоченными сотрудниками бывшего ФСКН была названа такая причина, как потеря агентурных источников информации в связи с выходом на пенсию оперуполномоченных сотрудников со стажем работы более 10 лет. Заместитель начальника Управления по контролю над оборотом наркотиков ГУ МВД России по Иркутской области (далее – УНК ГУ МВД России по Иркутской области) в целом подтверждает результаты анкетирования.

Сокращение зарегистрированных наркопреступлений в регионах оперуполномоченные сотрудники также связывают с появлением новых способов распространения наркотиков, а на территории Иркутской области – с пресечением в последние 5 лет (с 2015 года) деятельности крупных преступных сообществ, занимавшихся НОН.

Вместе с тем, по данным опросов оперуполномоченных сотрудников, в том числе начальствующего состава, имеются особенности организации работы сотрудников МВД и бывшего ФСКН, повлиявшие на результативность правоохранительной деятельности в пресечении НОН. Данные особенности связаны с существенной разницей в объеме полномочий, технической обеспеченности оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), нижних границ эффективности по количеству и составам наркопреступлений, необходимых к выявлению за месяц, сотрудников бывшего ФСКН и сотрудников МВД. В связи с изложенным в настоящее время затруднен процесс сбора необходимых данных и проведения оперативно-розыскных мероприятий, при этом требуемые объемы и качество выявляемых наркопреступлений ниже, нежели были у сотрудников ФСКН. Вместе с тем 42% выявляемых наркопреступлений приходится теперь на оперуполномоченных сотрудников бывшего ФСКН (управления наркоконтроля).

Необходимо отметить, что с 2014 года наблюдается снижение количества зарегистрированных наркопреступлений в целом в общероссийском масштабе, что

может быть обусловлено практикой выделения и возбуждения дел в отношении неустановленных сбытчиков наркотиков. Проблема возбуждения бесперспективных в расследовании у/д в отношении указанных сбытчиков при отсутствии сведений относительно обстоятельств совершенного деяния имеет разные оценки, с точки зрения теории и практики. Так, некоторые специалисты утверждают, что основания для возбуждения у/д данной категории всегда есть, если имеется наркотик в качестве предмета преступления, но все сводится к пробелам ведения оперативно-розыскной деятельности⁹⁸. В то же время на практике возбуждается до 40 % у/д в отношении неустановленных сбытчиков, и данные виды дел приостанавливаются⁹⁹.

В июне 2014 года состоялось межведомственное совещание руководителей правоохранительных органов РФ, на котором обсуждался данный вопрос. По итогам совещания были приняты положения, направленные на выработку единой практики по выделению материалов проверки в отношении неустановленных сбытчиков и, соответственно, на сокращение фактов необоснованных решений в отсутствие достаточных сведений о юридических признаках преступления интересующей нас категории¹⁰⁰. С 2014 года наблюдается сокращение показателя нераскрытых у/д по делам о НОН (рис. 2).

⁹⁸ Янин С. А., Костенко Н. С. К вопросу об исключении возможности возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных лиц при отсутствии сведений о факте и обстоятельствах сбыта наркотиков: теоретический и практический аспекты // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 150.

⁹⁹ Сергеев А. Б., Попова Т. В., Савченко А. Н., Уренева О. В. Различные подходы к оценке достаточности оснований для возбуждения уголовного дела по факту сбыта наркотических средств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2(36). С. 119.

¹⁰⁰ Откидач А. О. К вопросу о возбуждении уголовных дел в отношении неустановленных сбытчиков наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 207.

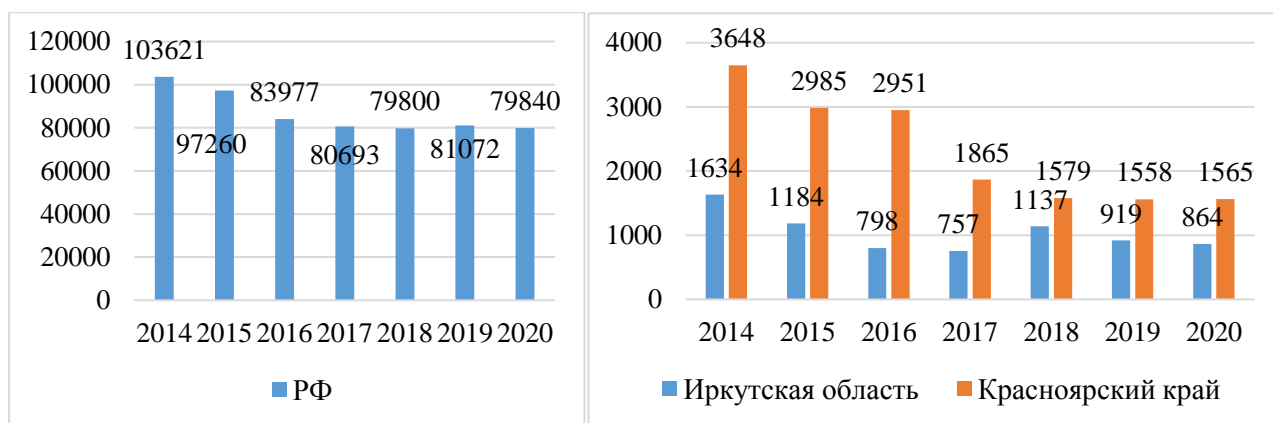

Рис. 2. Количество нераскрытых уголовных дел, связанных с НОН

По отношению к количеству зарегистрированных наркопреступлений нераскрытых у/д данной категории остается в среднем 35–40 %: по РФ на 2020 год – 42,0 %; по Красноярскому краю показатель стабильно колеблется в районе 40,7 %; по Иркутской области показатель значительно сократился с 45,8 % в 2013 году до 36,2 % в 2020 году.

Таблица 2

Количество выявленных лиц, совершивших преступления, связанные с НОН
(2014–2020)

Территория:	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018г.	2019 г.	2020 г.	ПРИРОСТ 2014/2020 гг. (в %)
РФ	123 300	121 557	108 258	106 292	95 683	82 425	83 137	-32,5
Иркутская область	1881	1931	1785	1835	1659	1333	1333	-29,1
Красноярский край	3026	2647	2343	2084	2076	1873	1867	-38,3

Выявляемость лиц (табл. 2), совершивших преступления, связанные с НОН, составляет на протяжении семи лет по РФ **не более 50 %** по отношению к количеству зарегистрированных наркопреступлений. В Иркутской области выявляемость лиц по отношению к зарегистрированным наркопреступлениям в 2020 году резко сократилась и составила 55,7 % (69 % в 2017 году), в Красноярском крае – 48,5 %. Данные показатели в целом соотносятся с показателями нераскрытых у/д.

Рассматриваемые показатели по Иркутской области не совпадают с данными региональной ведомственной статистики. Половина производств по у/д о НОН прекращается, приостанавливается по различным основаниям, самое распространенное из которых – неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (пункт 1 части 1 статьи 208 УПК РФ) (табл. 3). По данному основанию приостанавливаются дела, преимущественно связанные со сбытом наркотиков, что подтверждается данными ведомственной статистики (по Иркутской области в 87,3 % случаев, данные за 2020 год не предоставлены).

Таблица 3

Сравнительные данные по Иркутской области: количество зарегистрированных преступлений в сфере НОН и приостановленных в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (2014–2019)

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	ПРИРОСТ в % 2014 г. – 2019 г.
Зарегистрировано преступлений, связанных с НОН по Иркутской области	3664	3158	2770	2666	2943	2392	-34,7
Следствие приостановлено в порядке п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ	1618	1170	1709	749	1105	1087	-32,8

*Данные ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области

Выявляемость лиц, причастных к сбыту наркотиков, зависит в большей степени от качества ОРД, что общеизвестно. К этому же качеству апеллируют исследователи, обосновывающие необходимость возбуждения у/д в отношении неустановленных сбытчиков наркотиков. Известно и то, что основной способ распространения наркотиков – бесконтактный при использовании информационных технологий. Соответственно повысилась потребность в обеспечении высокого уровня технического сопровождения оперативной деятельности по выявлению и сбору информации о преступлениях в сфере НОН.

40 % анкетированных оперуполномоченных (из 120 респондентов) указали на крайне низкий уровень технического обеспечения, которого не хватает в пределах полномочий, 30 % отметили, что уровень не очень высок, но в пределах полномочий хватает, оставшиеся 30 % затруднились с ответом.

Традиционные способы сбыта наркотиков, как и бесконтактные с использованием сети Интернет, мессенджеров, телефонной связи, распространены в регионах в равной мере. Конкретный выбор способов сбыта зависит от вида распространяемого наркотика и степени образованности сбытчиков, на что указали 70 % анкетированных следователей по ОВД (30 респондентов) и половина оперуполномоченных. 30 % следователей и оставшаяся половина оперуполномоченных отметили, что в регионах преобладает бесконтактный способ сбыта с использованием информационных технологий, который вызывает затруднения в процессе сбора оперативной информации у **76,6 %** всех опрошенных оперуполномоченных сотрудников. Основные затруднения, связанные с совершением наркопреступлений с использованием информационных технологий, в большей мере являлись последствием расформирования службы по контролю за оборотом наркотиков в виде сокращения технических возможностей ОРД.

Основываясь на анализе материалов архивных у/д (всего 550), можно сказать, что в случаях сбыта синтетических наркотиков (имеются в виду новые психоактивные вещества из ряда амфетаминов, синтетических каннабиноидов и т. п.) всегда используются сеть Интернет и мессенджеры, в частности Телеграм (если речь не идет о субпродажах среди опийных наркозависимых лиц). 90 % анкетированных следователей отметили, что поставщики синтетических видов наркотиков в процессе расследования у/д практически не устанавливаются, что связано с использованием сети Интернет и мессенджеров, нахождением данных лиц за пределами РФ (их IP-адресов). Установлением данной информации занимаются сотрудники специализированных подразделений ОВД, к которым обращаются не только по наркопреступлениям, но и иным преступлениям, что увеличивает сроки и уменьшает шансы в получении информации, доказательств по

у/д для сотрудников правоохранительных органов. В нашем исследовании не было ни одного у/д, в котором *по поручению следователя* было бы установлено лицо, данные о котором были сосредоточены исключительно в киберпространстве. На практике основное количество соучастников и доказательств их причастности к сбыту наркотиков устанавливается оперуполномоченными сотрудниками еще до начала следствия, следователь имеет уже все готовые материалы, и основная его задача – оформить у/д.

Рядовые «закладчики» наркотиков, некоторые «операторы» или покупатели используют стандартные и простые средства анонимизации, могут отличаться непредусмотрительностью в своих действиях. На практике выявление данных лиц происходит чаще всего через получение информации от агентурных источников (потребителей наркотиков), сами сбытчики данной категории неосмотрительно пользуются сотовой связью, не очищают чаты, хранят записи номеров счетов, адресов закладок и т. п. в устройствах электронной связи. Установление действительных данных о таковых лицах и соучастниках того же уровня – вопрос желания, времени и целесообразности.

Более образованные лица, распространяющие оптовые партии наркотиков в структуре ОПГ или ПС, выявление которых – первоочередная задача в рамках противодействия НОН, не проявляются так относительно просто. Они используют комбинированные способы анонимизации, например дистрибьютив Linux, оптимизированный для работы с Tor в комплекте с VPN, оплаченным биткоинами сервером и с каскадом прокси-серверов¹⁰¹, непосредственные контакты между участниками группы исключаются. Соответственно расширение возможностей извлечения необходимой информации, например дальше подставных IP-адресов, зарегистрированных чаще за границей, на данный момент актуально. Привлечение независимых специалистов высокого класса при проведении компьютерно-технических экспертиз и сборе оперативной информации может ускорить данный процесс.

¹⁰¹ Ахметшин Р. Г., Киселева Л. В. Анонимность в глобальной сети // Вестник молодых ученых СГЭУ. 2016. № 1 (33). С. 268.

Вместе с тем 70 % оперуполномоченных сотрудников указали, что *не имеют права* привлекать сторонних специалистов для установления данных, зашифрованных в киберпространстве, а 30 % респондентов заявили, что *имеют на это право*, но обращаются в специализированные отделы правоохранительных органов. 86,6 % анкетированных следователей отметили, что могут привлекать сторонних специалистов, но, как правило, обращаются в соответствующие отделы правоохранительных органов. Остальные указали, что привлекают сторонних специалистов: делают соответствующие запросы в сотовые компании, организации, эксплуатирующие платежные системы, организации интернет-провайдеров для получения информации по имеющимся адресам, счетам, телефонным номерам.

Оперуполномоченные сотрудники в ходе опроса пояснили, что даже в случае установления необходимых данных, зашифрованных в киберпространстве, они просто не могут быть обнародованы по поручению следователя из соображений решения оперативных задач (необходимость сбора данных о действующих организованных преступных группах и установления всей цепочки участников), как и иные данные и из тех же соображений. Поэтому вне зависимости от того, будет возбуждено у/д в отношении неустановленных сбытчиков или нет, это вопрос теоретической значимости, так как на практике основную работу выполняют оперуполномоченные сотрудники, а материалы оперативно-розыскной деятельности предоставляют следователю только в строго ограниченном количестве.

Установление лиц, поставляющих и сбывающих наркотики опиоидной группы «оптом», вызывает меньше затруднений в силу использования ими более привычных видов связи, а также благодаря собранной оперуполномоченными сотрудниками обширной агентурной сети из наркозависимых лиц и мелких сбытчиков. Идентификация данных о неустановленных поставщиках, сбытчиках таких наркотиков и конкретных местах пребывания данных лиц затрудняется только в случае нахождения их за пределами страны.

Несмотря на официальную приоритетную ведомственную установку выявления фактов сбыта наркотиков, по данным судебной статистики, удельный вес осужденных лиц за незаконные действия с наркотиками без цели сбыта среди всех лиц, осужденных за наркопреступления в России, к 2020 году за пятилетний период увеличился незначительно, однако существенно возрос, если рассмотреть период с 2008 года (рис. 3), индекс прироста на 2020 год составил 23,0 %. Одновременно основную массу у/д – до 80 %, дошедших до суда, в РФ по делам о НОН составляют события хранения, изготовления, перевозки наркотиков **без цели сбыта**, квалифицированные по статье 228 УК РФ (табл. 4).

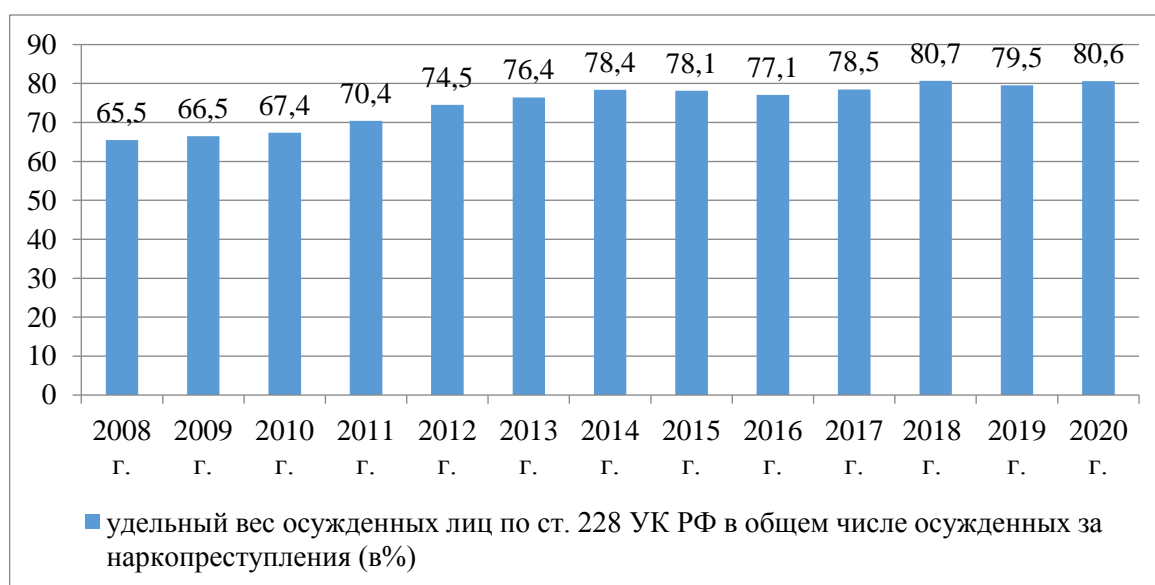

Рис. 3. Удельный вес осужденных лиц за незаконные действия с наркотиками, не связанные с их сбытом, в общем числе осужденных за наркопреступления в РФ

Таблица 4

Количество осужденных лиц за совершение преступлений, связанных с НОН (по РФ)

Статья УК РФ	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
ст. 228	95 905	96 124	86 421	85 879	74 752	63 301	56 556
ст. 228.1	22 864	22 518	21 748	20 050	19 172	17 325	14 223
ст. 228.2	27	11	5	2	5	4	2
ст. 228.3	8	8	26	15	19	36	80
ст. 228.4	1	0	12	5	10	5	16
ст. 229	101	49	52	43	63	68	56
ст. 229.1	633	470	408	345	293	272	151
ст. 230	62	73	81	82	110	135	137

ст. 231	949	892	878	1044	995	889	841
ст. 232	3 019	2536	2 005	1503	1513	1313	1 040
ст. 233	28	13	8	6	6	5	6
ст. 234.1	-----	0	0	0	0	1	0
ст. 174	9	2	1	0	1	2	3
ст. 174.1	32	56	79	60	51	27	38

Ситуация в Иркутской области не отличается от общей тенденции (табл. 5). В 2020 году из общего количества осужденных за действия с наркотиками **82%** были осуждены за совершение преступлений, предусмотренных статьей 228 УК РФ, 15,5 % – по статье 228.1 УК РФ. Остальные составы – единичны.

Таблица 5

*Количество осужденных лиц за совершение преступлений,
связанных с НОН (по Иркутской области)*

Статья УК РФ	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
ст. 228	1523	1656	1583	1900	1604	1232	1189
ст. 228.1	683	596	405	364	277	215	226
ст. 228.2	0	0	0	0	0	0	0
ст. 228.3	0	0	0	0	0	0	0
ст. 228.4	0	0	0	0	0	0	0
ст. 229	1	0	0	0	3	1	4
ст. 229.1	4	3	3	2	2	1	1
ст. 230	0	0	1	0	0	0	1
ст. 231	1	4	2	7	7	0	5
ст. 232	65	67	47	25	24	19	22
ст. 233	1	0	1	0	0	0	0
ст. 234.1	0	0	1	0	0	0	0
ст. 174	0	0	0	0	0	0	0
ст. 174.1	0	0	0	1	0	0	2

Преобладание состава статьи 228 УК РФ в структуре раскрытых наркопреступлений и в структуре судимости можно связать с несколькими причинами, основываясь на изученных материалах архивных у/д и опросах оперуполномоченных сотрудников:

1. Достаточное широкое распространение растительных видов наркотиков, определенная часть потребителей которых отличается беспечностью и с завидной регулярностью попадает в поле зрения сотрудников правоохранительных органов.

2. Проведение плановых оперативно-профилактических операций «Мак», «Уклонист» и «Анаконда», во время которых сотрудники полиции задерживают всех подозрительных лиц, автомобили, проверяют граждан на определенных территориях, попадающих в «зону риска» (например, въезды в города, посты у конопляных полей), указанных в ведомственных планах.

3. Более мягкая квалификация деяний как «бонус» за сотрудничество с оперуполномоченными или следствием (не предпринимаются действия на установление цели сбыта или же они формальны).

4. Использование наркозависимых лиц для перевозки и сбыта наркотиков небольшими партиями в рамках деятельности группы лиц, занимающихся сбытом (ситуация типична для сбыта наркотиков опиоидного ряда). Данные лица в случае их задержания берут всю вину на себя и заявляют, что изъятый (выданный) наркотик хранится в целях собственного потребления.

5. В случаях изъятия наркотиков в значительных и крупных размерах во время задержания и обыска участников сбыта при отсутствии достаточных доказательств, указывающих на намерение задержанных сбыть определенную часть вещества (например, изымают «синтетику», а нашли еще пакетик гашиша, по которому нет никаких сведений, или изъяли крупную партию наркотиков и пакетик на 5 доз, который хранится в бельевом шкафу). Задержанные заявляют об отсутствии целей сбыта, естественно.

6. В случаях задержания перевозчиков, поставщиков оптовых партий наркотиков в особо крупных размерах в отношении них возбуждаются у/д по статье 228 УК РФ, события сбыта не доказываются, сравнительные химические экспертизы реализованных наркотиков и изъятых оптовых партий не проводятся.

7. Дача поручений участковыми уполномоченными полиции оперуполномоченным сотрудникам проверить информацию о хранении наркотиков или их сбыте наркозависимыми лицами, которые состоят на профилактическом учете, не исправляются в поведении и на которых поступают либо жалобы от соседей, либо сообщения от старшего по подъезду о фактах распространения наркотиков.

8. Хранение при себе наркотиков лицами, задержанными по подозрению в совершении иных видов преступлений.

9. Задержание лиц, находящихся в состоянии наркотического, алкогольного опьянения, хранящих при себе наркотик.

Соответственно квалификация действий по статье 228 УК РФ еще не является свидетельством того, что по у/д «проходит» рядовой потребитель, которого целенаправленно задерживают.

По материалам исследования А. В. Кнорре, сотрудника Института проблем правоприменения, предполагается существование такой причины, как натяжка в весе изъятых веществ¹⁰². Оперуполномоченные сотрудники (120 человек), сотрудники экспертно-криминалистических отделов при региональном МВД и ЭКС филиала ЦЭКТУ г. Новосибирска (8 человек) в рамках опроса рассказали о малой вероятности подобных действий:

1. Эксперты несут ответственность за проводимые экспертизы. Адвокаты требуют вызова экспертов в суд, устанавливают, каким образом, какими методами, какое оборудование было использовано в проведении исследования, сравнивают с данными предварительного химического исследования, имеют право потребовать проведения повторной экспертизы, запрашивают оценку проведенных экспертиз независимыми экспертами (проверяют вероятность достоверности, пригодности методов) и т. п. Другими словами, инструментов для установления фактов искусственных натяжек в весе изъятых наркотиков предостаточно.

2. Те, кто продает наркотик, не отмеряют все сортированные дозы на весах (в случаях с оптовой фасовкой, в которой используются весы, нет задачи разложить строго равное количество до сотых грамма), раскладывают на глаз, отсюда вновь небольшие расхождения от установленных размеров. Сортировка происходит стандартно.

¹⁰² Кнорре А. Наркопреступления в России: анализ судебной и криминальной статистики : аналитическая записка. СПб. , 2017. С. 6. URL: http://enforce.spb.ru/images/Knorre_Drug_crimes_in_Russia.pdf (дата обращения: 30.08.2019).

3. Установленный значительный размер некоторых видов наркотиков существенно ниже минимального размера покупки: например, при значительном размере меткатинона в 0,2 г минимальные размеры покупки для потребителей составляют 0,5–1 г.

4. Вес изъятых веществ устанавливается до тысячных грамма (эксперт указывает массу от 2 до 4 знаков в зависимости от вида лабораторных весов), что влияет на установление «мизерной» разницы, которая приводит к констатации значительного, крупного или особо крупного размера. Материалы изученных химических экспертиз полностью подтверждают данный тезис.

Полагаем, что манипуляции с весом изъятого вещества не относятся к числу действительных причин, влияющих на общее количество привлеченных лиц к уголовной ответственности по статье 228 УК РФ.

А. В. Кнорре в своем исследовании приводит данные судебной статистики, согласно которым в 2009–2014 годах к реальным срокам лишения свободы было приговорено 30 % осужденных, совершивших действия, квалифицированные по статье 228 УК РФ. Большое количество осужденных по данной статье в структуре осужденных за НОН и наличие реальных сроков лишения свободы исследователь связывает с неофициальной ведомственной установкой на преследование рядовых наркопотребителей¹⁰³.

По материалам изученных архивных у/д реальные сроки лишения свободы назначаются крайне редко и при наличии сочетаний «фоновых» условий: особо крупный размер наркотика, непогашенная судимость, нахождение под административным надзором в период условно-досрочного освобождения, совершение одновременно с хранением наркотиков иного тяжкого преступления или действий, направленных на сбыт наркотиков, в группе лиц, при этом наркозависимость определяющей роли в выборе вида наказания не играет. Таким образом, чтобы получить реальный срок лишения свободы за действия с наркотиками без цели сбыта, нужно обладать хотя бы несколькими атрибутами

¹⁰³ Кнорре А. Наркопреступления в России: анализ судебной... С. 4.

личности с устойчивыми криминогенными установками и иметь на своем счету несколько совершенных преступлений и желательно с непогашенной судимостью. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что порядка половины лиц, обвиняемых в НОН, приговариваются к условному лишению свободы (по данным Управления Судебного департамента в Иркутской области, в Иркутской области в 2020 году – 47,8%, к реальному лишению свободы – 24,5 %).

В Иркутской области, по данным Управления Судебного департамента в Иркутской области, удельный вес осуждений к лишению свободы за НОН в среднем составляет 20 %. Популярность назначения реального лишения свободы лицам, виновным в действиях с наркотиками, сокращается в Иркутской области (на 15,5 % в перерасчете на удельный вес) (рис. 4). Вместе с тем по-прежнему половина реальных сроков лишения свободы приходится на хранение наркотиков без цели сбыта (в 2020 году по Иркутской области – 52,3 %).

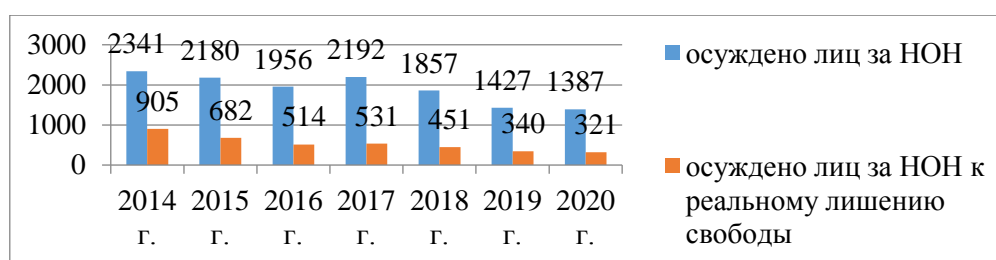

Рис. 4. Количество лиц, осужденных в Иркутской области за незаконные действия с наркотиками (в абсолютных числах)

Следует особо отметить, что типичны ситуации, когда у наркозависимого лица изымаются до 40 «чеков» героина, которые он приобрел якобы для личного употребления, тогда как количество явно свидетельствует об умысле на сбыт, но доказательств недостаточно, в результате мы имеем квалификацию по статье 228 УК РФ. Размер и тяжесть наказания уже зависят от конечной квалификации деяния (есть разница между частями 1 и 2 статьи 228 УК РФ), характеристики личности, наличия УДО или непогашенной судимости и т. д.

Другой пример: во время обыска квартиры подозреваемой в совершении сбыта синтетических наркотиков, не потребляющей наркотиков, характеризующейся положительно в детских дошкольных учреждениях, где обучается ребенок, ей было выдано N мг данных наркотиков (примерно 1–2 дозы),

помимо тех, по которым имеются достаточные основания полагать, что они предназначались для сбыта. Подозреваемая поясняет, что хранит N мг с целью собственного потребления¹⁰⁴, что не вполне увязывается с ее характеристиками.

Рассмотрим самые распространенные ситуации, встречающиеся в процессе изучения материалов архивных у/д: молодой человек К. задержан сотрудниками ППС на основании поступившей ориентировки на лицо, совершившее грабеж. В ходе досмотра К. выворачивает левый карман и достает вещество растительного происхождения... Двое молодых людей, набрав пакеты конопли, возвращались с поля, ловили «попутку» на дороге, замечены сотрудниками ДПС, задержаны (реализуется операция «МАК»)... Молодые люди недалеко от поля, на котором собирали коноплю, в лесу изготовили каннабисное масло, которое перелили в прозрачную 2-литровую пластиковую бутылку, завернутую в полиэтиленовый пакет, с канистрой растворителя поехали на такси домой. Такси остановили сотрудники ДПС в рамках выполнения операции «Анаконда», сотрудник замечает нервозность пассажиров, попытки отодвинуть канистру, тщательно завернутый пакет, характерный запах вещества¹⁰⁵ ...

По таким ситуациям ясно, что часть осужденных по статье 228 УК РФ не являются рядовыми потребителями (по Иркутской области в среднем 10,7 %), а другая часть отличается необдуманностью собственных действий (по Иркутской области в среднем 78,2 %) (так называемые социально интегрированные наркопотребители¹⁰⁶ успешно не попадают в поле зрения сотрудников правоохранительных органов, совершая те же самые действия с наркотиками без цели сбыта – результаты опроса 80 наркопотребителей).

¹⁰⁴ *Архив Ленинского районного суда г. Иркутск. Уголовное дело № 1-154/2017 за 2017 год.*

¹⁰⁵ *Архив Иркутского районного суда Иркутской области г. Иркутска. Уголовное дело № 1-401/2019 за 2019 год; Рыбинского районного суда Красноярского края г. Заозерный; Уголовное дело №1-228/2019 за 2019 год; Кировского районного суда г. Красноярска Красноярского края. Уголовное дело № 1-68/2020 за 2020 год.*

¹⁰⁶ Мороз А. А. Образ жизни социально интегрированных и маргинальных наркопотребителей: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук. М., 2016. С. 67–99.

Из опросов оперуполномоченных сотрудников следует, что они работают по плану, в который входит **выявление групп лиц** по предварительному сговору и организованных преступных групп, занимающихся сбытом наркотиков. В месяц в среднем необходимо обнаружить 3 группы. В группу лиц входят в среднем 3–5 человек, в организованную преступную группу – 6–12. В процессе сбора оперативной информации оперуполномоченные обязаны собрать достаточное количество сведений, подтверждающих причастность лиц к сбыту, кроме того, доказать их связь между собой, для чего проводятся оперативно-розыскные мероприятия, включая проверочную закупку, которых должно быть проведено не менее двух, а это в будущем эпизоды, квалифицируемые как окончанный сбыт. В итоге на одного участника группы по сговору приходится по 2–3 эпизода, образующие совокупность преступлений, в организованной преступной группе на одного участника приходится от 3 эпизодов (зависит от исполняемой роли). Участники групп лиц выявляются благодаря наводкам от агентурных источников, которые и участвуют в оперативном розыскном мероприятии «проверочная закупка» в качестве покупателей, реже – благодаря проверкам поступивших сообщений от граждан, из опросов лиц, задержанных в наркотическом опьянении. Агенты – **наркозависимые лица**, с которыми устанавливается контакт (за сотрудничество устанавливается денежное вознаграждение или довольствие, могут не возбуждать у/д за действия с наркотиками и т. д., формы воздействия определяются, исходя из психологических характеристик личности). Широкое распространение использования агентов подтверждают также данные, полученные в ходе анкетирования наркопотребителей, которые указывают на одно из «правил безопасности»: ни при каких обстоятельствах нельзя систематически общаться со сбытчиками наркотиков и с незнакомыми потребителями относительно покупки веществ, ибо «каждый второй – стукач».

Соответственно: 1) предположение о ведомственной установке на практике на преследование наркопотребителей в настоящее время не подтверждается; 2) лишение свободы за действия, квалифицированные по статье 228 УК РФ, – исключительная мера; 3) на количество нераскрытых у/д и выявляемость лиц в

значительной мере оказывают влияние планомерная работа по выявлению цепочек организованных преступных групп, текущий неудовлетворительный уровень технической обеспеченности оперативно-розыскной деятельности; 4) половина эпизодов от зарегистрированных преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьей 228.1 УК РФ, совершаются одними и теми же лицами. Впоследствии такие эпизоды соединяются в одно у/д, что выражается в итоге в соотношении 2:1 официально зарегистрированных преступлений в сфере НОН к осужденным за них. Кроме того, изученная практика привлечения лиц к уголовной ответственности по статье 228 УК РФ, общие данные о порядке выявления организованных преступных групп свидетельствуют о сохранении приоритета быстрых мер реагирования без учета долгосрочных последствий для общественной и личной безопасности людей.

По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, заметно значительное преобладание осужденных за НОН, совершивших преступление в группе лиц по предварительному сговору (рис. 5).

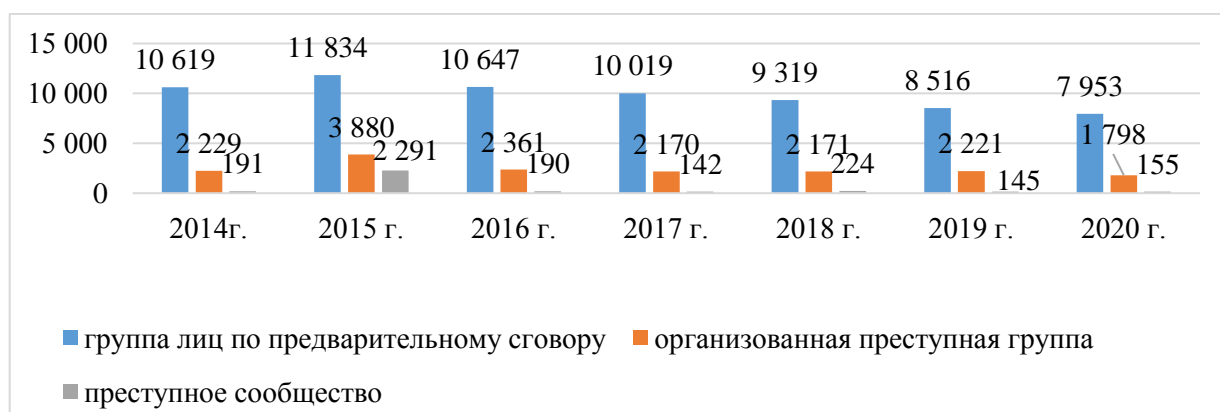

Рис. 5. Осуждено лиц за совершение преступлений в сфере НОН в соучастии (по РФ)

Указанное связано с тем, что члены группы несут ответственность только за те действия, по которым была доказана их виновность: например, в структуре организованной преступной группы выделяются «ячейки сбыта» по 3–5 человек в каждой, участники которых не осведомлены о деятельности всей группы, о

наличии других «ячеек» и не контактируют с их участниками, несут ответственность за сбыт наркотиков в группе лиц по предварительному сговору в своей «ячейке». Лицо, обеспечивающее доставку и распределение наркотика в «ячейки», осведомлено о структуре и принципах деятельности организованной преступной группы и несет ответственность за участие в ее составе.

Небольшое количество осужденных, совершивших НОН в составе преступного сообщества, объясняется малым количеством лиц, которые организовывали сообщество и были в курсе о ее структурных подразделениях, что еще необходимо доказать. Вместе с тем количественно преобладают осужденные, в чьих действиях отсутствуют признаки соучастия. Кроме того, обращаясь к тенденциям форм соучастия в НОН, необходимо отметить, что, по данным опроса оперуполномоченных сотрудников, выявление организованных преступных групп и сообществ затруднено тем, что участники НОН быстро адаптируются к тенденциям современности: традиционные образования таких групп просто становятся невыгодными формами организации, экономически нецелесообразными для большинства участников НОН, т. е. на практике в дальнейшем затруднительно доказать признаки организованной преступной группы или сообщества в части устойчивости состава участников, длительности действия во времени. На указанную тенденцию также обращает внимание В. С. Овчинский в исследовании современных форм действий преступных групп¹⁰⁷.

По представленным данным ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области, в соответствии с докладами о наркоситуации антинаркотической комиссии Иркутской области в структуре предварительно расследованных наркопреступлений в Иркутской области также из форм соучастия распространены группы лиц по предварительному сговору (рис. 6).

¹⁰⁷ Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М. : Норма: ИНФРА- М, 2018. С. 214–218.

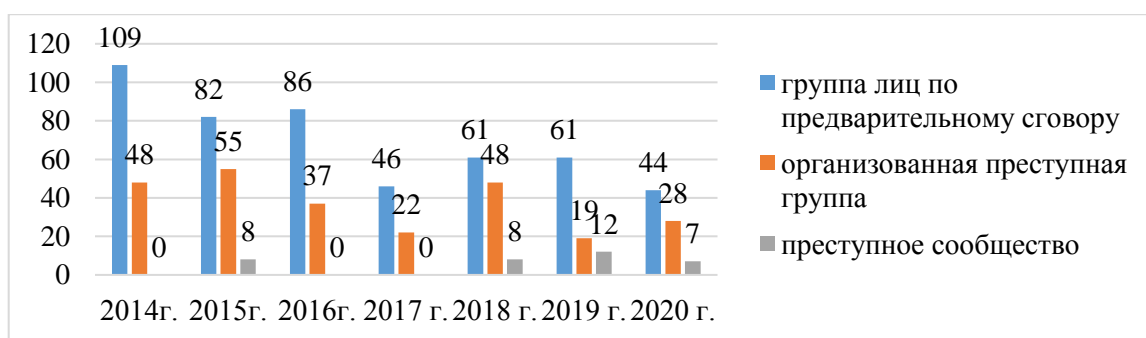

Рис. 6. Совершено наркопреступлений в соучастии (по Иркутской области)

В ходе изучения региональных материалов архивных у/д отмечено, что у/д (дошедшие до суда) в отношении лиц, совершивших сбыт наркотика героина в составе группы значительно выше, чем у/д групп лиц, сбывавших относительно новые синтетические наркотики. Поставщики наркотиков в данных группах, как правило, не устанавливаются. Все подсудимые обладали хорошими характеристиками по месту учебы, работы, жительства, их средний возраст – 25–27 лет. Среди распространителей «синтетики» мы не видим яркого портрета сбытчика – это может быть студент, мама в декрете, семья, решившая заработать. Основные психологические характеристики личности лиц, сбывающих синтетические наркотики, и личности лиц, сбывающих иные виды наркотиков, совпадают.

Группы лиц по предварительному сговору, сбывающие героин, состоят исключительно из наркозависимых. Это от 3 до 5 лиц со средним стажем наркопотребления в 8–10 лет, которые не зарабатывают на продаже наркотика, а обеспечивают собственное наркопотребление. Вознаграждение они получают наркотиком и не огромным количеством, а в виде несколько «чеков» от числа проданных (например, из 6 «чеков» 1 – себе, 5 – для продажи). Данные сбытчики быстро попадают в долговую зависимость.

Существует другая форма групп по предварительному сговору – это «ячейки» организованной преступной группы, такая группа может составлять уже до 8–10 человек, но характеристики при этом не меняются – те же наркозависимые, распространяющие наркотики среди таких же лиц (в отличие от распространения

«синтетики» круг потребителей которых совершенно не ограничивается определенной категорией граждан). На одну организованную преступную группу (далее – ОПГ) или сообщество приходится в среднем от 2 до 4 человек, не потребляющих наркотики (как правило, это поставщики и организаторы, осуществляющие оптовую закупку наркотиков, «контролеры ячеек», которые следят за сохранностью наркотиков у наркозависимых сбытчиков). Отметим, что и водители могут потреблять наркотики и при этом иметь действующие водительские права, работая в структуре ОПГ перевозчиком. В ходе изучения архивных у/д по делам о сбыте героина в составе ОПГ и преступном сообществе было отмечено, что их организаторы, как правило, образуют две характерные группы: 1) лица цыганской национальности, из ближнего зарубежья, в семье которых уже кто-то из членов привлекался за сбыт наркотиков; 2) лица, отбывавшие наказание в виде лишения свободы, познакомившиеся в колонии с поставщиками наркотиков и там же подобранные ближайших соратников. Освобождаются данные лица в порядке применения условно-досрочного освобождения.

Помимо групповых эпизодов сбыта наркотиков в судебной практике мы также встречаем одноэпизодовые составы, по которым не устанавливаются источники приобретения наркотика или соучастники. Такие дела возбуждаются чаще сотрудниками территориальных ОВД в отношении лиц, находящихся на учете у участкового уполномоченного полиции, которые дают поручения проверить информацию о сбыте собственным оперуполномоченным, не передавая информацию в оперативную службу управления наркоконтроля. Одноэпизодовые составы сбыта чаще фиксируются в сельской местности и в городах, значительно уступающих в социально-экономическом развитии центрам регионов (например, города Черемхово или Зима в Иркутской области, в Красноярском крае – города Боготол, Ачинск).

Квалификация по статьям УК РФ 229.1 («Контрабанда»), 231 («Культивирование наркосодержащих растений»), 233 («Притоны») в

структуре всех наркопреступлений распространена в меньшей мере (см. табл. 4, 5), нежели по статьям 228 и 228.1 УК РФ, что в целом логично.

Совершение преступлений, предусмотренных статьей 228.2 УК РФ, происходит преимущественно на территории небольшого города с не очень высоким уровнем социально-экономического развития. Это единичные случаи как в структуре региональных наркопреступлений, так и в общероссийском масштабе: в 2017 году по данному составу к ответственности были привлечены трое медицинских работников (г. Абдулино, г. Корсаково, г. Калининград), в отношении одного из них у/д было прекращено. В 2018 году было привлечено двое медицинских работников, в отношении одного из них у/д было прекращено. Вопрос общественной опасности данных деяний крайне спорен.

В Иркутской области удалось ознакомиться только с двумя у/д 2012 года по данному составу: по первому из них была осуждена исполняющая обязанности главного врача ОГУЗ «Черемховская ОПБ», сбывшая препарат «Реладорм» лицу, осуществлявшему проверочную закупку; по второму делу была освобождена от ответственности в связи с истечением сроков давности старшая медицинская сестра той же больницы, передавшая препарат исполняющей обязанности главврача по ее устному запросу¹⁰⁸.

В судебной практике Красноярского края составы по рассматриваемой статье также единичны. Из рассмотренных материалов 11 архивных у/д по данному составу за период с 2014 по 2016 год только по одному у/д имеет место обоснованность вывода об общественной опасности совершенного деяния: *молодой врач-онколог после смерти пациента принял от родственников умершего обезболивающие пластыри, которые хранил дома и дал воспользоваться двумя из них соседу, страдавшему от головной боли, с которым они распивали спиртные напитки. Впоследствии сосед поступил в состоянии комы неясной этиологии в*

¹⁰⁸ Справочно-правовая система по судебным решениям судов общей юрисдикции, мировых и арбитражных судов РФ. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 13.10.2017); URL: <https://xn--90aukhw.xn--p1ai/1-uk-rf-o-prekrashchenii-ugolovnogo-dela-v-svyazi-s-istecheniem/>

ЦРБ, обезболивающие пластыри были обнаружены на предплечье. По приговору суда врач отстранен от медицинской практики сроком на один год.

По остальным у/д вопрос наличия объективной общественной опасности в действиях врачей, медицинских сестер, фельдшеров вызывает сомнения. Типичны следующие ситуации: *врач бригады скорой помощи вколол «Реланиум 0,5 % - 2,0» (используется в противосудорожной терапии), остаток препарата был негерметично закрыт и нечаянно разлит в ходе дальнейших передвижений; лечащий врач вовремя не принял от родственников умершего пациента оставшиеся ампулы морфина; фельдшер после ночной смены по небрежности выбросила блистер с ампулой морфия в мусорное ведро; врач назначил умирающему онкобольному обезболивающий препарат, устно советовал применять по мере необходимости (у пациента очень сильные боли), после смерти пациента был обнаружен небольшой перерасход препарата, за который врач был привлечен к уголовной ответственности; палатная медицинская сестра терапевтического отделения после ночной смены в 8 утра по неосторожности переместила одну ампулу «Сибазон 0,5 %» в неизвестное место (не помнит, куда положила, при этом раскладку должен контролировать врач (?!)); и т. д.¹⁰⁹* Только в одном случае в судебной практике Красноярского края у/д было прекращено (медсестра выбросила нечаянно ампулу морфия), в остальных случаях назначался штраф, при этом проводились служебные проверки и применялись дисциплинарные взыскания, которых в большинстве случаев было бы достаточно. Вызывает недоумение ситуация с паллиативной медицинской помощью, когда врач, исполняя свой долг, преследовал цели облегчить состояние умирающего, но понес уголовную ответственность за перерасход обезболивающего средства (при этом назначаемые средства обезболивания в России часто не соотносятся с состоянием пациента и характером болей только в силу правил регулирования оборота легальных наркотиков, которые зависят от тенденций антинаркотической политики в государстве).

¹⁰⁹ Справочно-правовая система по судебным решениям судов общей юрисдикции, мировых и арбитражных судов РФ. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 13.10.2017).

В случае с медицинскими работниками порядок их привлечения к ответственности за нарушение правил оборота наркотиков, ее основания и характер явно нуждаются в пересмотре. В случаях, когда у медицинского работника не было умысла на сбыт наркотика при нарушении правил оборота данных веществ, привлечение к уголовной ответственности не отвечает принципам целесообразности и в дальнейшем соразмерности наказания. Более того, сложившаяся ситуация уже привела к тому, что медицинских работников, согласных работать с наркотическими препаратами, не хватает, а пациентов, которым объективно требуются данные препараты, меньше не становится. Врачи по-прежнему боятся назначать наркотические препараты в необходимых случаях, боятся делать инъекции (интервью Анны Федермессер, президента Фонда помощи хосписам «Вера»¹¹⁰). Единичные показатели судебной статистики по составу статьи 228.2 УК РФ не являются основанием для игнорирования обширных качественных последствий практики ее применения и существования. Наличие именно данной статьи повлекло создание неадекватных требованиям действительности алгоритмов выписывания и применения наркотических лекарственных средств.

По данным судебной статистики, такие же единичные показатели, как и по статье 228.2 УК РФ, присутствуют по статьям 228.3, 228.4, 229, 230, 233 УК РФ. Статьи 228.3, 228.4 УК РФ предусматривают ответственность за хранение, приобретение, перевозку, сбыт, производство, пересылку прекурсоров, сырья для изготовления наркотиков. Наличие судебной практики по данным статьям свойственно в большей мере для центральных регионов России, из которых осуществляются поставки «синтетиков» по стране.

Единичная практика применения статьи 229 УК РФ вскрывает проблему защиты прав и интересов пациентов: осуждаются по данному составу

¹¹⁰ Виграйзер. А. Врачи просто не знают и боятся // Лента.ру. 2018. 14 июня. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/06/14/federmesser/> (дата обращения: 30.08.2019); Vademecum. Интервью Нюты Федермессер. 2017. 13 января. URL: <http://www.hospicefund.ru/intervyu-nyutyi-federmesser-zhurnalu-vademecum/> (дата обращения: 30.08.2019).

преимущественно наркозависимые лица, пользующиеся тем, что проживают с онкобольными родственниками, соседями, у которых крадут наркотические обезболивающие препараты, в единичных случаях хищение препаратов происходит из сумок-укладок бригад скорой помощи. По данным составам преступлений также в единичных случаях к уголовной ответственности привлекаются медицинские работники, имеющие доступ к наркотическим препаратам, предназначенных для пациентов, но данные препараты списываются с баланса и реализуются в дальнейшем незаконно. Механизмов защиты прав и интересов пациентов, у которых были похищены лекарства данной категории, не выписаны или назначены не те препараты (например, трамадол вместо морфина), не предусмотрено. В случаях похищения наркотических обезболивающих препаратов у родных и соседей наркозависимых лиц получить новые препараты в кратчайшие сроки не удастся, ответственности врачей за невыписанный обезболивающий наркотический препарат или выписку непригодного для целей назначения препарата – не предусмотрено.

Практика применения статьи 233 УК РФ связывается с двумя возможными причинами подделки документов на выдачу наркотических лекарственных препаратов медицинскими работниками: 1) в случае умысла на сбыт наркотических препаратов; 2) использование служебного положения в целях помощи онкобольным близким лицам быстрее достать необходимый препарат. Данная практика только вскрывает проблему обеспечения прав и интересов пациентов, нуждающихся в лекарственных препаратах: в первом случае возникает недополучение препаратов пациентами, во втором случае возникает вопрос рациональности и приемлемости механизма получения необходимого рецепта на наркосодержащий препарат, при котором врачи готовы пойти на совершение преступления ради помощи онкобольным.

Статья 230 УК РФ предусматривает ответственность за склонение лица к наркопотреблению, однако применяется данная статья крайне редко (что в целом логично). О рассматриваемом преступлении становится известно в нескольких типичных случаях: 1) непредвиденной передозировки или наступления психоза в

результате потребления синтетических наркотических препаратов у лиц, доставленных в учреждения здравоохранения; 2) задержания лиц в состоянии наркотического опьянения; 3) развития наркозависимости у несовершеннолетних лиц и лиц юношеского возраста, родители которых сообщают в правоохранительные органы о фактах склонения ребенка к наркопотреблению лицами, входящими в его круг общения. Кроме того, общественная опасность данных деяний судами расценивается, можно сказать, скептически. Как правило, указанные деяния примыкают к основному составу и назначается мягкое наказание¹¹¹.

Интересен тот факт, что по составу активно лоббированной к принятию статьи 234.1 УК РФ не было осуждено ни одного лица, как и зарегистрировано преступлений (один случай только в 2019 году). Подобная ситуация связана с существенными законодательными пробелами, влекущими проблемы признания новых потенциально опасных психоактивных веществ таковыми, отсутствию мониторинга их формул¹¹². В итоге дополнительно создается проблема установления: 1) принадлежности веществ к одной партии незаконной поставки в регион, что позволило бы выявлять причастных к распространению наркотиков лиц; 2) факта наркотического опьянения.

Как известно, в противодействии НОН одна из стратегически важных задач заключается в подрыве экономических основ преступной деятельности, связанной с наркотиками. Однако судебная практика по статьям 174 и 174.1 УК РФ, состав которых привязан к составам наркопреступлений, единична (см. табл. 4, 5). Предполагается, качественной задачи своего существования статьи 174 и 174.1 УК РФ не оправдывают. Основная задача применения данных статей (в контексте противодействия НОН) – перекрывать транзиты денежных средств с продаж оптовых партий наркотиков в офшоры и оттуда в легальный сектор экономики,

¹¹¹ Семенова В. В. Уголовная ответственность за склонение к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2019. С. 167.

¹¹² Бычкова А. М. Новые потенциально опасные психоактивные вещества: неадекватность правового реагирования на вызовы наркорынка // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26, № 3. С. 484–492.

выявлять фиктивные финансовые операции между «подставными» юридическими лицами, факты декларирования денежных сумм сверх имеющихся при ввозе в страну и т. п. Скорее, это задача Федеральной службы безопасности. Отметим, что в Иркутской области в 2020 году выявлено 5 преступлений, связанных с легализацией доходов. Общая сумма легализованных доходов составила 10,973 млн. руб. в 2019 году, 4,636 млн. руб. в 2020 году.

В состоянии наркотического опьянения совершается относительно немного преступлений, особенно если сопоставить те же показатели с количеством преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения (рис. 7–9).

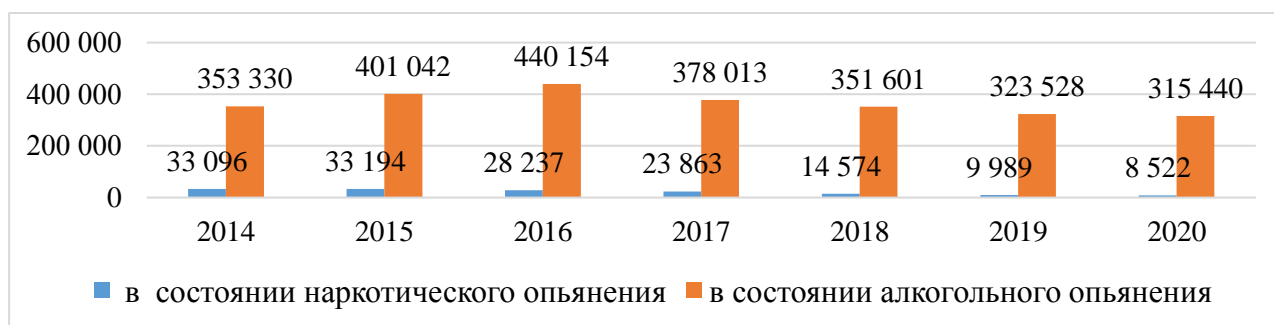

Рис. 7. Совершено преступлений в состоянии опьянения по РФ

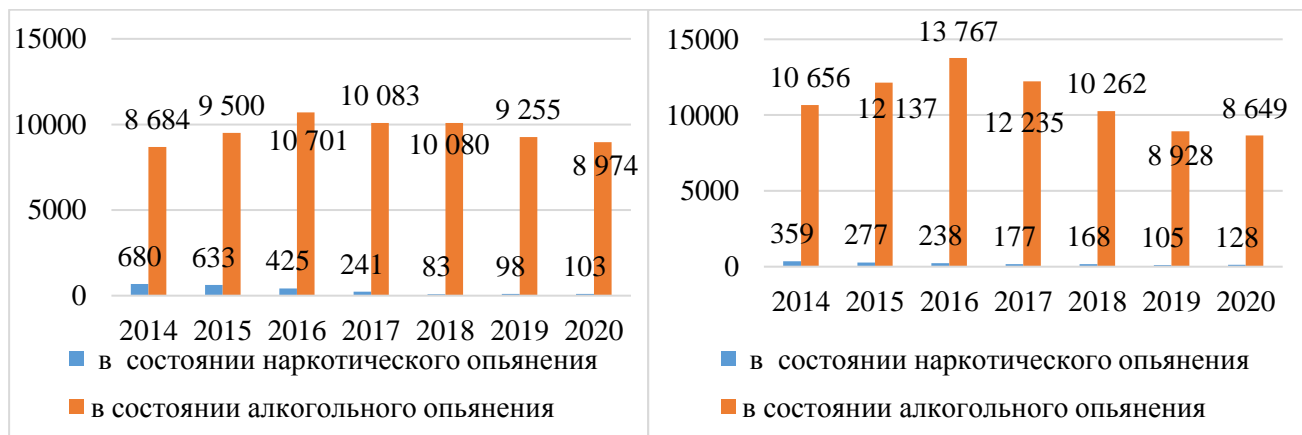

Рис. 8. Совершено преступлений в состоянии опьянения в Иркутской области

Рис. 9. Совершено преступлений в состоянии опьянения в Красноярском крае

Если сравнивать показатели преступности в сфере НОН и показатели «алкогольной» преступности, то очевидно, что первые – не такая уж и проблема. Вместе с тем не вполне ясно, как при постулируемой взаимосвязи алкоголя и наркотиков в цепочке криминогенной активности личности, при приоритете

профилактических мер достаточно общего характера 30 % всех преступлений по РФ совершается в состоянии алкогольного опьянения.

На уровне РФ показатели по преступлениям, совершенным в состоянии наркотического опьянения, имеют тенденцию к быстрому сокращению. При этом в Иркутской области количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, **резко сократилось** после 2015 года (см. рис. 8).

Данная тенденция в Иркутской области связывается врачами – психиатрами-наркологами, оперуполномоченными, включая начальствующие составы, членами областной антинаркотической комиссии с появлением новых формул синтетических наркотиков, следы которых просто не обнаруживаются в биологическом материале в ходе проведения лабораторных исследований. Заместитель главного врача ОГБУЗ «Иркутский областной психоневрологический диспансер» (далее – ИОПНД) по медицинской части по наркологии поясняет, что даже самое современное оборудование, предназначенное для определения следов рассматриваемого вида наркотиков, на данный момент устаревает в среднем за три года при постоянном обновлении химических формул исследуемых веществ. Данные анкетирования среди психиатров-наркологов (40 врачей) подтверждают, что формулы синтетических наркотиков постоянно изменяются, что создает трудности для обнаружения факта их потребления.

А. М. Бычкова обращает внимание на особенности проведения лабораторных исследований, при которых на первом этапе исследований проводятся стандартные процедуры, способные обнаружить только распространенные виды наркотиков и уже известные формулы. Новые формулы, естественно, не обнаруживаются, оснований для проведения дальнейших исследований нет, и лицо, потребившее «синтетику» новой формулы (как правило, постоянно трансформируются формулы «спайсов») признается «чистым»¹¹³.

Зам. начальника ГУ УНК МВД России по Иркутской области также поясняет, что при увеличении случаев по всей Иркутской области задержания лиц в

¹¹³ Бычкова А. М. Судебный прецедент как способ противодействия распространению новых потенциально опасных психоактивных веществ // Baikal research journal. 2016. Т. 7, № 5. С. 4.

состоянии наркотического опьянения, вызванного «синтетикой», нет физической возможности отправлять всех на обследование в одну из двух лабораторий (Иркутск, Братск), тогда как современное и пригодное оборудование имеется только в г. Иркутске. Даже если лица направляются в г. Иркутск и проходят освидетельствование, то по результатам лабораторных исследований, которые приходят через 10 дней, в биологическом материале лица, имеющем все признаки наркотического опьянения, может быть не обнаружено следов потребления наркотиков, оснований для привлечения к ответственности в итоге нет, лицо отпускается после освидетельствования, при этом оно в том же состоянии опьянения может благополучно сесть за руль. Создается достаточно опасная ситуация в плане поддержания общественной безопасности и сохранения здоровья граждан и назрела потребность в распространении малогабаритного и современного оборудования для выявления следов потребления новых психоактивных наркотических веществ в биологическом материале.

По структуре совершаемых преступлений в состоянии наркотического опьянения, опираясь на данные судебной статистики, мы можем сделать вывод, что их абсолютное большинство относится к НОН (табл. 6).

Таблица 6

*Осуждено лиц, совершивших преступления
в состоянии наркотического опьянения в РФ*

Составы преступлений	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	ПРИРОСТ 2014 г. – 2020 г. в %
По ВСЕМ составам	6 113	6998	6 361	6 249	4 627	3 611	2 718	-55,5
НОН	5 637	6 461	5 591	5 399	3 849	2 778	1 844	-50,7
Глава 21 УК РФ	296 (178 краж)	198 (111 краж)	159 (89 краж)	133 (73 кражи)	101 (47 краж)	78 (35 краж)	90 (54 кражи)	- 67,2 (-69,6)
Глава 16 УК РФ	158	107	114	92	57	62	58	-63,2
Ст. 264.1 УК РФ.	--	49	357	410	386	490	563	<i>увеличение в 11 раз</i>

								2014 г. – 2020 г.
Небольшой тяжести	2 328	2 669	3 093	3 453	2 194	1 883	1 519	-34,7
Средней	471	351	242	298	298	223	127	-73,0
Тяжкое	2 919	3 440	2 841	2 496	2 496	1 186	820	-71,9
Особо тяжкое	623	744	524	483	483	341	249	-60,0
Неосторожное	94	73	63	113	113	101	68	-27,6

Интересующие нас преступления распределяются по степени тяжести в той же тенденции, но количество тяжких и особо тяжких преступлений значительно выше количества осужденных по тем же категориям (табл. 8). Если объяснить малое количество осужденных за преступления небольшой тяжести или средней тяжести, совершенных в состоянии наркотического опьянения, еще можно, то что происходит с 70 % подозреваемых в совершении тяжких деяний и практически с 90 % лиц, подозреваемых в особо тяжких преступлениях, остается неясным. Предположим, что данные деяния были совершены невменяемыми лицами, но из числа **всех** подозреваемых были признаны невменяемыми в совершении тяжких и особых тяжких преступлений, например, в 2017 году – только 3153 человека, чего явно недостаточно для покрытия разницы.

Таблица 8

*Структура предварительно расследованных преступлений,
совершенных в состоянии наркотического опьянения (РФ)*

Преступление:	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	ПРИРОСТ 2014 г. – 2020 г. (в %)
Небольшой тяжести	13 283	13 421	12 682	10 812	5 565	3 985	3 547	-73,2
Средней	1 223	1 033	786	772	625	564	406	-66,8
Тяжкое	14 429	14 212	10 922	8 470	4 115	2 197	1 443	-89,9
Особо тяжкое	4 161	4 528	3 847	3 859	4 269	3 243	3 126	-24,8

Относительно региональной специфики отмечено, что в Иркутской области преобладает тенденция к совершению тяжких преступлений в состоянии наркотического опьянения, в Красноярском крае – небольшой тяжести, что в целом

указывает на количество хранимого вещества лицами, задержанными в состоянии наркотического опьянения.

Относительно тенденций в характере назначенных наказаний за совершение преступлений в сфере НОН уже отмечалось, что лишение свободы за действия, квалифицированные по статье 228 УК РФ, составляет не более 30 % и связано с требованием индивидуализации наказания с учетом всех предусмотренных законом возможностей. Судьи, рассматривающие у/д в первой инстанции, принципиально соблюдают все требования закона при вынесении приговора, чтобы не получить выговор во время рассмотрения данного акта еще по трем инстанциям (данные опроса 80 федеральных судей). Соблюдение требований индивидуализации наказания подтверждается данными судебной статистики, согласно которым к лишению свободы приговариваются не более 40 % лиц, осужденных за совершение преступлений в сфере НОН, возросло количество лиц, приговоренных к исправительным работам, штрафу, другим видам наказания, одновременно снизилось количество осужденных условно (табл. 9):

Таблица 9

*Структура основных видов наказания,
назначенных за совершение преступлений в сфере НОН в относительных
показателях (по РФ)*

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Прирост 2008 – 2020
Лишение свободы реальное	50,8	49,4	47,6	44,8	41,4	40,1	40,4	42,6	42,7	41,2	41,5	39,9	37,0	-27,1
Лишение свободы, иные меры условно	40,7	40,5	39,2	40,3	39,5	38,8	39,8	35,3	36,1	34,9	34,7	34,3	35,6	-12,5
Исправительные работы и штраф	8,3	9,9	10,9	10,7	13,7	14,7	13,7	10,3	14,0	15,9	15,7	17,5	18,1	рост в 2 раза
Другие виды наказаний	0,2	0,2	2,3	4,2	5,5	6,4	6,1	11,7	7,2	8,0	8,5	8,3	8,8	рост в 44 раза

Сокращение количества условно осужденных лиц ожидаемо, учитывая, что преступления в сфере НОН совершаются преимущественно лицами, для которых совершение уголовно-наказуемых деяний – дело не новое (рис. 10), что порождает вопросы к эффективности системы профилактики правонарушений и работы сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний. Надо сказать, такая картина типична среди осужденных по всем составам УК РФ.

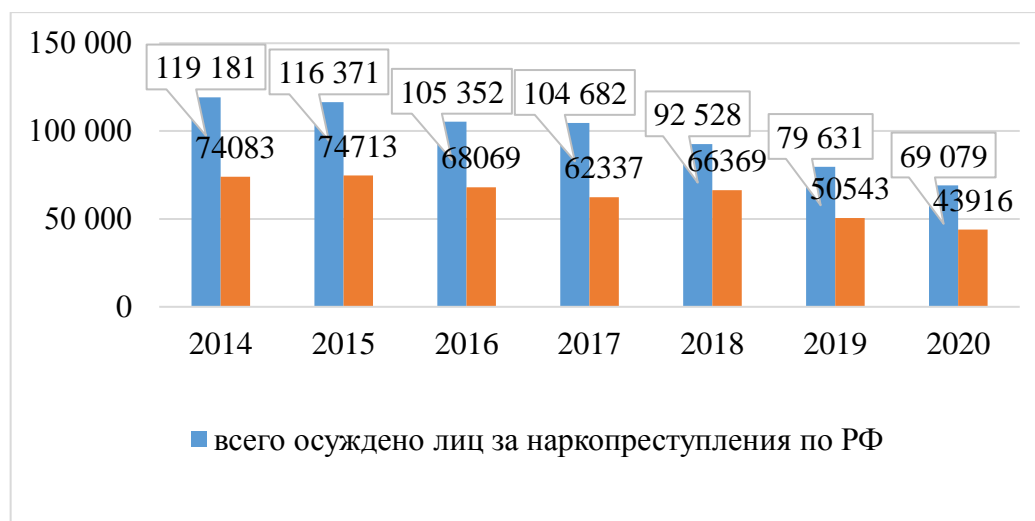

Рис. 10. Структура судимости за наркопреступления по признаку повторности совершения преступлений (по РФ)

Отметим, что при распространенности совершения сбыта наркотиков наркозависимыми лицами при имеющейся статистике по совершению преступлений в состоянии наркотического опьянения лечение от наркомании судами РФ назначается редко (табл. 10) (данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, отчеты **форм 10.2**). Это не свидетельствует о том, что суды не гуманны по отношению к зависимым, поскольку нет оснований применять соответствующую норму по действующему законодательству.

Таблица 10

Назначено лечение от наркомании по решению суда (по РФ)

В порядке применения статьи УК РФ:	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Прирост, в %, 2014–2020
статья 72.1	3847	847	1323	1635	1665	1 568	1 534	- 60,1
статья 73	--	3964	1322	1161	873	645	521	-86,8
статья 82.1	89	77	69	25	38	32	26	-70,7

Например, введенная в 2011 году статья 82.1 УК РФ предусматривает отсрочку отбывания наказания для лиц, кому *впервые назначается лишение свободы* за совершение преступления, предусмотренного *частью 1 статьи 228, частью 1 статьи 231, частью 1 статьи 233 УК РФ*, признанному больным наркоманией. Начнем с того, что при расследовании у/д по данным составам судебно-психиатрические экспертизы, которые бы подтвердили диагноз наркомании, не проводятся в целях оптимизации времени, следователи ограничиваются запросами в психоневрологические диспансеры, а обвиняемый может на наркологическом учете и не состоять. Судебная практика по статье 233 УК РФ единична, а лица, которые привлекаются к ответственности по статье 231 УК РФ, на практике одновременно привлекаются еще и за сбыт наркотиков. Второй парадоксальный момент связан с тем, что лишение свободы за совершение данных видов преступлений применяется судами только при наличии веских на то оснований. Следовательно, шансы на то, что это будет первое лишение свободы в истории подсудимого, стремятся к нулю с каждым годом.

Сокращение применения статьи 72.1 УК РФ связано в целом с теми же причинами: установление диагноза наркомании связано с проведением соответствующей экспертизы, которая на практике не проводится по делам небольшой и средней тяжести, за которые суд может назначить штраф, исправительные или обязательные работы. Для того чтобы данные виды наказания были назначены, подсудимый должен иметь невысокую степень общественной опасности. Наркозависимые лица, нуждающиеся в лечении, как правило, осуждаются к условному лишению свободы и в таком случае следует применение статьи 73 УК РФ. Но при общих тенденциях повторности совершения преступлений (рис. 10), сокращается и количество применения условного

осуждения, соответственно сокращается применение и данной статьи. Таким образом, применение статей 72.1, 73, 82.1 УК РФ главным образом нацелено на лиц, у которых **не наблюдается** стойкого антисоциального поведения на фоне изменений психики при длительной наркотизации и чья общественная опасность сравнительно низкая.

По данным ФСИН РФ, количество осужденных лиц за наркопреступления, среди всех осужденных, отбывающих наказание *в виде лишения свободы*, не превышает 30 %, из них 44,1 % страдают наркоманией, по Иркутской области – 28,9 %, из них примерно четверть наркозависимы. По данным судебной статистики по РФ, осужденные лица за наркопреступления *из всего количества осужденных* составляют 15 %, из этого количества в среднем 35 % назначается лишение свободы ежегодно. В итоге образуется постепенный и стабильный рост осужденных за наркопреступления к лишению свободы, сосредоточенных в местах лишения свободы. При этом если ориентироваться только на количественные показатели, кажется, что количество осужденных лиц за наркопреступления среди осужденных лиц, содержащихся в местах лишения свободы, сокращается (рис. 11).

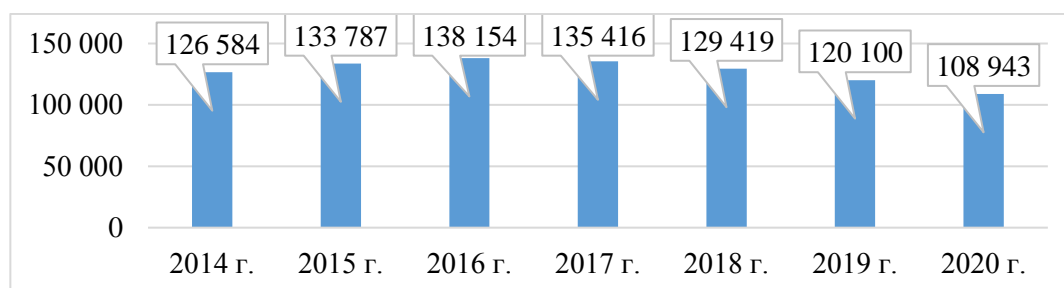

Рис. 11. *Количество лиц, находящихся в местах лишения свободы, осужденных за наркопреступления (по РФ)*

Однако качественные изменения отсутствуют: структурно в контингенте осужденных лиц, находящихся в местах лишения свободы, наоборот удельный вес лиц, осужденных за наркопреступления, устойчиво возрастает. Так, в 2010 году на лиц рассматриваемой категории приходилось 17,8 % осужденных, в 2014 году – 22,9 %, в 2020 году – 28,9 %.

Исследования вопросов достоверности представляемых статистических показателей ФСИН позволяют говорить об *отсутствии* точных данных о действительном количестве *наркозависимых* лиц, находящихся в местах лишения свободы. Указанное подтверждается, в том числе, спецификой методологии оценки показателей эффективности работы правоохранительных органов¹¹⁴.

Обращаясь к конкретизации видов наркотиков, преобладающих на нелегальном рынке в России, по данным Государственного антинаркотического комитета РФ, в структуре изъятых наркотиков наблюдаются волнообразные тенденции, общий тренд сохраняется: превалирование растительных видов наркотиков (60 %, при этом в регионах данный показатель составляет в среднем 95 %), четверть синтетических (23,7 %, при этом в Иркутской области – в среднем всего 5 %) и небольшой объем опийной группы (3,7 %). Количество изъятий героина и опиатов остается стабильным на уровне РФ, но сокращается в регионах. Особенно ярко прослеживается данная тенденция в Иркутской области, где в 2015 году было изъято 8,6 кг синтетических наркотиков, в 2018 году – 94,6 кг, в 2019 году – 28,7 кг. Наркотики опийной группы распространены преимущественно в виде героина и на него приходится в обоих регионах не больше 1 % изъятий.

По субъективным оценкам оперуполномоченных и следователей, с 2014 года возросло количество изъятий синтетических наркотиков, но сократилось количество изъятий героина. Одновременно выросло количество изъятий маковой соломки, что связано с сокращением доступности героина. Растительные виды наркотиков изымаются в прежних объемах – примерно 50 % от всех изъятых наркотиков (данного мнения придерживаются 65 % анкетированных обеих групп). 28,3 % анкетированных сотрудников указали, что количество изъятий всех видов наркотиков остается на прежнем уровне. 6,6 % сотрудников полагают, что количество изъятий всех видов наркотиков снизилось (среди данных сотрудников

¹¹⁴ Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет. СПб.; М.: Норма : Центр независимых социальных исследований и образования, 2015. С. 48–64.

– только следователи, ни один оперуполномоченный не указал, что количество изъятий наркотиков снижается).

Изменения в структуре регионального нелегального наркорынка начались в 2014 году. По данным анкетирования оперуполномоченных и следователей, в регионах наиболее всего распространены синтетические наркотики «спайсы», «соли», метамфетамин, постоянно изменяются формулы синтетических наркотиков. 10 % от всех анкетлируемых следователей и оперуполномоченных указали на появление новых форм наркотиков (в их понимании видов): «марки», рост популярности потребления грибов, постоянное изменение формул «спайсов».

По мнению 90 % оперуполномоченных, «синтетику» в регионе на данный момент может достать любой желающий, умеющий пользоваться Интернетом и анонимайзерами, тогда как героин и опиаты стали не очень популярны, однако распространены они в слоях населения, среди которых наркотики всегда были доступны. 10 % респондентов данной группы отметили, что доступность наркотиков в сравнении с 1990–2000 годами стала ниже, но все же высока по всем видам наркотиков. Вопрос о доступности наркотиков в регионе был также поставлен перед участковыми уполномоченными полиции, так как из смысла Федерального закона № 182-ФЗ данные сотрудники полиции являются первичным звеном профилактики противоправного поведения, каждый день контактируют с населением, поднадзорными лицами, антисоциальными субъектами, т. е. должны быть осведомлены о реальной доступности наркотиков на территории своего участка. Из 100 анкетлируемых участковых 35 % считают, что доступность в регионе достаточно низка, 25 % оценивают доступность как высокую: синтетические наркотики может приобрести любой желающий при умении пользоваться анонимайзерами, каннабиноиды всегда были распространены в регионе, опиаты менее популярны, но распространены стабильно среди определенной категории лиц. 40 % анкетлируемых считают, что наркотики всегда можно купить или изготовить, доступность их не стала выше или ниже: рынок предложения наркотиков стабилен, стабилен спрос на них, работа по пресечению

НОН также стабильна, следовательно, оценить доступность наркотиков в регионах можно как среднюю.

Таким образом, современные закономерности НОН отражают риски в обеспечении антинаркотической безопасности, связанные с отсутствием изменений акцентов в деятельности правоохранительных органов, стабильной доступностью наркотиков, излишней криминализацией действий с наркотиками и неудовлетворительной ресоциализацией лиц, осужденных за НОН:

- в структуре зарегистрированной наркопреступности тяжкие формы деяний по-прежнему преобладают (75 %), но при сокращении их количества на 20 % среди раскрываемых наркопреступлений;

- среди раскрытых наркопреступлений только до 12 % приходится на деяния, совершенные в соучастии, при этом основная форма – группа лиц по предварительному сговору;

- легализация доходов, полученных от НОН, составляет 0,1 %, сбыт, контрабанда и производство наркотиков – 60 % среди выявленных и 30 % среди раскрытых наркопреступлений;

- существенное преобладание в структуре незаконного наркорынка традиционных растительных наркотиков (60 %) при стабильной распространенности их синтетических видов;

- в структуре осужденных лиц за НОН до 80 % в среднем приходится на лиц, осужденных по статье 228 УК РФ. Практика выявления и осуждения по сложным в организационно-правовом аспекте составов наркопреступлений традиционно не является характерной: составы незаконного сбыта, производства и контрабанды наркотиков представлены традиционно незначительной их долей (в среднем от 14 до 19 %), где сбыт наркотиков в форме соучастия (группа лиц по предварительному сговору преимущественно) составляет 61 % по России и 51 % в среднем по регионам. Составы статей 174 и 174.1 УК РФ в структуре судимости единичны, на региональном уровне практически не представлены;

- криминологический рецидив существенно превышает легальный: повторно к уголовной ответственности привлекается 63,5 % наркопреступников;

– процент лиц, проходящих лечение от наркомании по решению суда, незначителен, применение судами соответствующей альтернативной меры сокращается;

– удельный вес преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, незначителен, при этом абсолютное большинство таких преступлений образуют незаконные действия с наркотиками, и тяжесть данных деяний связана с объемом изъятых веществ;

– среди осужденных наркопреступников наркозависимостью страдают от 15 до 24 % в среднем.

Также стоит отметить, что НОН в структуре российской преступности занимает стабильно 10 % более 10 лет, тенденция к сокращению или увеличению количества зарегистрированных наркопреступлений повторяет общую тенденцию изменения уровня преступности в целом, при этом объемы выявленных и расследованных наркопреступлений напрямую зависят от активных действий оперуполномоченных сотрудников и сокращение зарегистрированной наркопреступности больше отражает коэффициент такой активности (связанной со спецификой формирования плана работ), а не реальные масштабы НОН.

§ 2. Особенности современных тенденций наркопотребления и продуцируемых ими рисков

При относительной доступности наркотиков в регионах половина анкетированных врачей психиатров-наркологов (всего анкетированных – 40 врачей) считают, что количество наркопотребителей за последние пять лет неизменно, поскольку всегда есть слои населения, среди которых распространено потребление наркотиков, и есть те, кто потребляет без видимых последствий. 25 % респондентов указали, что количество наркопотребителей изменяется циклично и зависит от многих факторов, но среди неблагополучных слоев населения – всегда неизменно. Оставшиеся респонденты указали, что потреблять наркотики действительно стали меньше.

Все психиатры-наркологи отметили, что количество лиц, зависимых от опиоидных наркотиков, снизилось, количество зависимых от синтетических наркотиков увеличилось. С ними солидарны по данному вопросу 80 % анкетированных оперуполномоченных и 13 % отмечают, что количество наркозависимых в целом снизилось, но появились те, кому просто еще диагноз «наркомания» не поставлен. Оставшиеся указали, что количество наркозависимых лиц не изменилось. Федеральные судьи, в свою очередь, говорят, что количество наркозависимых лиц, осужденных к лишению свободы, возрастает с 2010 года.

По данным официальной медицинской статистики (*в настоящем параграфе использованы доступные статистические данные годовых аналитических обзоров Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Минздрава России*), на медицинское освидетельствование в РФ для установления факта опьянения отправляются ежегодно около полутора миллиона человек (табл. 11). Опьянение наркотиками устанавливается в среднем в 7–8 % случаев (табл. 12). Учитывая появление новых формул «синтетики» с проблемами их идентификации, наблюдается постепенное сокращение показателя установления фактов опьянения наркотиками по РФ и в регионах (табл. 12).

Таблица 11

*Число лиц, направленных на медицинское освидетельствование
для определения состояния опьянения*

Территория:	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Прирост 2014–2019
РФ	2 173 898	2 210 749	1 955 468	1 694 206	1 525 950	1 441 044	- 33,7
Красноярский край	26 569	26 847	26 166	22 306	19 276	17 728	- 30,6
Иркутская область	32 058	42 057	44 473	34 078	30 939	27 729	-14,1

Таблица 12

Число лиц с установленным фактом опьянения от употребления наркотиков

Территория:	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Прирост 2014–2019
-------------	------	------	------	------	------	------	----------------------

РФ	186 632	172 277	141 643	124 778	107 955	99 345	- 46,7
Красноярский край	2 846	2 522	2 021	2 151	1 958	1 627	- 42,8
Иркутская область	6 070	6 113	5 997	4 060	3 142	3 839	- 36,7

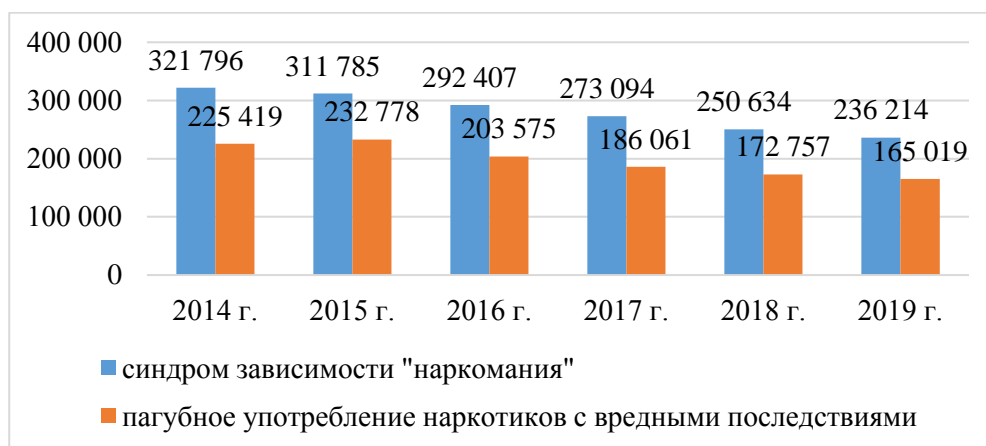

Рис. 12. Число больных, официально зарегистрированных наркологическими учреждениями в РФ

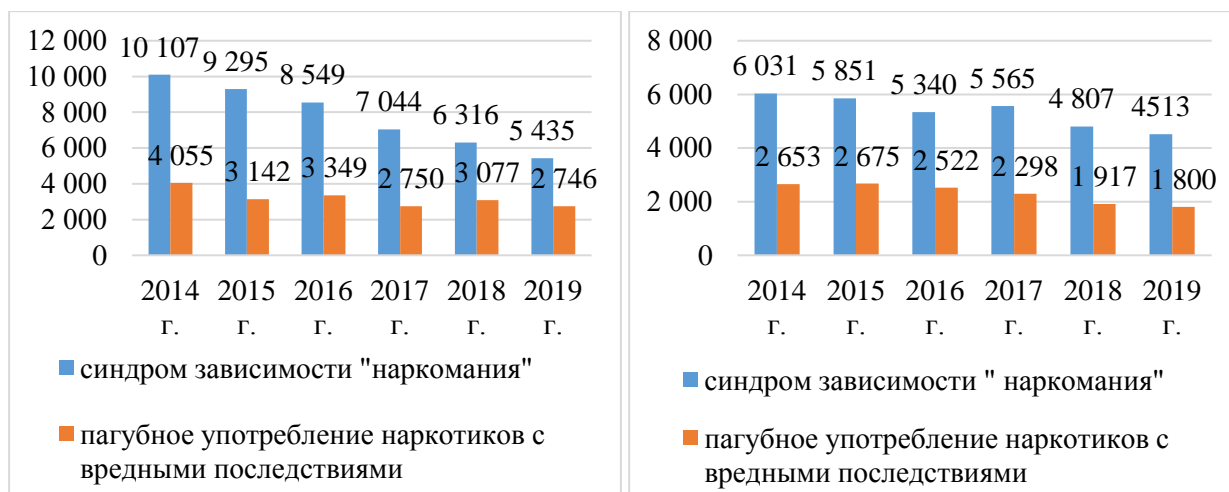

Рис. 13. Число больных, официально зарегистрированных наркологическими учреждениями в Иркутской области

Рис. 14. Число больных, официально зарегистрированных наркологическими учреждениями в Красноярском крае

По данным Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Минздрава России, с 2014 по 2019 год распространенность наркомании постепенно снижается (рис. 12–14). Данная ситуация связана с неоднородным качеством антинаркотической деятельности в разных регионах страны, что было доказано в исследованиях

Е. С. Серовой¹¹⁵. Вместе с тем если в регионе ведется активная работа по выявлению и оказанию медико-социальной помощи наркозависимым лицам, то показатели заболеваемости и зарегистрированной наркомании будут высокими, таким образом, регион автоматически попадает в число неблагополучных, как поясняет заместитель главного врача Иркутского областного психоневрологического диспансера по медицинской части по наркологии. Если многие регионы в РФ имеют низкие показатели зарегистрированной наркомании и ее первичной заболеваемости, то детально качество антинаркотической деятельности целесообразно проверять в первую очередь именно в этих регионах. Кроме того, по данным Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Минздрава России, сокращение рассматриваемых показателей связано также с сокращением числа обращений за наркологической помощью.

Общая заболеваемость наркологическими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, по РФ в 2019 году характеризуется преобладанием диагноза «опийная наркомания» – 60,8 %, на полинаркоманию и другие виды наркотиков приходится 20,9 %, на каннабисную зависимость – 11,1 %. В Иркутской области к 2019 году на диагноз «опийная наркомания» пришлось 73,2 %, доля лиц с зависимостью от каннабиса составила 17,4 %, зависимость от других видов наркотиков и полинаркомания суммарно существенно ниже – 9,4 %. В Красноярском крае к 2019 году 40,9 % составляют больные опийной наркоманией, 21,1 % приходится на лиц, страдающих зависимостью от других психостимуляторов, на полинаркоманию приходится 20,5 %, зависимость от каннабиноидов – 17,5 %.

В показателях первичной заболеваемости по РФ и регионах однозначно лидирует диагноз употребления наркотиков с вредными последствиями (рис. 15–17). В общероссийском масштабе первичная заболеваемость опиоидной

¹¹⁵ Серова Е. С. Российская антинаркотическая политика: конфликтологический анализ программно-целевого подхода: региональный уровень : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2017. 188 с.

наркоманией с 2014 года сократилась на 60,5 % по РФ (составляет 2,7 на 100 тыс. среднегодового населения), зависимость от каннабиноидов – на 16,3 % (показатель равен 1,7). Показатели зависимости от других видов наркотиков в структуре первичной заболеваемости стабильны (до 5,5 % в среднем).

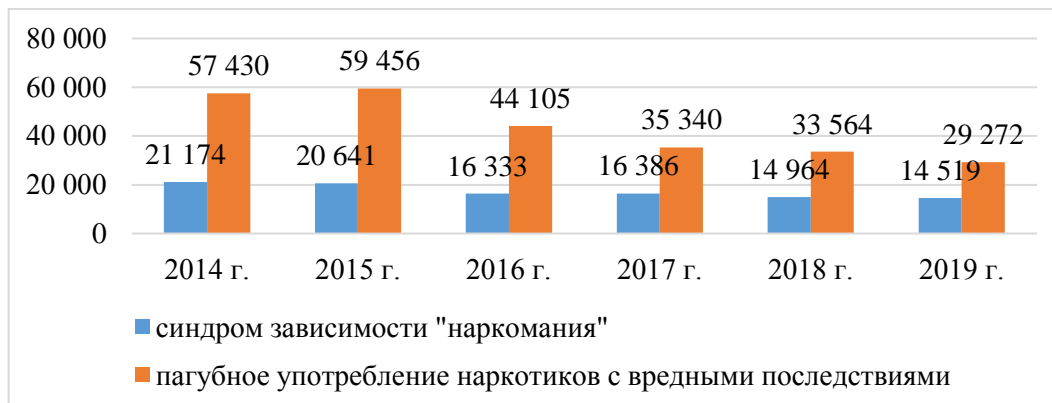

Рис. 15. Число лиц с впервые в жизни установленным диагнозом (по РФ)

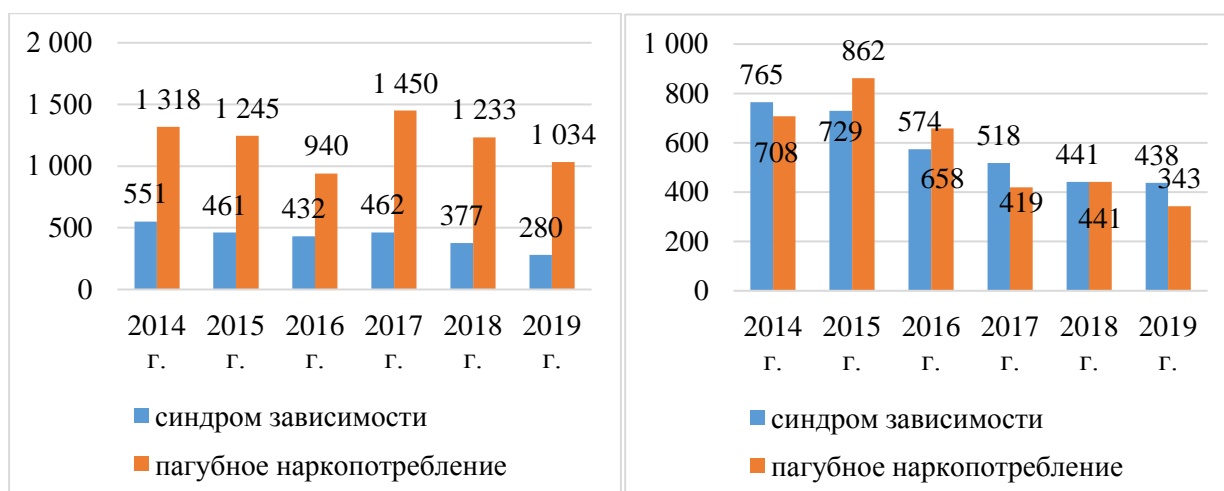

Рис. 16. Число больных

с впервые в жизни установленным диагнозом в Иркутской области

Рис. 17. Число больных

с впервые в жизни установленным диагнозом в Красноярском крае

Контингент больных, находящихся на диспансерном наблюдении в наркологических учреждениях, состоит преимущественно из лиц, проходящих лечение добровольно. Количество лиц, поступивших на лечение по решению суда, колеблется в пределах от 20 до 40 % в общем количестве больных того же профиля, на что указали 69 % анкетированных врачей. Остальные указали, что эти пациенты не превышают порог в 20 %. Большинство пациентов ни разу не сталкивались с

правоохранительными органами, не имеют судимостей даже при длительных сроках наркотизации (субъективное мнение по данным опросов психиатров-наркологов). Вместе с тем по данным Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Минздрава России, в 2019 году по РФ доля обратившихся за лечением по решению суда – 14 788 лиц (от общего контингента на амбулаторном лечении всего 12,8 %, по Иркутской области в 2019 году – 12,3 %). Из них 65,3 % заканчивают лечение в течение года, 26 % – отказались или прекратили курс лечения, 8,7 % – осуждены, умерли или нет данных. При этом основная форма лечения данного контингента – диспансерное наблюдение в течение года.

По мнению половины анкетированных врачей, в программы реабилитации данный контингент пациентов вступает крайне редко, остальные указали, что все зависит от работы конкретного врача и анамнеза заболевания.

В 2019 году среди зарегистрированных пациентов, страдающих наркоманией, преобладают представители *опиоидной* наркомании, однако имеется тенденция к их сокращению (с 74 % в 2015 года до 56,8 % в 2019 года по РФ; 45,5 % в Красноярском крае в 2018 году, а в 2019 году уже 40,9 %; в Иркутской области стабильно с 2014 года – 73-75 %). Первичная заболеваемость стабильно падает (табл. 13).

Таблица 13

Число лиц с впервые в жизни установленным диагнозом

«опиоидная наркомания»

(в абсолютных числах и числах на тысячу населения)

Территория	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Прирост (2014– 2019)
РФ	10540/7,2	8883/6,1	6153/4,2	5273/3,59	4171/2,84	4018/2,74	-61,8
Красноярский край	199/7,0	171/6,0	120/4,2	102/3,55	69/2,40	109/3,79	-45,2
Иркутская область	417/17,3	253/10,5	192/8,0	186/7,73	140/5,82	116/4,84	-72,1

Одновременно отмечается рост потребления синтетических наркотиков, что опасно в долгосрочной перспективе при латентности их потребления. Врачи психиатры-наркологи объясняют, что потребление наркотиков опиоидного ряда, героина в том числе, *не влечет необратимых побочных эффектов* на функции организма (относительно): даже при наркотизации в 10 лет у таких наркозависимых лиц может сохраняться приемлемое состояние мнестико-интеллектуальной деятельности, психические расстройства не переходят в острую форму с последующей манифестацией состояния. При изучении уровня интеллектуальных способностей пациентов (при помощи теста прогрессивных матриц Равена) установлено, что у опиоидных, героиновых наркоманов показатели приближены к нижней границе нормы и зависят от длительности ремиссии. Более того, органического поражения нервной системы у лиц, длительно употребляющих исключительно опиоиды, может и не прослеживаться. В конечном счете данные лица успешно реадаптируются в социуме и самореализуются.

Таковых лиц немного, но они составляют необходимый *резерв* в процессе изменения наркоситуации, работая равными консультантами в частных реабилитационных центрах. В процессе исследования отмечена интересная деталь: молодые люди, срок наркотизации которых не доходил до 5 лет, получали образование психологов, наркологов и стали крайне востребованными специалистами. В итоге основная опасность в период наркотизации наркотиками опиоидного ряда – это смерть от ВИЧ/СПИД, гепатитов, туберкулеза, передозировок, в драках, т. е. в связи с особенностями социальной активности при интенсивной наркотизации.

Иначе выглядит картина перспектив для зависимых от «синтетиков»: в результате систематического потребления данных препаратов истощаются психические ресурсы личности. Составляющие синтетических наркотиков имеют свойство накапливаться в жировых тканях, печени, волокнах нервной системы, щитовидной железы, откуда медленно поступают в кровь. Т. е. многократно увеличивается риск передозировки при потреблении привычной дозы, наступает психоз, после чего развивается психическое расстройство в острой форме (чаще

шизоидное или депрессивное), которое впоследствии манифестируется. В результате такой пациент переходит из отделения наркологии в психиатрическое. Как поясняют врачи психиатры-наркологи, проблема эффективного лечения и реабилитации зависимых от синтетических наркотиков пока относительно новая, данный вид зависимости не до конца изучен и количество таких пациентов начало увеличиваться с 2010 года.

Статистически же для Иркутской области характерна высокая латентность зависимости от синтетических наркотиков, на долю которой суммарно с полинаркоманией приходится не больше 10 % (общероссийский средний показатель – 20 %, аналогично в Красноярском крае).

Относительно каннабиноидной зависимости половина анкетированных врачей психиатров-наркологов указала, что данный вид зависимости встречается чаще в рамках полинаркомании. Другая половина указала, что она может встречаться и в самостоятельной форме. Специалисты пояснили, что в самостоятельной форме каннабиноидная зависимость имеет место быть при попытке пациента избавиться от зависимости самостоятельно, в результате чего подменяется ее тип (героин – марихуана – алкоголь) и среди представителей неблагополучных слоев населения, так называемых уязвимых групп, при ежедневном интенсивном употреблении растительных наркотиков.

Развитие острых состояний психических патологий в большей степени свойственно потребителям синтетических наркотиков, с распространением которых специалисты связывают и случаи госпитализации лиц с острыми интоксикационными психозами (табл. 14):

Таблица 14

Число больных, госпитализированных в специализированные стационары с диагнозом Интоксикационные психозы, вызванные употреблением наркотиков (в абсолютных числах / числах на тысячу населения)

Территория:	2014	2015	2016	2017	2018	2020	Прирост 2014/2020
РФ	6542 / 4,5	6505 / 4,4	5610 / 3,8	5735 / 3,91	4839 / 3,29	5443/ 3,71	-16,7

Красноярский край	754 / 26,4	419 / 14,7	440 / 15,3	451 / 15,68	403 / 14,01	294 / 10,23	- 61,0
Иркутская область	34 / 1,4	221 / 9,2	200 / 8,3	144 / 5,98	151 / 6,28	113 / 4,71	2,3

По данным токсикологического мониторинга, в Иркутской области среди всех отравлений химической этиологии доля отравлений наркотическими веществами сокращается при обратной динамике в Красноярском крае (рис. 18).

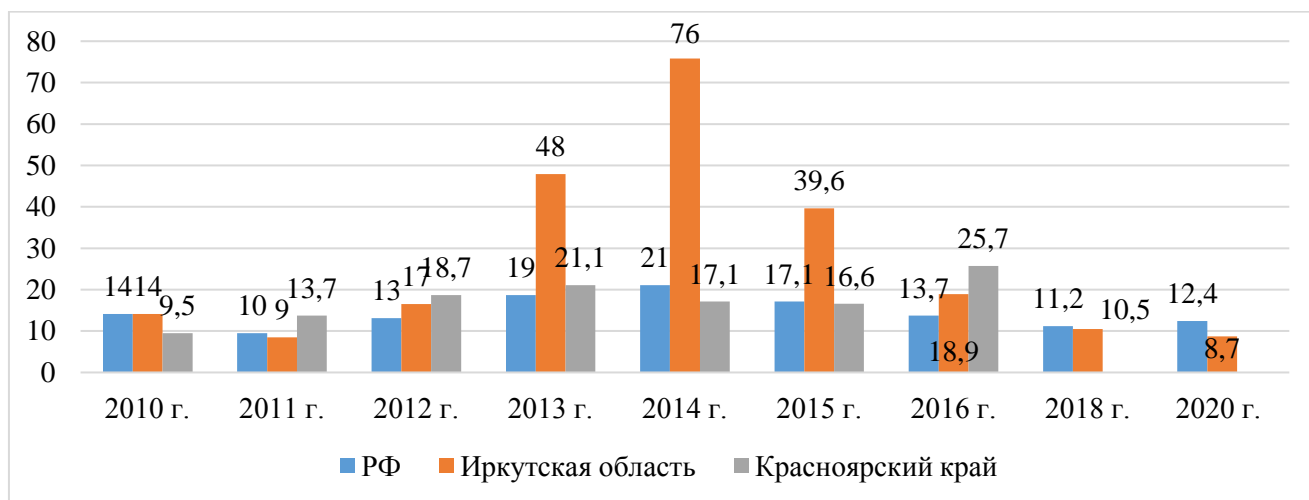

Рис. 18. Динамика острых отравлений наркотиками по РФ, Иркутской области и Красноярскому краю в 2010–2020 годах (на 100 тыс. населения)

Пиковые значения отравлений наркотиками в Иркутской области приходятся на 2014 год, однако данные отравления не повлекли массовых интоксикационных психозов: 1828 случаев отравления наркотиками, но госпитализировано с интоксикационными психозами, вызванными их употреблением, 34 человека. Структура отравлений наркотиками в Иркутской области характеризуется следующим образом: к 2020 году, несмотря на регулирование продаж кодеиносодержащих препаратов, доля отравлений ими возросла; количество отравлений неуточненными наркотиками, к коим относятся все новые «синтетики», стабильно составляло с 2012 года половину всех отравлений; неуточненные психодислептики и галлюциногены – четверть, с 2018 года данные показатели резко сокращаются (табл. 15).

Структура отравлений наркотиками (доля в % по отношению к общему количеству зарегистрированных отравлений наркотиками)

Вид наркотика	2014	2016	2018	2019	2020	Прирост 2014/2020
Героин	8,0	3,1	9,9	10,5	3,9	-51,2
Опий	6,0	6,1	9,1	8,2	8,7	45
Другие опиоиды (морфин, кодеин)	7,0	12,0	19	21	24,2	<i>рост в 3,4 раза</i>
Производные каннабиса	2,5	2	4,8	7,8	2,9	16
Другие синтетические наркотики	0	3,3	6,7	2,7	6,8	<i>рост в 2 раза</i>
Другие неуточненные наркотики	50,2	46,2	39,7	42	43	- 14,3
Другие неуточненные психодислептики, галлюциногены	26,0	26,0	10,3	7,3	9,2	- 64,6

Судя по данным показателям, рост отравлений наркотиками и интоксикационных психозов в 2014 году в Иркутской области был привязан к уже распространенному потреблению синтетических наркотиков еще с 2010 года, но при одновременном изменении их формул в сторону более опасных для здоровья, с последующим их обновлением и увеличением количества вариаций с 2018 года. Увеличение отравлений другими опиоидами свидетельствует об ограниченной доступности опиоидных наркотиков. Кроме того, увеличение количества отравлений героином свидетельствует о возврате наркопотребителей со стажем к употреблению данного вида наркотика после перерыва 2016 года в связи с его низкой доступностью в то время и распространенным переходом к употреблению иных видов наркотиков (метадон). Стоит отметить, что, по анонимным сведениям сотрудников таможенной службы по Иркутской области, с 2019 года фиксируются новые способы провоза героина через границу в ящиках с жидкостью для вейпов. Жидкость продается в сертифицированных магазинах под видом легальной при наличии разрешительной документации, продавцы сами не знают, что продают.

Данный способ распространения героина свидетельствует о сокращении «целевой аудитории», которую пытаются расширить любым способом.

Как известно, в стандартные показатели мониторинга наркоситуации в части оценки эффективности наркологической службы входят показатели ремиссии пациентов (табл. 16). В связи с этим необходимо понимать, что и ремиссия – не показатель успешности лечения. Для любой другой болезни – это идеальный результат, реальный может быть другим. Успешность лечения определяется степенью достижения возможно лучшего состояния пациента, повышением качества его жизни при имеющихся условиях течения заболевания и особенностях больного.

Таблица 16

*Число больных наркоманией, находящихся в ремиссии,
на 100 больных среднегодового контингента*

Территория:	Срок ремиссии:	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Прирост 2014/2019 (в %)
РФ	от года до двух	9,3	10,6	10,8	11,75	12,41	12,54	34,8
	свыше двух	9,7	11,2	11,1	11,06	11,57	11,32	16,7
Красноярский край	от года до двух	9,1	9,0	9,0	9,23	11,57	11,78	29,4
	свыше двух	9,4	9,5	9,7	9,89	10,92	11,17	18,8
Иркутская область	от года до двух	8,0	8,8	9,0	15,26	14,57	13,49	68,6
	свыше двух	5,9	9,2	8,9	12,42	10,36	10,49	77,7

Как поясняют врачи психиатры-наркологи, наркозависимые лица обращаются за помощью, как правило, с целью снятия абстинентного синдрома, а задача психиатра-нарколога, в идеале, – мотивировать его на полноценную социальную реабилитацию, что, безусловно, является первичным обеспечительным пунктом для наращивания показателей ремиссии, эту же задачу выполняют клинические психологи. Но ближайшие и реальные задачи: 1) оказать медицинскую помощь, провести обследование, 2) удержать пациента в поле зрения медицинского учреждения, чтобы решение идеальной задачи было вообще ВОЗМОЖНЫМ.

Если пациент после курса лечения понизил дозу наркотика, снизился риск заражения гемоконтактными инфекциями – это позитивный промежуточный результат, отражающий динамику болезни; сменил вид наркотика, способ его потребления на менее разрушительный – аналогично; отказался от наркопотребления, пошел в реабилитационные программы – идеальный результат. Успехи в лечении связаны с такими **промежуточными пунктами**, приводящими к улучшению качества жизни пациента, но в общем объеме статистических данных мониторинга наркоситуации, привязанных к определению степени общественной опасности наркопотребления, не принято их выделять.

Состояние ремиссии – отказ от потребления психоактивных веществ, на что влияют психоэмоциональное состояние лица, жилищные условия, окружение, трудоустройство и т. д. Поэтому показатель ремиссии – это показатель пригодности плана работы локальных, взаимодействующих медицинских, правоохранительных, социальных, общественных структур по поводу реинтеграции наркозависимых лиц в социум. Данный показатель по России и в Иркутской области имеет тенденцию к увеличению, что, с одной стороны, свидетельствует о функциональности региональных программ реабилитации, с другой – связан с особенностями наркологического учета, смертностью среди потребителей наркотиков опиоидной группы (табл. 16).

По Иркутской области создана и развивается система взаимодействия между представителями МВД, здравоохранения, реабилитационными центрами, социальными службами, общественными объединениями, что позволяет осуществлять патронаж наркозависимого лица с момента его выявления. Благодаря данному взаимодействию обеспечивается рост показателей ремиссии, а также лечение и реабилитации осужденных лиц. Вместе с тем для общероссийской картины свойственно планомерное сокращение количества самостоятельных реабилитационных центров при Министерстве здравоохранения (в 2019 году – 1), сокращение времени врачей на лечение и реабилитацию в пользу иных видов работ (в основном медосмотры – до 2/3 времени), сокращение кадров, задействованных в службе наркологической помощи и реабилитационном секторе. В среднем на 1

занятую должность психиатра-нарколога приходится 0,20 должности клинического психолога, 0,09 – специалиста по социальной работе, аналогично – социального работника, что не соответствует приказу Минздрава России от 30 декабря 2015 года № 1034н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «психиатрия-наркология» и Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ».

Одной из проблем в повышении показателей ремиссии является повышение качества мотивирования лиц к реабилитации, отражаемое в показателях реабилитации. В программы стационарной реабилитации за пять лет включаются по России в среднем 5 % пациентов, по Красноярскому краю и Иркутской области – 3 %. Успешно завершают программы стационарной реабилитации суммарно в среднем 60-70 % поступивших. Далее на программы амбулаторной реабилитации направляются до 63 % больных, добровольная обращаемость не превышает 39 %. Успешно завершают программы амбулаторной реабилитации чуть более половины пациентов: средний показатель по РФ – 52 %, по Красноярскому краю – 50 %, по Иркутской области – 55 % (табл. 17).

Таблица 17

*Число лиц, включенных в программы реабилитации
(% от числа зарегистрированных больных наркологического профиля) /
Успешно завершили (% от числа включенных)*

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	прирост 2014/2019 (в %)
Число лиц, включенных в программы амбулаторной реабилитации (% от числа зарегистрированных больных наркологического профиля) / Успешно завершили (% от числа включенных)							
РФ	3,1/52,7	3,5/52,0	3,7/54,8	4,6/53,9	5,0/55,8	5,5/53,6	77,4/1,7
Красноярский край	2,9/48,2	3,3/49,2	2,9/51,8	2,2/37,9	2,3/50,6	2,5/50,0	-13,7/3,7
Иркутская область	2,2/53,1	2,6/58,2	2,7/57,8	4,3/59,9	5,1/55,4	4,0/38,0	81,8/-28,4
Число лиц, включенных в программы стационарной реабилитации (% от числа выбывших) / Успешно завершили (% от числа включенных)							
РФ	4,7/80,9	5,1/81,7	5,2/81,5	5,4/83,3	5,7/85,5	5,4/85,9	14,8/6,1
Красноярский край	3,6/75,3	3,4/67,4	2,5/80,3	2,9/75,3	2,8/70,7	2,9/70,2	- 19,4/-6,7

Иркутская область	2,1/59,3	2,4/63,3	2,6/75,3	4,0/74,9	3,6/82,1	3,4/66,9	61,9/12,8
--------------------------	----------	----------	----------	----------	----------	----------	-----------

Включение в программы реабилитации и их успешное завершение привязаны к работе клинического психолога и врача-психотерапевта, а это, поясняют врачи, редкие специалисты, что связано с особенностями обучения и профессиональной подготовки. Статистические данные о деятельности наркологической службы РФ и в регионах подтверждают изложенное. В данной ситуации работа равных консультантов необходима в процессе мотивирования лица к реабилитации и дальнейшего сопровождения.

Заместитель главного врача Иркутского областного психоневрологического диспансера по медицинской части по наркологии, член областной антинаркотической комиссии, пояснил, что при нехватке специалистов и заявлении Президента РФ еще в 2012 году о необходимости беречь их, адекватных государственных программ поддержки данных специалистов нет, у молодых врачей остро встает вопрос жилья. Добровольно в государственное наркологическое учреждение молодые люди не идут работать. Для наглядности: в 2014 году в Иркутской области нехватка наркологов составила 124 человека, а специальность «Психиатрия-наркология» получили всего 5 человек.

Таким образом, эффективность реабилитационного сектора зависит в данное время при всех имеющихся тенденциях от частных инициатив, некоммерческих объединений, частных реабилитационных центров, качества межведомственного взаимодействия между субъектами антинаркотической деятельности.

С 2014 года наблюдается постепенное повышение показателей снятия с наркологического учета в связи с длительным воздержанием от потребления наркотиков как по РФ, так и по Иркутской области и Красноярскому краю (табл. 18). С 2015 года по данному основанию наркозависимых лиц можно снять с наркологического учета по прошествии 3 лет, до этого – по прошествии 5 лет. Таким образом, данный показатель стало проще увеличить.

Таблица 18

*Число лиц, больных наркоманией и снятых с наблюдения
в связи с длительным воздержанием*

(на 100 больных среднегодового контингента)

Территория	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Прирост 2014/2019 (в %)
РФ	2,7	3,0	3,8	5,1	4,6	4,7	74,0
Красноярский край	5,2	4,9	11,7	8	8,5	8,8	69,2
Иркутская область	2,5	2,5	3,1	9,3	5,3	5,0	100

За период диспансерного наблюдения случаи повторной госпитализации среди больных наркологического профиля приходятся преимущественно на лиц, больных наркоманией. По РФ и в Красноярском крае данный показатель стабилен, в Иркутской области показатель существенно снизился (табл. 19).

Таблица 19

Повторность поступления больных наркоманией в течение года после первой госпитализации (на 100 больных среднегодового контингента)

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Прирост 2014/2019 (в %)
РФ	29,6	28,5	30,2	28,2	28,6	29,2	-1,3
Красноярский край	22,6	29,3	32,7	35,8	25,2	27,9	23,4
Иркутская область	31,8	27,4	19,4	22,6	19,4	22,5	-29,2

Внебольничные показатели смертности от отравлений наркотиков в Иркутской области имеют тенденцию к сокращению при обратной тенденции в Красноярском крае (рис. 19).

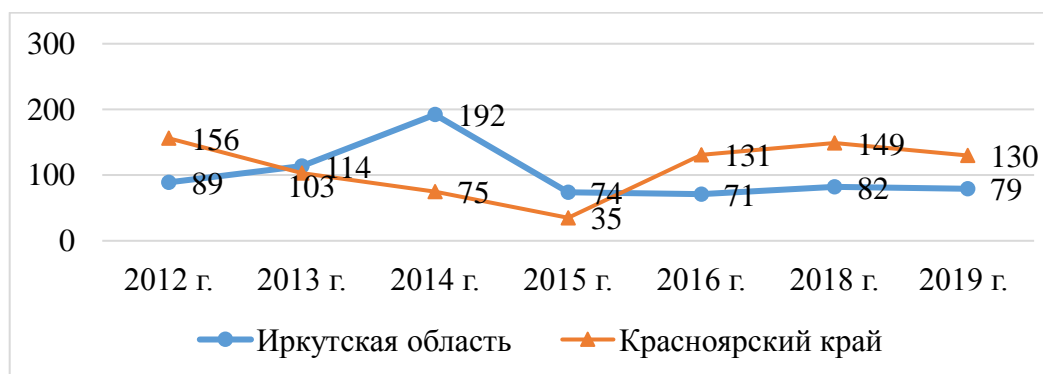

Рис. 19. Динамика острых отравлений наркотиками с летальным исходом

*в Иркутской области и Красноярском крае в 2012–2019 годах
(абсолютные числа)*

В докладе антинаркотической комиссии о наркоситуации в Иркутский области за 2014 год увеличение показателей отравлений и летальных исходов связывают с совершенствованием системы учета мониторинга острых отравлений в рамках постановления Главного государственного врача по Иркутской области от 7 мая 2013 года № 35 «О совершенствовании системы мониторинга острых отравлений наркотическими средствами на территории Иркутской области», а также с расширением спектра исследований трупного материала и улучшением качества диагностики в ОГБУЗ «Иркутское областное бюро судебно-медицинской экспертизы».

Вместе с тем статистика по вызовам службы скорой помощи по поводу отравлениями наркотиками возросла еще с 2012 года и не была привязана к внешним изменениям: 2011 год – 867 сообщений в службу скорой помощи, 2012 год – 1491, 2013 год – 1388, 2014 год – 1418. По структуре своей в 2014 году также доминировало действие наркотиков (33,5 %) в причинах смерти от отравлений химической этиологии, а в 2016 году вновь доминировало алкогольное отравление (40,9 %), а на действие наркотиков пришлось 14,4 %.

В структуре причин смертельных исходов в 2016 году доминировало отравление морфином и кодеином – 56,7 %, на опий пришлось 13,4 %, другие синтетические наркотики и неуточненные их формы вкуче составили 18,3 %. Отравлений героином или производными каннабиса с летальным исходом зарегистрировано не было.

В Красноярском крае в 2016 году в структуре отравлений со смертельным исходом преобладает причина отравлений синтетическими и неуточненными наркотиками (64,3 %). Среди препаратов, вызвавших смерть лиц, распространены PVP, INACA, AB-, MDMB- и ADB-FUBINACA.

По данным медицинских исследований, наиболее распространенными причинами смерти наркопотребителей является не прямая причинно-следственная

связь от действий наркотика, а опосредованная: травмы, несчастные случаи, суициды, насильственная смерть, связанные с процессом наркопотребления, образом жизни потребителя¹¹⁶. Официально же регистрируются только случаи наличия непосредственной причинно-следственной связи между действием наркотика и летальным исходом. Статистика по опосредованным причинам смертности потребителей наркотиков не ведется.

Как отмечено, основная масса пациентов наркологических учреждений, по-прежнему, лица, страдающие опиоидной зависимостью, среди которых большинство – потребители наркотиков инъекционным способом (далее – ПИН). В общей массе зарегистрированных пациентов по поводу потребления наркотиков удельный вес ПИН за последние пять лет сократился, одновременно возрос удельный вес ВИЧ-позитивных среди них (табл. 20). Данное обстоятельство говорит только о том, что представителей ПИН стали обследовать.

Общая ситуация с ВИЧ в стране, по данным Росстата и Минздрава, выглядит печально (табл. 21). При внутривенном употреблении наркотиков инфекция распространяется в среднем в 30 %.

Таблица 20

*Удельный вес ПИН в общем числе зарегистрированных наркопотребителей; распространенность среди них ВИЧ, гепатитов
(в % от общего числа ПИН)*

Территория:	2014		2015		2016		2017		2018		2019		Прирост 2014/2019 (в%)	
	ПИН	ВИЧ	ПИН	ВИЧ	ПИН	ВИЧ	ПИН	ВИЧ	ПИН	ВИЧ	ПИН	ВИЧ	ПИН	ВИЧ
РФ	57,3	19,9	54,8	21,2	53,0	24,3	48,4	25,6	46,5	26,0	44,1	27,3	-23,0	37,1
Красноярский край	60,3	14,3	57,1	13,1	44,9	16,3	49,2	15,0	37,4	19,7	37,1	24,0	-38,4	67,8
Иркутская область	76,4	36,3	69,0	33,7	64,3	32,9	58,6	44,0	50,1	39,0	48,5	40,9	-36,5	12,:

¹¹⁶ Каримов И. Р. Клинико-иммунологическая характеристика гнойно-воспалительных и септических инфекций у больных ВИЧ/СПИД и инъекционных наркопотребителей : дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2014. С. 50–51 ; Абрамов А. Ю. Совершенствование механизма регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2015. С. 49–51 ; Иванов А. А. Региональные особенности динамики наркологической ситуации в Алтайском крае : дис. ... канд. мед. наук. Томск, 2012. С. 30–31.

	Распространенность гепатитов С, В среди ПИН							
	2017		2018		2019		Прирост (в%)	
	С	В	С	В	С	В	С	В
РФ	52,9	11,7	54,8	5,8	60,0	5,0	13,4	-57,2
Красноярский край	57,6	30,9	26,4	3,6	45,5	8,7	- 21,0	- 71,8
Иркутская область	25,2	5,0	25,3	7,0	62,7	8,3	148,8	66

Таблица 21

Заболеваемость ВИЧ-инфекцией (по РФ)

Зарегистрировано лиц:	2000	2010	2016	2020	Прирост 2000/2020 (в%)
Всего (абс. числа)	78 571	372 893	658 141	1 068 839	<i>рост в 13,6 раз</i>
Впервые выявлено (абс. числа)	55 449	62 345	86 855	94 668	70,7

Не углубляясь в данную проблематику, необходимо отметить, что распространение ВИЧ-инфекции по-прежнему привязано к ПИН, количество которых уменьшается, сокращается параллельно первичная заболеваемость ВИЧ по причинам инъекционного потребления наркотиков, но пораженность среди всего контингента ПИН, наоборот, растет. ВИЧ-инфекция среди наркозависимых преступников выявляется чаще всего случайно и преимущественно в последние 3–5 лет наркотизации, тогда как общий стаж ее может достигать до 26 лет (!), средний стаж – 16 лет 2 месяца, в течение которых они и вступают в половые контакты, и рожают детей. После выявления ВИЧ терапии данные лица, как правило, не придерживаются, что связано с ее особенностями (побочные эффекты лекарств, частота их приема, стоимость). Каков процент распространения данной инфекции с момента ее появления в организме зависимого – неизвестно. Случаи заболевания ВИЧ регистрируются уже постфактум, на медикаментозную профилактику инфекции среди ПИН и их партнеров средств из областного бюджета не выделяется.

Таким образом, современные закономерности сферы наркопотребления отражают риски в обеспечении антинаркотической безопасности, связанные с системными пробелами в организации, реализации, мониторинге этапов процесса ресоциализации наркозависимых лиц, профилактики наркопотребления, процессами структуризации наркопотребителей, нехваткой кадров в системе наркологической помощи:

- в состоянии длительной ремиссии находятся по-прежнему 9–10 % лиц на 100 больных наркоманией, при этом период официального учета долгосрочной ремиссии сокращен до 3 лет;

- в программы длительной реабилитации вступают по-прежнему до 5 % лиц, обратившихся за наркологической помощью;

- статистически показательна по-прежнему группа потребителей наркотиков опиоидного ряда, для которой свойственны старение и естественная смертность. При этом спрос на синтетические наркотики остается стабильным с 2014 года, зависимые от них лица не состоят на профильных учетах;

- показатели социальной адаптации у наркозависимых лиц не учитываются официально при оценке эффективности лечения от наркомании, что существенно искажает картину наркоситуации. Увеличивается распространенность гемоконтактных инфекций среди потребителей наркотиков инъекционным способом при их общем сокращении и увеличении стажа наркотизации.

При сопоставлении данных наркологического профиля с тенденциями НОН можно сказать, что растущий спрос на синтетические наркотики является *характерной*, а не специфической тенденцией в настоящее время. Сокращение показателей наркомании связано в большей степени с падением популярности опиоидных наркотиков, *старением и смертностью* их потребителей. Общественная опасность потребителей наркотиков не определяется исключительно свойствами потребляемого наркотика.

При запрете программ заместительной терапии наркомании, сокращения вреда от потребления наркотиков продолжают сокращаться кадры, задействованные в системе реабилитации и наркологической помощи, увеличена

их нагрузка на иные виды работ вместо лечебно-реабилитационной. Эффективность системы реабилитации в большей степени зависит от независимых от Министерства здравоохранения организаций и инициатив субъектов антинаркотической деятельности.

Кроме того, для определения потенциальных рисков для безопасности личности и общества необходимы медико-социологические исследования, направленные на установление латентности *наиболее опасных форм* потребления: это потребители наркотиков инъекционным способом, синтетическая зависимость и опиоидная, полинаркомания, определение состояния компенсации данных болезней и изучение контингента больных с расчетом латентности присутствия в нем антисоциальных элементов. Общий показатель латентности наркопотребления не несет в себе содержательной нагрузки относительно степени действительной общественной опасности наркопотребления, а следовательно, и рисков для обеспечения антинаркотической безопасности.

§ 3. Типовые особенности личности преступника, участвующего в незаконном обороте наркотиков, определяющие специфику рисков обеспечения антинаркотической безопасности

Личность преступника, участвующего в НОН, активно изучалась с середины 1960-х годов. Наиболее полные исследования были проведены А. А. Габiani, К. А. Карпович, М. Л. Прохоровой, Н. Ф. Кузнецовой, А. Ю. Мартыновичем, Н. А. Овезовым, Т. А. Боголюбовой и рядом других авторов¹¹⁷. В рамках данной

¹¹⁷ Габiani А. А. Кто такие наркоманы? // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 78–83 ; Габiani А. А. Наркотизм вчера и сегодня. Тбилиси, 1988. 256 с.; Карпович К. А. Уголовно-правовые меры борьбы с распространением наркомании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1972. 20 с.; Прохорова М. Л. Наркотизм: социально-психологические, криминологические, уголовно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 407 с.; Кузнецова Н.Ф. Эффективность правовых средств борьбы с наркотизмом // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1988. № 2. С. 32–40 ; Овезов Н. А. Влияние наркомании на совершение корыстных преступлений // Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ними. М., 1989. С. 30–34; Боголюбова Т. А. Наркотизм: основы частной криминологической теории : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 333 с.; Цыденова Е. В. Эффективность уголовного наказания за наркопреступления: на материалах Дальневосточного и

работы не стоит специальной цели дать развернутую криминологическую характеристику личности наркопреступника, классифицировать и типологизировать наркопреступников.

Кроме того, исследования последних лет подтверждают отсутствие *принципиальных* изменений в классификации и основных криминологических характеристиках личности наркопреступника¹¹⁸. В частности, традиционно выделяются сбытчики (оптовые, мелкооптовые), перевозчики, курьеры, бегунки, организаторы, перекупщики, изготовители и руководители, оптовые сбытчики, расхитители, содержатели притонов, «прачки», «кассиры», с появлением новых способов сбыта – закладчики, операторы, «рекламщики», и иные¹¹⁹. Вместе с тем процессы цифровизации сбыта наркотиков, изменения в основных признаках организованной преступной группы для ее квалификации (применительно к сбыту наркотиков), изменения структуры наркорынка также не представляют достаточных оснований для выделения *качественно* новых типов наркопреступников¹²⁰.

С позиции изучения тенденций рисков в обеспечении антинаркотической безопасности, вызывают интерес *динамика* основных характеристик личности наркопреступника и *актуальные особенности* поведения участников незаконного оборота наркотиков. Кроме того, представляют особый интерес закономерности их

Сибирского федеральных округов : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. С. 131–158; Родионов А. И. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидивной наркопреступности : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 254 с. ; Мартынович А. Ю. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: квалификация, освобождение от уголовной ответственности, назначение наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 201 с.

¹¹⁸ Васькэ Е.В., Лебедев О.М., Психологические и криминологические особенности личности подсудимого при рассмотрении судами уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Точка зрения. Нижний Новгород: Изд-во НГУ, 2019. – С. 42–46; Хусейнова М.С. Личность преступника, занимающегося незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / Законодательство. 2019. № 4 (36). С. 83–88.

¹¹⁹ Кудрявцева В.Н., Эминова В.Е., Криминология: учебник – 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юр. норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015, С. 653; Сбирунов П.Н., Криминологическая характеристика лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков // The Scientific Heritage. Будапешт, 2020. № 53-1 (53) – С. 42–47.

¹²⁰ Карпенко О.А., Шмырин Д.Ф., Криминалистические аспекты изучения личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков посредством сети «Интернет» / Вестник УЮИ МВД России. 2020. № 4 (28). С. 93–96.

социальной активности в соотношении с наиболее распространенными формами НОН, применяемыми мерами профилактики противоправного поведения, целями наказаний. Указанная динамика отражает степень *эффективности* реализуемых мер антинаркотической деятельности с позиции реализации стратегических целей антинаркотической политики, сохранения жизнеспособности социальной системы.

По материалам 550 архивных у/д получены данные, согласно которым в усредненном криминологическом портрете рассматриваемого преступника существенных изменений *не произошло*: это по-прежнему мужчина в возрасте от 28 до 33 лет, без определенного занятия, образование среднее общее, ранее судимый, психологические характеристики зависят от выполняемой в НОН роли, степень социальной адаптации низкая, преимущественно относится к малообеспеченным слоям населения. Вместе с тем наблюдаются специфические риски для обеспечения антинаркотической безопасности, связанные с особенностями современной структуры преступников, участвующих в НОН, и закономерностями их поведения.

Статистически наиболее заметны по-прежнему незаконные действия с наркотиками без цели их сбыта и сбыт наркотиков опиоидного ряда в составе группы лиц по предварительному сговору. Среди преступников, виновных в совершении незаконных действий с наркотиками *без цели их сбыта*, можно выделить три основные группы: задержанных в результате проведения профилактических мероприятий, поведение данных лиц не отличается при этом обдуманностью (24 %); задержанных по подозрению в совершении иных видов преступлений (как правило, имущественных) (12 %); задержанных в связи с причастностью к сбыту наркотиков (оптовые поставщики, перевозчики, действия которых квалифицированы по составу статьи 228 УК РФ) (46 %). Первая группа отличается в основном молодым возрастом (средний возраст – 22 года), чаще относится к случайному типу преступников и хранит растительные виды наркотиков; характеристики представителей второй группы совпадают с характеристиками лиц, виновных в совершении основного вида преступления; третья группа представляет собой уже более характерную для НОН, которая также

подразделяется в зависимости от наличия или отсутствия синдрома зависимости от наркотиков.

Лица, *не потребляющие наркотики* и участвующие в их незаконном обороте, обладают стандартными характеристиками корыстного типа преступников, в достаточной степени уже изученными.

Обращают на себя внимание лица, участвующие в *сбыте синтетических* видов наркотиков, поскольку среди них отсутствуют ярко прослеживаемые усредненные качественные характеристики. Мотивация указанных лиц к противоправному поведению связана преимущественно с финансовыми сложностями, при этом социальный слой, занятость и уровень образования, наличие судимости (точнее ее отсутствие) не относятся к стандартным характеристикам наркопреступников, в достаточной степени социально адаптированы: из 120 человек у 42,5 % имелись семьи, 52,5 % получали средне-специальное, высшее образование, отношения в семье, включая родительскую, как правило, нейтральные, характеристики соседей, с места работы, учебы положительные, удовлетворительные, без определенных занятий – только 16,6 %. Указанные лица в сбыте наркотиков используют Интернет (Даркнет), мессенджеры, бесконтактные способы доставки. Выявляемые группы лиц по предварительному сговору, распространяющие синтетические наркотики, как правило, не превышают 5 человек, знакомых между собой. Лиц, зависимых от синтетических наркотиков, в структуре наркопреступников (исключения – случаи полинаркомании) до 2018 года практически не было (в том числе подтверждается данными мониторинга наркоситуации по Иркутской области, Красноярскому краю).

Лица, причастные к сбыту наркотиков опиоидного ряда в составе группы лиц по предварительному сговору, традиционно подразделяются в зависимости от выполняемой роли. Среди организаторов и оптовых поставщиков наркотиков в Иркутской области и Красноярском крае преобладают лица цыганской народности и ближнего зарубежья (как и раньше). В структуре образуемых ими групп стабильно присутствуют лица, больные наркоманией. Данные лица образуют

ключевые ячейки распространения наркотиков внутри собственной страны наркопотребителей, тогда как распространение растительных и синтетических видов наркотиков не привязано к ограниченному кругу лиц.

Статистическое преобладание в сбыте наркотиков сбыта наркотиков опиоидного ряда, отсутствие существенных изменений в структуре групп, распространяющих их, отсутствие изменений в степени вовлеченности наркозависимых лиц в НОН обуславливает необходимость изучения рисков в обеспечении антинаркотической безопасности, связанные с функционирование наркозависимых преступников, участвующих в НОН, и исследованы 352 их представителя.

Традиционная криминологическая характеристика наркозависимого преступника включает следующие характеристики: лицо мужского пола, склонное к повторному совершению преступлений, средний возраст – 18–26 лет, продолжительность жизни невысокая – до 40 лет, без семьи, имеет постоянное место жительства, характеризуется отрицательно, личность асоциальная, реабилитировать сложно, но возможно. Вместе с тем к текущему времени некогда бывшие в возрасте 18–26 лет без семьи и детей, не специализирующиеся на одном виде преступлений, наркозависимые преступники успешно стареют (чему способствует налаженная система наркологической помощи), группируются и портрет их начинает изменяться.

Средний возраст наркозависимого преступника с *подтвержденным диагнозом* на момент совершения преступления в сфере НОН, относящегося к сбыту наркотиков – 36 лет. Данные показатели соответствуют характеристикам наркопотребителей согласно докладам о наркоситуации в Иркутской области и Красноярском крае (наиболее многочисленны группы 18–29, 30–39 лет). В гендерной структуре преобладают лица мужского пола – 61,5 %, неопределенный род занятости. Родительские семьи наркозависимых лиц относятся преимущественно к категории рабочих, неблагополучных. У 13,4 % лиц родители являлись военнослужащими, внешне принадлежали к благополучным семьям.

Психокоррекционная практика с наркозависимыми лицами подтверждает, что источник зависимости лежит в семье вне зависимости от ее формального социального статуса, поскольку определяется присутствием здоровых типов межличностного взаимодействия¹²¹, что оставляет желать лучшего в большинстве и условно благополучных семей. Ю. М. Антонян указывает, что решающую роль в формировании преступного поведения (как и психических расстройств) играет не состав семьи, противоправное поведение родителей и т. п., а эмоциональное отношение к ребенку, что не исключает совокупного влияния и иных факторов¹²². Во всех родительских семьях наркозависимых преступников наблюдался нигилизм родителей в соблюдении психологических границ и законов развития личности, наблюдались нереалистичные ожидания от ребенка, дети отличались повышенной тревожностью.

В кризисы возрастного развития 7, 11–15, 17 лет будущие наркопреступники начинали проявляться крайние формы протеста, присутствовали факты аутоагрессивного поведения. Среднестатистический возраст начала потребления наркотиков, от которых развивалась зависимость, – 21 год.

В исследованиях криминологического профиля принято привязывать развитие наркомании к началу наркопотребления, однако статистические данные говорят об обратном: диагноз вредного наркопотребления не переходит в диагноз наркомании, наличие социально интегрированных наркопотребителей свидетельствует об отсутствии фатальных, однозначных связей между началом наркопотребления и развитием зависимости. Возраст начала алкоголизации и первой пробы наркотиков можно отнести к преодолению психологического барьера опасности психоактивных веществ. Данное обстоятельство необходимо учитывать при формировании целевых групп профилактических мероприятий. Помимо этого, необходимо учитывать фоновые состояния лиц подросткового

¹²¹ Минуллина А. Ф. Роль семьи в формировании антиципационной состоятельности наркозависимых // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 20. С. 316–317.

¹²² Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 40–41.

возраста¹²³. В данной ситуации профилактика наркомании заключается в развитии эмоционального интеллекта подростка и усвоении им иных механизмов снятия напряжения и самоопределения. Развитие же синдрома зависимости в среднем приходится не на подростковые эксперименты, а на кризис юности, характеризующийся повышенной потребностью самоактуализации, неуверенностью в будущем, пребыванием молодых людей в «спутанной» идентичности, потерей ориентиров самого себя¹²⁴.

Подавляющее большинство наркозависимых преступников имеют образование 9–11 классов, 32,2 % имеют среднее профессиональное образование. Данное обстоятельство свидетельствует не о том, что высокий уровень образования – это дополнительный протектор в механизме формирования преступного поведения, а о том, что детские сады и школы явно не учитывают правил формирования психически зрелой личности, нет задачи сформировать ее как творческую и самодостаточную, что приводит к потере интереса к обучению среди учащихся. Потенциал данных учреждений в профилактике преступного поведения не используется в полной мере.

Судимости, с учетом погашенных, имелись у 67,3 % лиц, из них одна судимость была только у 28,5 %. Среднее количество судимостей – 3. Среднестатистическая судимость связана со статьей 158 УК РФ. К уголовной ответственности за преступления в сфере НОН ранее привлекались 40 % лиц. 36,5 % наркозависимых осужденных имели отрицательные бытовые характеристики и от участковых уполномоченных полиции, остальные – удовлетворительные и положительные. На учете подразделений по делам несовершеннолетних состояли 30,7 % исследуемых лиц. Из обследуемых лиц женского пола на данном учете никто не состоял. Финансовые трудности в семье в подростковом возрасте крайне остро переносились лицами женского пола, 85 %

¹²³ Березин С. В., Лисецкий К. С., Назаров Е. А. Психология наркотической зависимости и созависимости : монография. М.: МПА, 2001. С. 73–74.

¹²⁴ Чернобровкина С. В. Кризис юности: взаимосвязь особенностей переживания с характеристиками социально-психологической адаптации // Вестник Омского университета. Серия: психология. 2010. № 1. С. 27.

которых в возрасте 16–17 лет шли работать. Лицам женского пола в большей мере свойственны страхи перед будущим, обострение чувства ответственности, самокритичность.

Совершение преступлений в сфере НОН носит групповой характер: наркозависимые лица образуют закрытые окружения, аутизированные от внешнего мира. «Группировка» данных лиц является их социальной потребностью, при ознакомлении с материалами архивных у/д можно проследить, что живут они преимущественно группами либо с родительской семьей, в одиночку наркотик никогда не принимают (за исключением лиц, страдающих шизоидным расстройством). Совершение преступлений в одиночку свойственно на ранних этапах наркотизации.

В структуре наказаний наркозависимых лиц присутствовало и условное осуждение, и реальное лишение свободы, но опыт досрочного освобождения имеет каждый наркозависимый преступник. В конечном счете по последним у/д, связанным с НОН, все 352 лица были приговорены к реальному лишению свободы.

Среднестатистический стаж наркопотребления наркозависимых преступников составил 16 лет 2 месяца, в данный стаж мы включали только период потребления основного вида наркотика, от которого развилась зависимость, либо наиболее разрушительного для организма в случаях полинаркомании. При этом на учете у врача – психиатра-нарколога состояли только 30,7 % осужденных, которые неоднократно проходили лечение. Средний разрыв от начала развития наркомании до постановки на наркологический учет составил 7 лет 4 месяца. **63,4 % осужденных не состояли на учете.** 5,9 % состояли на учете у врачей-психиатров. 21,1 % лиц самостоятельно пытались прекратить наркопотребление, проходили лечение, в том числе неоднократно, чаще на базе частных реабилитационных центров. Средний срок ремиссий – 2 года. У 48 % в среднем в последние **5 лет 7 месяцев** наркопотребления был обнаружен ВИЧ.

В фактических брачных отношениях состояли 90 % осужденных. У 71,1 % лиц в период наркотизации рождены дети. Всего на 352 преступника пришлось 356 детей. В 87 % случаях лица официально не лишены родительских прав. В

53,8 % случаев дети проживают совместно с родителями. Не исключены ситуации, когда родитель, лишенный родительских прав, проживает совместно с ребенком и опекуном, пытается осуществлять заботу о ребенке. Опекунами детей в подавляющем большинстве случаев выступают близкие родственники – матери наркозависимых.

Стоит осветить весь парадокс ситуации, связанной с практикой установления бабушками опекуна над детьми: матери наркозависимых лиц имеют гораздо более выраженные личностные нарушения в сравнении с матерями социально адаптированных людей, нежели сами наркозависимые в сравнении со здоровыми сверстниками¹²⁵. Наблюдается ситуация воспроизводства преступности, когда одни и те же лица, которые сами нуждаются в помощи, вновь и вновь воспитывают дезадаптированных детей. При явной необходимости оказания психологической помощи опекунам – родителям наркозависимых лиц, необходимости ознакомления их с иными формами взаимодействия «родитель – ребенок», «родитель – родитель» данная работа не проводится. Суд не прописывает обязанность опекуна-родственника пройти психотерапию и тренинги «школы приемных родителей», как, например, это предусмотрено в случаях усыновления. В данном контексте профилактическая функция суда не реализуется.

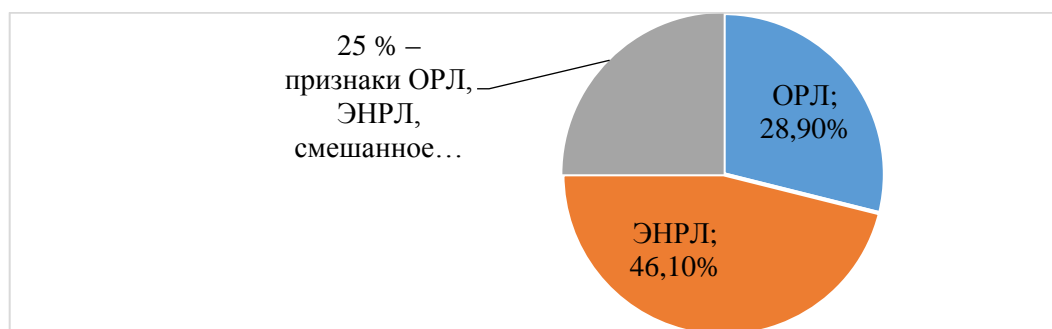

Рис. 20. Выявленные психические аномалии по результатам судебно-психиатрических экспертиз

¹²⁵ Шишкова А. М. Психологические особенности матерей наркоманов с героиновой зависимостью: в связи с задачами психокоррекции : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 266 с.; Шишкова А. М., Бочаров В. В. Психологические особенности матерей наркозависимых // Вестник СПбГУ. Серия. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1. С. 153.

У 46,1 % осужденных наркозависимых лиц по результатам последних экспертиз было диагностировано эмоционально-неустойчивое расстройство личности (ЭНРЛ), у 28,9 % – органическое расстройство личности (ОРЛ), у 25 % зафиксированы признаки развития данных расстройств, наиболее яркие из которых и постоянно наблюдаемые в процессе исследования – это снижение мнестико-интеллектуальной деятельности по органическому типу, выраженное нерезко, эмоционально-волевая нестабильность на фоне определенных психологических особенностей (рис. 20). В эти же 25 % входят лица со смешанными психическими расстройствами, психопатией, шизоидным расстройством, изменениями психики на фоне наркомании, сопровождающиеся личностным огрублением.

По всем экспертизам, включая предыдущие, лица признавались вменяемыми, опасности для себя и общества не представляли, поэтому в принудительном лечении не нуждались. Наркозависимые преступники направлялись в места лишения свободы, назначалось условное лишение свободы, на ранних этапах наркотизации судебно-психиатрическая экспертиза могла не проводиться. Основываясь на данных о многократных судимостях, данных судебно-психиатрических экспертиз, по которым мы наблюдаем планомерное ухудшение состояния с течением лет, можно сделать вывод о том, что назначаемые наказания не достигали своей цели – исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (статья 43 УК РФ).

Интересный момент связан также с применением условно-досрочного освобождения. Главный врач психиатр-нарколог отдела организации лечебно-профилактической работы ФКУЗ МСЧ-38 ФСИН России указывает, что наличие психического расстройства, признаков его развития, не является причиной отказа в условно-досрочном освобождении. В итоге создается реальная опасность общественной и личной безопасности граждан. Если лицо выходит в порядке условно-досрочного освобождения и известно о его уязвимом психическом состоянии, необходимо направить его к врачу-психотерапевту, что не предусмотрено законодательством, к тому же, как мы отмечали, специалистов этого профиля не хватает. В целом практика направления на психокоррекционные

мероприятия в связи с особенностями психических функций и совершением противоправных деяний в России в целом отсутствует.

Вопрос организации деятельности по оздоровлению психики, являющийся центральным в профилактике правонарушений осужденных, решается на уровне учреждений уголовно-исполнительной системы. Если назначенное наказание наркозависимым лицам не было связано с лишением свободы, то вопрос его ресоциализации ложится на территориальные уголовно-исполнительные инспекции, сотрудники которой являются фактически координаторами между существующими организациями и службами, необходимыми для ресоциализации осужденных. Указанные сотрудники, уполномоченные вести воспитательную работу – юристы, не обладают знаниями в области клинической психологии, соответственно эффективность воспитательной работы на таком уровне возможна только в случае относительно здорового состояния психики поднадзорного лица. В случаях направления судом наркозависимого лица на лечение сотрудник уголовно-исполнительной инспекции не в состоянии минимизировать риск отказа от данного лечения.

Относительно случаев лишения свободы: главный врач психиатр-нарколог отдела организации лечебно-профилактической работы ФКУЗ МСЧ-38 ФСИН России пояснила, что в структуре службы имеется всего 10 психиатров и наркологов, которые ездят по колониям и не могут вести интенсивную психотерапию на постоянной основе. Нагрузка на одного такого врача – порядка тысячи человек. В медицинских частях психотерапевтов нет. Действительная их приоритетная задача – недопущение суицида среди осужденных и заполнение психологических характеристик, которые должны быть составлены на этапе поступления лиц в колонию или изолятор. Таким образом, специалистов, которые понимают нейрофизиологические основы поведения зависимых, которые вправе системно оказывать психотерапевтическую помощь осужденным в связи с состоянием их психического здоровья, практически нет и времени на психотерапию осужденных у них тоже нет.

Вопрос лечения наркозависимого осужденного решает врачебная комиссия и сам осужденный, который направляется из Иркутской области в красноярское или чувашское лечебно-исправительное учреждение, где они могут получить медикаментозное лечение и пройти реабилитацию, но только по собственному согласию. Осужденные, как правило, отказываются от такой перспективы из-за более строго режима в данных учреждениях. Согласно статье 18 УИК РФ комиссия может обязать лицо пройти лечение, но осужденный может отказаться, просто заплатив штраф, что на практике и происходит. Никаких **адекватных побудительных мер** к исполнению обязательного лечения в законодательстве не предусмотрено.

По сути наркозависимые лица и большая часть контингента в местах лишения свободы относятся к категории психопатов, актуален вопрос оздоровления психики и помощи в реинтеграции в общество на базе каждой колонии. На практике он решается преимущественно через организацию взаимодействия с общественными объединениями, волонтерами и учреждениями здравоохранения, зависит в большей степени от инициативности отдельных руководителей.

Психологический портрет наркозависимого преступника совпадает с портретом психопатической личности: присутствует эмоциональное напряжение, формирующееся из-за невозможности удовлетворить актуализированную потребность, непосредственно выражается в поведении обследуемых без учета социальных и этических норм. Поведение импульсивно, плохо контролируемо. Характерно неумение планировать будущие поступки и пренебрежение к последствиям своих действий в связи с недостаточной способностью извлекать пользу из прошлого негативного опыта. Отмечается излишний оптимизм, включая суждения относительно судебной ситуации, склонность к избеганию и вытеснению негативной информации, непереносимость состояний фрустрации, склонность полагаться только на собственное мнение, некритичность к собственным промахам при завышенных требованиях к окружающим, страх перед неудачами. Данные

лица – хорошие актеры с острым внутриличностным конфликтом, что выражается в присутствии диаметрально противоположенных качеств.

Отклонения от норм внимания и памяти у наркозависимых преступников выражены нерезко. Достижение успеха, неких целей у наркозависимых преступников ассоциировано преимущественно с повышенной речевой и моторно-двигательной активностью, т. е. возможность ежедневного поиска наркотика, для чего приходится контактировать с людьми, искать поставщиков, избегать уголовной и административной ответственности, искать способы взаимодействия с оперативными сотрудниками ОВД, несколько раз в день ехать за наркотиком – смыслообразующие элементы наркоманического образа жизни, которые препятствуют осознанию проблемы. Данное осознание, в свою очередь, сопровождается экзистенциальным кризисом, который у данных лиц непереносим и подавляется наркотиками. При повышенной тревоге лиц в ситуации неопределенности наркоманический образ жизни удовлетворяет их потребность в структурированности и предсказуемости¹²⁶, как ни парадоксально.

Мышление наркозависимых преступников характеризуется склонностью к конкретно-ситуационным связям, легковесностью и эгоцентричностью в суждениях, целенаправленностью и достаточной степенью продуктивности. Уровень интеллекта – средний, культурный и образовательный уровень – низкие. Присутствует высокая потребность в эмоциональной вовлеченности, зависимость от мнения окружающих при желании им нравиться, при этом высокая степень недоверия, как итог – создаются страты наркозависимых лиц, замыкающиеся на собственном образе жизни, данные страты в итоге и фигурируют в материалах архивных у/д в качестве групп лиц по предварительному сговору, сбывающих наркотики.

При сопоставлении нескольких результатов судебно-психиатрических экспертиз, проведенных в разное время в отношении одних и тех же лиц, отмечается отсутствие изменений основных психологических характеристик

¹²⁶ Березин С. В., Лисецкий К. С., Назаров Е. А. Психология наркотической зависимости и созависимости : монография. М.: МПА, 2001. 456 с.

личности, усугубление состояния. Данное обстоятельство свидетельствует о крайне низком качестве психокоррекционной работы, которая должна проводиться с осужденными в целях профилактики совершения ими в будущем правонарушений.

Кроме того, необходимо также учитывать исследования последнего десятилетия в области психиатрии, выявившие картину нарушений структур головного мозга, которые играют ключевую роль в искажении нормальных процессов мотивации, поощрения, тормозного контроля¹²⁷. Наркозависимые лица склонны к большей экономии времени, т. е. не способны пребывать длительный период времени в состоянии ожидания вознаграждения, даже под страхом санкций, что подтверждается нейробиохимическими исследованиями¹²⁸. С этим же связаны низкие показатели ремиссии рассматриваемых лиц, неэффективность правовых механизмов мотивации к прохождению лечения.

Изменения в биохимии головного мозга наркозависимого лица определяют его поведение наравне с психосоциальными причинами. Данные сведения целесообразно учитывать на практике наркологической помощи, которая связывает этап лечения с детоксикацией и применением седативных препаратов, большая часть которых не рекомендованы к применению международными организациями ввиду их недоказанной эффективности и опасности для здоровья¹²⁹. Вместе с тем определение препаратов, которые влияют на восстановление конкретной структуры головного мозга, увеличивает шансы на включение в реабилитационный процесс, эффективность воздействия на наркозависимых лиц с длительным стажем наркотизации.

Также отметим, что сопоставляя данные о структуре наркопотребителей согласно официальной медицинской статистике и о личности наркопреступника, следует вывод о значительной структуризации наркопотребителей, что существенно влияет на градацию их общественной опасности. В частности,

¹²⁷ Вешнева С. А. Медикализация в наркологии: история, клинический смысл и социальные перспективы: монография. М., 2017. С. 17.

¹²⁸ Там же. С. 20.

¹²⁹ Там же. С. 57–59.

указанное подтверждается данными социологических исследований¹³⁰. Изложенное необходимо учитывать при выборе мер предупреждения НОН, формировании программ реализации антинаркотической политики и в рамках осуществления мониторинга наркоситуации. При этом неучет указанных особенностей ведет к фактическому искажению наркоситуации с точки зрения оценки фактической общественной опасности НОН и связанных с ним явлений.

Деляя выводы, следует отметить, что среднестатистический криминологический портрет личности наркопреступника не меняется, что вызывает вопросы к системе ресоциализации и профилактики противоправного поведения, антинаркотической политике, проводимой более 30 лет. Вместе с тем обращают на себя внимание *отдельные группы* наркопреступников, закономерности поведения которых несут существенные риски в обеспечении антинаркотической безопасности. Наблюдается возрастающая роль экономических условий жизни общества в механизме мотивации на сбыт наркотиков синтетической группы, в который вовлекаются обширные слои населения, не ограниченные однородными качественными характеристиками. Наркозависимые преступники, участвующие в незаконном сбыте наркотиков по-прежнему образуют основную долю лиц – участников групп лиц по предварительному сговору. Для них характерно образование закрытых маргинализованных сообществ, внутри которых распространяются наркотики, интенсификация воспроизводства рисков обеспечения антинаркотической безопасности в виде усиления факторов воспроизводства преступности, распространения гемоконтактных инфекций, устойчивость противоправных форм поведения. При этом свобода воли и уголовно-правовая категория вины как осознанного поведения в буквальном

¹³⁰ Бартенев А. Г. Наркотизация российской молодежи: дифференцированность наркотических практик (социологический анализ) : дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 91–129 ; Дмитриева А. В. Роль потребления наркотиков в структуризации социальных отношений : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2012. 309 с. ; Ефлова М. Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2015. 41 с.

смысле данных выражений¹³¹ не относится к таковым лицам в силу особенностей биопсихосоциального статуса.

Заимствуя данные поведенческой психологии¹³², возможно предположить паттерн криминализации поведения наркозависимого лица, под которым подразумевается стереотипизация дезадаптивных реакций на средовые раздражители со стороны наркозависимых лиц и субъектов антинаркотической деятельности по отношению к данным лицам. Модель поведения наркозависимых преступников предполагает уход от реальности, отсутствие навыков рефлексии, недостаточное извлечение опыта. сотрудники правоохранительных органов ориентированы *на предполагаемое должное поведение лица*, не соответствующее его реальным биопсихосоциальным характеристикам. Также четко прослеживается недостаточность механизмов мотивации к прохождению лечения от наркомании, ориентированных на лиц с высоким стажем наркотизации; навыков поведенческого вмешательства со стороны сотрудников образовательных учреждений, правоохранительных органов; кадрового обеспечения субъектов антинаркотической деятельности; профилактической функции суда; сектора ресоциализации осужденных; порядка условно-досрочного освобождения; обеспечения безопасности членов семей наркозависимых лиц.

¹³¹ Номоконов В. А. Преступное поведение: механизм, детерминации, причины, ответственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 17.

¹³² Гордон Д., Майерс-Андерсон М. Феникс. Терапевтические паттерны Милтона Эриксона. М.: Прайм-Еврознак, 2004. 187 с.

ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

§ 1. Специфика современных рисков обеспечения региональной антинаркотической безопасности

Поскольку к базовым задачам любого криминологического исследования относится исследование детерминант преступности (отдельных ее видов, преступлений, преступного поведения), целесообразно отметить, что на сегодня единой концепции о механизме криминальной причинности в мировой теории нет¹³³. При всем множестве подходов, сложившихся в зарубежной доктрине, в российской школе, углубленное изучение которых не является самоцелью исследования, следует остановиться на теории обусловленности преступного поведения объективными социальными противоречиями, их недостатками и деструктивными процессами. Следует согласиться с профессорами А. Л. Репецкой, В. Я. Рыбальской, которые условно выделяют два типичных подхода к определению детерминант преступности, исходя из существа разногласий криминологов относительно содержательной характеристики причин преступности: первая группа предполагает детерминированность преступности противоречиями общественных отношений, вторая – деформациями сознания¹³⁴.

Методологических разногласий относительно существа факторов, входящих в механизм причинности преступности, как и других негативных явлений, связанных с ней, не существует: есть факторы-причины, есть условия (способствующие и формирующие)¹³⁵. Разногласия сводятся к объяснению

¹³³ Жмуров Д. В. Криминология : учеб.-нагляд. пособие. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 40–47.

¹³⁴ Репецкая А. Л., Рыбальская В. Я. Криминология: Общая часть : учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. С. 93–94.

¹³⁵ Судакова Т. М. Криминологическая характеристика преступного поведения несовершеннолетних, употребляющих отдельные виды психоактивных веществ : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. – С. 110.

механизма их порождения как определенной по степени взаимосвязи последовательности влияния и действия различных явлений и процессов жизнедеятельности на возникновение преступности. Если в теории социально-психологической детерминации преступности выделяются непосредственные причины (деформации сознания) и формирующие и способствующие действию причины условия¹³⁶, то теория социальной обусловленности преступности в качестве непосредственной причины выделяет сами деформированные общественные отношения. Условия возникновения таких противоречий в данном контексте сравнимы с криминогенными рисками¹³⁷.

Вместе с тем непосредственные причины действий людей лежат в поле сознания, и, как отмечал Н. А. Стручков, «все побудительные силы, вызывающие действия человека, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения воли»¹³⁸. Исследования Ю. М. Антоняна показывают, что эти причины лежат не столько в поле сознания, сколько в бессознательном¹³⁹. Возможно, в таком ключе причины преступности психологизируются¹⁴⁰, но вместе с тем проблемы бессознательного объясняют почему усилий воли человека недостаточно или волевого решения на остановку действий, вредящих самому себе, просто не возникает у большинства преступников при усиленном карательном на них воздействии.

Изложенное необходимо учитывать при определении значимых рисков в обеспечении антинаркотической безопасности, которые усиливают, способствуют

¹³⁶ Туровский И. В. Криминологическая характеристика и предупреждение наркопреступности: региональный аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. – С. 105; Репецкая А. Л., Рыбальская В. Я. Криминология: Общая часть : учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. С. 95–98 ; Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 13–14.

¹³⁷ Бабаев М. М. Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 104–110.

¹³⁸ Стручков Н. А. Преступность как социальное явление: лекции по криминологии. Л.: Высшее политическое училище им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1979. – С. 29.

¹³⁹ Антонян Ю. М. Особый криминологический тип личности: расчеловеченные люди // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 1. С. 9–10 ; Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 18.

¹⁴⁰ Номоконов В. А. Определение и классификация причин конкретных преступлений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1985. № 6. С. 40–43.

отсутствию изменений в традиционных детерминантах НОН, а следовательно, и сохранению прежних форм реагирования на проблемы, образуемые НОН. В частности, отмечается сохранение тенденции к низкому качеству планирования антинаркотической деятельности¹⁴¹, для повышения эффективности которой необходимо детализировать риски.

При изучении рисков, связанных с личностными особенностями и паттернами поведения наркопреступников, обращают на себя внимание преобладающая тревожность, импульсивность, защитные механизмы психики в виде вытеснения и ухода от самореализации при выраженной потребности в ней же, в самоидентификации, в эмоциональной включенности, непереносимость экзистенциального кризиса, склонность полагаться на собственное мнение и сиюминутные побуждения. Данный набор характеристик, помноженный на стиль жизни, свидетельствует о низком уровне психологической культуры личности при направленности внимания вовне.

Психологическая культура личности – системное образование, включающее в себя информированность о законах функционирования психического мира, способах и приемах управления внутренней и внешней активностью, практическое их использование в повседневных жизненных ситуациях¹⁴². Структурообразующий элемент данной культуры – эмоциональный интеллект (EQ)¹⁴³, подразумевающий способность лица распознавать эмоции как свои, так и чужие, понимать их причины, выражать, управлять ими. Если высокий коэффициент IQ отражает способность к запоминанию и логическим операциям, то высокий EQ обуславливает способность адаптироваться к ситуации, просоциальное поведение¹⁴⁴. Собственно, то, чего мы не наблюдаем у большинства преступников

¹⁴¹ Середя Г. В. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ: уголовно правовой и криминологические аспекты (по материалам Восточной Сибири) : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2000. С. 164.

¹⁴² Демина Л. Д., Лужбина Н. А. Психологическая культура личности: общепсихологический аспект // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 62.

¹⁴³ Манянина Т. В. Эмоциональный интеллект в структуре психологической культуры личности : дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2010. С. 153.

¹⁴⁴ Там же. С. 49.

вообще. Формирование EQ в большей степени привязано к эффективному функционированию семьи. В свою очередь, на текущий момент отмечается преобладающая дисфункциональность семей.

Дисфункции в семье характеризуются отсутствием осознанности и ответственности по отношению к функции эффективного родительства. Отсутствие осознанности проявляется в семьях и с теплыми взаимоотношениями, но в силу незнания родителей законов развития личности приводит к деформациям индивидуального сознания будущего взрослого с различными вариантами последствий. Текущие государственные, региональные программы поддержки семьи, материнства и детства сейчас сводятся к материальному стимулированию (реально данное стимулирование направлено на увеличение рождаемости среди малообеспеченных слоев населения), к созданию садов с группами по 35–40 детей и неудовлетворительным уровнем профессионализма воспитателей. Подобные меры направлены на увеличение рождаемости, что никак не связано с предупреждением преступности через поддержку института семьи, который по факту и не развит.

Также прослеживается тенденция снижения успеваемости, активного протестного поведения среди наркопреступников в кризисные возрастные периоды школьного возраста при одновременной их характеристике школьными педагогами как «обычных детей». Указанное актуализирует необходимость развития навыков поведенческого вмешательства у педагогов школьного образования, а также повышенные требования к уровню профессиональной подготовки школьных психологов.

Относительно психопатологий в структуре непосредственных причин поведения лиц многие авторы придерживаются позиции неоднозначности их влияния. Указанные отклонения могут выступать как в качестве непосредственных причин, так и в качестве сопричин, способствующих формированию криминогенной линии поведения лиц. Вместе с тем на данный момент прослеживаются стабильно высокие показатели заболеваемости психическими

расстройствами среди детской, подростковой и юношеской группы населения¹⁴⁵. Среди данных групп уровень распространенности непсихотических расстройств (сохранение вменяемости при деформации психики) крайне высок – приблизительно 45 % в юношеской группе, 55 % – в подростковой и **72%** – в детской. Детская и подростковая группы – самые малочисленные в структуре населения РФ, но распространенность психических расстройств среди них **выше**, нежели во взрослой группе¹⁴⁶. Латентность психических расстройств колоссальна, особенно непсихотического характера. По данным, полученным Н. А. Бохан в результате обследования студентов томских вузов (на 2014 год), **58,7 %** находились в предболезненном состоянии, 22,1 % обладали стрессовыми расстройствами¹⁴⁷. Данных полагать, что к 2022 году ситуация кардинально изменилась, нет. Указанное обстоятельство актуализирует задачу выявления детей с низкими психическими ресурсами и оказание своевременной квалифицированной помощи. Существенный риск в обеспечении антинаркотической безопасности привязан к низкому уровню психологической культуры и отсутствию системы поддержки именно психического здоровья граждан наравне с физическим и социальным. Стоит отметить, что указанные риски относятся к сфере общесоциальных мер профилактики и, как правило, не конкретизируются детально, система мер их нейтрализации предстает в обобщенном виде¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Розанов В. А. Психическое здоровье детей и подростков – попытка объективной оценки динамики за последние десятилетия с учетом различных подходов // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Т. 88, № 1. С. 62–73.

¹⁴⁶ Макушкин Е. В., Байбарина Е. Н., Чумакова О. В., Демчева Н. К. Основополагающие задачи и проблемы охраны психического здоровья детей в России // Психиатрия. 2015. № 04 (68). С. 5–12 ; Презентация Доклада Н. К. Демчевой, Е. В. Макушкина Состояние психического здоровья детей, подростков и молодежи (эпидемиологический аспект). Всероссийская научно-практическая конференция «Психиатрия и наркология на современном этапе развития здравоохранения». М. 2015.

¹⁴⁷ Презентация Доклада Н. А. Бохан Проблема коморбидности и ранней профилактики аддиктивных состояний в различных социальных группах. Всероссийская научно-практическая конференция «Психиатрия и наркология на современном этапе развития здравоохранения». М. 2015.

¹⁴⁸ Карпец А. В., Махров И. Е., Виноградова Э. М. Мониторинг и оценка наркоситуации. М.: Юстицинформ, 2010. 224 с.

Изучая взаимосвязи между сохранением высокого уровня криминологического рецидива, отсутствием видимых эффектов от реализации профилактических функций субъектов антинаркотической деятельности, можно выделить ряд рисков, содержащихся в организации, методике, моделях деятельности основных таких субъектов.

1. На уровне организации деятельности участковых уполномоченных полиции.

Наиболее общественно опасная группа наркопреступников отличается выраженными нарушениями психических функций и страдает наркозависимостью. В разные периоды жизни ее представители попадают в поле зрения сотрудников ОВД, а не врачей. Состояли на учете участковых уполномоченных полиции 85 % привлеченных к уголовной ответственности таких преступников. В соответствии с положениями Федерального закона № 182-ФЗ, приказом МВД России от 29 марта 2019 года № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (далее – приказ МВД России № 205) участковые уполномоченные полиции на данный момент представляют первичное звено профилактики правонарушений, обязаны проводить профилактические мероприятия, в том числе с наркозависимыми лицами.

В соответствии с приказом МВД России № 205 основная форма профилактического воздействия фактически беседа, суть которой состоит в разъяснении моральной и правовой ответственности поднадзорных граждан перед обществом (пункт 32.5) (что в целом вызывает недоумение). Вместе с тем основной контингент работы участковых – лица с нарушением психических функций, соответственно и нарушениями в восприятии информации, рефлексии. Методик проведения бесед с разными категориями лиц, состоящими на профилактическом учете участковых уполномоченных полиции, с учетом особенностей психического здоровья, нет. Одновременно текущая организация распределения рабочего времени участковых актуализирует применения наиболее эффективных

коммуникативных технологий (на проведение рассматриваемых бесед в среднем тратится от 7 до 25 минут).

А. Г. Бачурин, А. И. Щеглов при исследовании практики ведения профилактической работы участковыми уполномоченными полиции пришли к выводу о том, что: 1) четкой правовой регламентации таковой работы нет; 2) строится на основе «субъектного усмотрения»¹⁴⁹. Результаты анкетирования участковых (всего 100 респондентов) вывод подтверждают. Данные сотрудники **не осознают**, что наркозависимые лица, как и иные подучетные лица, – это люди с деформированными психическими функциями, что глубинные причины их поведения не очевидны, поведение автоматизировано, не контролируемо в полной мере. Сотрудники утверждают, что наркозависимые лица *«не понимают, что им говорят»*. Проблема в том, что и не должны понимать. Обязанность участкового уполномоченного полиции – уметь выстроить эффективно профилактическую беседу с учетом личности, состояния психики подучетного.

Обучающие курсы и тренинги, направленные на повышение эффективности общения с наркозависимыми лицами, иными асоциальными подучетными лицами на базе МВД не проводятся. На это указали 70 % анкетированных участковых уполномоченных полиции, при этом 15 % указали, что такие курсы и тренинги проводятся, но все отметили разную их периодичность и не сказали, кем они ведутся, оставшиеся 15 % сообщили, что отвечать на такие вопросы нельзя.

Предполагается, что участковые имеют право обращаться к штатным психологам за *консультацией по вопросам построения беседы с подучетными лицами, учитывая особенности последних*. На практике сотрудники не видят повода обратиться к психологу, функциональной его задачи не понимают. 45 % анкетированных указали, что необходимости в консультациях нет, 40 % **уверены в бесполезности** штатного психолога. Всего 10 % сказали, что обращаются к нему по необходимости, а 5 % – что даже предусмотрены профилактические

¹⁴⁹ Бачурин А. Г., Щеглов А. И. Порядок постановки и снятия с профилактического учета ОВД отдельных категорий граждан, проведение сотрудниками полиции профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений. Барнаул, 2016. С. 32.

мероприятия, в рамках которых можно проконсультироваться относительно методик профилактических бесед. В психологической службе ООДУУП и ПДН ГУ МВД России по Иркутской области, состоящей из 5 человек, о таких не слышали, методик построения профилактических бесед с поднадзорными не пишут, консультаций по данной теме не проводят.

Кроме того, 50 % анкетированных участковых полиции отметили, что работа психолога с сотрудниками – формальность. 20 % затруднились ответить, поскольку редко сталкиваются с данным специалистом и плохо понимают его задачи. 25% указали, что работа психолога эффективна, он осуществляет мониторинг профессиональной деформации сотрудников, проводит консультации для преодоления травмирующих событий, направляет на психотерапию, помогает в адаптации новым сотрудникам. 5 % анкетированных участковых полиции сообщили, что нельзя отвечать на вопрос относительно оценки работы психолога с сотрудниками. Отмечались ответы, связанные с пожеланием не освещать субъективного мнения, согласно которому психолог не ясно зачем нужен и с личным составом не работает.

Опрос психологов (10 сотрудников) соответствующих подразделений организации работы, участковых уполномоченных полиции по Иркутской области и Красноярскому краю выявил, что их основные задачи связаны с анализом результатов психологического тестирования, которое проводится при приеме кандидатов на госслужбу, плановом обследовании сотрудников на выявления лиц, склонных к суициду и лиц, находящихся в кризисном состоянии, при обследовании состояния микроклимата в коллективе.

Помимо изложенного Федеральный закон № 182-ФЗ предполагает реализацию координационных функций первичным звеном профилактики преступного поведения при необходимости реализации форм воздействия, закрепленных статьей 17 указанного федерального акта. Вместе с тем на практике реализация такой функции связана с привлечением дополнительных специалистов в рамках достижения целей социальной адаптации подучетных лиц, профилактикой противоправного поведения соответственно. Однако в

соответствии со статьей 13 Федерального закона № 182-ФЗ данные специалисты относятся к категории дополнительных, порядок их привлечения к работе тех же участковых полиции не установлен. К профилактическим мероприятиям с наркозависимыми лицами необходимых равных консультантов, интервентов, социальных работников участковые полиции не привлекают. При этом возникает неясная ситуация, при которой раздаточными материалами о центрах социальной поддержки, реабилитационных центрах, психологической службе 55 % участковых сотрудников обладают и раздают их, а 45 % утверждают, что таковых материалов нет. Т. е. функцию координаторов и посредников в процессе профилактики правонарушений, устранения криминогенных факторов участковые уполномоченные полиции в полной мере не выполняют. Потенциала психологической службы в работе правоохранительных органов не используется на уровне первичного звена профилактики преступного поведения.

2. На уровне реализации профилактических функций следователей.

Несмотря на все вышеизложенное, следователи по ОВД регулярно выносят в адрес участковых полиции *Представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений* (в сфере НОН в нашем случае) (далее – Представления). Обозначенные Представления выносятся следователями в порядке статьи 158 УПК РФ, после вступления в силу Федерального закона № 182-ФЗ их вынесение фактически стало обязательным. Предполагается, что знания в области криминологии должны на практике бывших студентов как-то соотноситься с составом преступления и отражаться в выводах о причинах и условия совершенных преступлений. На этой практике в условиях постоянно «горящих сроков» данные сотрудники начинают работать в автоматическом режиме, и представления об устранении условий и причин совершенных преступлений выносятся «на автопилоте».

По результатам анкетирования следователей по ОВД в случае с преступлениями в сфере НОН, таковые акты выносятся, как правило, в отношении участковых полиции, органов местного самоуправления об уничтожении

конопляных полей, инспектора по делам несовершеннолетних, руководства учебных заведений. Материалами изученных архивных у/д подтверждается.

В отношении участковых Представления выносятся практически по каждому у/д в сфере НОН, при этом содержание данных актов формально: не содержат конкретной формулировки причин и условий, кратко излагаются фабулы у/д, затем делается вывод о ненадлежащем контроле со стороны участкового полиции за лицами, проживающими на территории обслуживания (вне зависимости от того, что и где данные лица совершили). Конкретных указаний по устранению причин и условий преступлений нет, в каждом представлении присутствует следующая формулировка: «В тридцатидневный срок принять меры по устранению нарушений и исключить их повторение» с требованием отчитаться о проделанной работе.

Приведем типичные примеры несоответствия содержаний Представлений целям их вынесения:

1. *Обвиняемый Д., 1970 г.р., первый из двоих детей в семье рабочих, отец – алкоголик, осужден по ст. 105 УК РФ, в семью не возвращался. Отчим – алкоголик, бил. Брат обвиняемого наркозависим. В детском возрасте Д. был раздражителен, занимался боксом, с 5 класса начал нюхать клей, с 7 класса состоял на учете **подразделения по делам несовершеннолетних**, с 8 класса учился в вечерней школе, имел диагноз «**психопатия**», в 18 лет в драке получил ножевое ранение в печень. В 20 лет женился, рожден ребенок, через год начинает употреблять ханку, героин, последовал развод. Далее длинная история судимостей: в 1996 г. осужден за кражу к исправительным работам, через год осужден за хранение наркотиков без цели сбыта к лишению свободы, в **местах лишения свободы** наносил самоповреждения, освобожден в 2000 г. с **туберкулезом**, через год **передозировка** наркотиками, начал **сожительство** с партнершей, через 2 года – **условное** осуждение за хранение наркотиков без цели сбыта, **рождение ребенка от сожительницы**, через год **рождение второго ребенка и обращение к врачу – психиатру-наркологу**, через **год** рецидив синдрома опиоидной зависимости, в последующие два года дважды осужден вновь по ст. 228 УК РФ, освобожден в порядке применения условно-досрочного*

освобождения в 2009 г., в местах лишения свободы характеризовался **положительно**, в 2010 г. осужден по ст. 111 и 158 УК РФ. На административном надзоре находился с 2013 г., с наркологического учета снят за отсутствием сведений. Обвиняется в сбыте наркотиков в составе группы лиц по предварительному сговору, диагностировано эмоционально неустойчивое расстройство личности. В соответствии с заключением экспертов в лечении от наркозависимости нуждается, но оно ему **противопоказано**¹⁵⁰.

2. Обвиняемая С., 1985 г.р., третья из четырех детей в семье рабочих, **в ее 10 лет отец был убит**, через четыре года **брат совершил суицид**, через год – **сестра**. В детском возрасте С. характеризовалась как спокойный, стеснительный ребенок. После школы пошла работать продавцом. Затем поваром, барменом. **В 18 лет родила ребенка**, состояла в гражданском браке, **через два года начала нюхать героин**, в 2008 г. употребляла инъекционно. В 2012 г. новый гражданский брак, **родила ребенка**, в период наблюдения беременности выявлен **ВИЧ**, на наркологическом учете **не состоит**. Диагностированы изменения психики на фоне наркомании, в лечении нуждается, но **противопоказано**. Состоит на учете участкового уполномоченного полиции. Обвиняется в сбыте наркотиков в составе группы лиц¹⁵¹.

3. Обвиняемый А., 1984 г.р., обвиняется в хранении наркотиков без цели сбыта, единственный ребенок в семье военных, отец алкоголик. В 2001 г. А. осужден за убийство, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, приговорен к 9 годам лишения свободы, направлен в ВК, выявлен туберкулез. По результатам судебно-психиатрической экспертизы было диагностировано парциальное транзиторное расстройство личности по неустойчивому типу с когнитивными нарушениями. Освободился досрочно в 2007 г. В 2008 г. женился, родился ребенок, затем развод. В 2010 г. гражданский брак, рождение второго ребенка, проживает с матерью и фактической семьей. Близкими характеризуется как спокойный. Задержан был инспектором ДПС, в салоне

¹⁵⁰ Архив Ленинского районного суда г. Иркутска. Уголовное дело № 1-437/2017 за 2017 год.

¹⁵¹ Архив Ленинского районного суда г. Иркутска. Уголовное дело № 1-375/2015 за 2015 год.

машины изъяты гашиш 4,5 г, по результатам судебно-психиатрической экспертизы наблюдаются признаки развития расстройства личности¹⁵².

4. Обвиняемая Т., 1992 г.р., третья из четырех детей в семье рабочих, мать страдает алкоголизмом, с 14-летнего возраста Т проживает с отцом и несовершеннолетним братом без матери. С 2010 г. студентка ИРГТУ, в 2013 г. учебу бросила, остро переносила финансовые трудности. Обвиняется в организации сбыта синтетических наркотиков. По результатам судебно-психиатрической экспертизы расстройств личности не выявлено, признаков их развития нет, наблюдается низкий уровень психологической культуры: импульсивна, эгоцентрична, низкий самоконтроль и т. д.¹⁵³.

Во всех четырех примерах изложены идентичные представления об устранении условий и причин преступлений, вынесенные в отношении участковых уполномоченных полиции, которые неудовлетворительно исполнили свои служебные обязанности и каким-то образом должны были устранить нарушения в 30-дневный срок.

Анкетируемые участковые полиции в 65 % случаев рассматриваемые акты следователей вообще не получают. 30 % отметили, что получают почти по каждому у/д, связанному с НОН. 5 % указали, что все зависит от следователя и подразделения, в котором он работает: следователи бывшего ФСКН всегда направляют. Как мы понимаем, большая часть рассматриваемых актов остается у начальников отделов участковых полиции и ответ на требование отчитаться об устранении нарушений и принятых мерах аналогично формален.

65 % участковых уполномоченных затруднились ответить, какие меры должны предприниматься по полученным представлениям. Оставшиеся указали, что данные акты – формальность: всегда выявляются наркопотребители, сбытчики, места закладок, о чем своевременно сообщается оперуполномоченным сотрудникам. Участковые также указали, что могут провести профилактическую беседу с обвиняемым, но, как правило, на момент получения представлений он уже

¹⁵² Архив Ленинского районного суда г. Иркутска. Уголовное дело № 1-333/2016 за 2016 год.

¹⁵³ Архив Октябрьского районного суда г. Иркутска. Уголовное дело № 1-13/2017 за 2017 год.

находятся в изоляторах или колониях. В итоге проводятся профилактические беседы с семьей обвиняемого, соседями на предмет своевременного сообщения об уголовно-наказуемом поведении конкретного лица в будущем. Проще говоря, никаких кардинальных мер по устранению условий и причин правонарушений в сфере НОН участковый уполномоченный не может принять.

Рассматриваемые представления в соответствующих случаях также выносятся в адрес **руководства учебного заведения** со стандартным не конкретизированным требованием принять меры. Меры принимаются, и учащиеся отчисляются или в личное дело заносится выговор, оба варианта не способствуют устранению условий с причинами противоправного поведения лиц, но формально требования исполнены, меры приняты.

В отношении органов местного самоуправления представления выносятся по каждому у/д, связанному с незаконным оборотом растительных наркотиков, с требованиями уничтожения конопляных полей. Во-первых, данное уничтожение – мероприятие дорогое, во-вторых, муниципалитетам проще заплатить штраф, это объективно дешевле, в-третьих, причина – не в полях с растительным покровом, а в отсутствии программ и специалистов сельскохозяйственного освоения этих полей.

Эффективность принимаемых мер по предупреждению НОН в регионах по итогу расследования у/д 56,6 % следователей оценивают как невысокую, а данные меры считают формальностью. Остальная часть респондентов считают, что все зависит от конкретной ситуации при расследовании у/д, но при этом эффективными считают только меры по уничтожению конопляных полей (очевидный эффект). Большинство рядовых следователей не привыкли задумываться о причинах, условиях деяний, у них на это нет времени. Также руководитель следственной службы УНК ГУ МВД России по Иркутской области отметил, что представления об устранении условий и причин, способствующих совершению преступления, в отношении органов местного самоуправления о необходимости разработки плана социально-экономического развития неблагополучных районов города; руководства и психолога места лишения

свободы, где обвиняемый ранее отбывал наказание, и иные подобные – желательны, но рядовой следователь их выносить не будет.

3. На уровне обеспечения достижения целей наказания в соответствии с его принципами.

Преступления в сфере НОН имеют очень абстрактный объект: общественная нравственность и здоровье населения, а жертвы отсутствуют. Даже в единичных случаях привлечения к ответственности за склонение к наркопотреблению выплачивается фиксированный штраф в пользу государства, а не в пользу медицинской организации, где, например, лечили пострадавшего. Получается какая-то неопределенная ответственность, вред от НОН возмещается не ясно в каком виде сразу всему обществу и государству, как это связано с конкретными действиями лиц, непонятно.

Кроме того, сроки лишения свободы за соответствующие действия наркопреступников никак не сказываются на изменениях характеристик их личности и снижении риска совершения повторного преступления той же категории. В то же время внушительные сроки лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие составы НОН не сказываются на восстановлении социальной справедливости: организаторы организованных преступных групп, сообществ лечение зависимых лиц не оплачивают, удержаний с заработной платы в колониях в пользу психологически травмированных детей от наркозависимых родителей не производится.

Наркозависимые лица в состоянии ремиссии работают равными консультантами, включают себе подобных в процесс лечения, берут на себя функции патронажа, для которого в государственной системе наркологической помощи не хватает сотрудников, особо успешные создают рабочие места. Государству *выгодно и необходимо* реинтегрировать наркозависимых лиц. Каким конкретно образом возмещают причиненный вред распространители наркотиков, не потребляющие их? Указанный вопрос актуален, так как, по официальным данным, на наркологическом учете в РФ находятся около 600 тыс. человек, которые дважды в год проходят полное обследование за государственный счет.

Вышеизложенное имеет прямое отношение к вопросу о справедливости, соразмерности наказания, о гарантировании возмещения причиненного вреда от преступлений.

4. На уровне функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы.

В общероссийском масштабе криминологический рецидив наблюдается среди 63,5 % наркопреступников. Наказания ранее судимым назначались как связанные, так и не связанные с лишением свободы, но в итоге неэффективные. Х. Кури и О. Ю. Ильченко упоминают высказывание Т. Мосера: «Удивительно, как общество относится к преступникам. Оно мало заботится о правонарушителях до тех пор, пока они жертвы. Общество вмешивается, только если чувствует себя жертвой. Это похоже на поведение плохих родителей, которые начинают бить наотмашь и вслепую, если крики и действия детей, которыми они пренебрегали, начинают действовать им на нервы и нарушать их спокойствие»¹⁵⁴. Приходится констатировать, что система исполнения наказаний выстроена по подобному паттерну.

Контингент осужденных – это преимущественно вменяемые психопаты, и каждый имеет свою цепь событий-причин деформаций, сформировавших его личность, шаблон его поведения. Исправление данных лиц привязано к длительной психотерапии, приобретению новых навыков социального функционирования, развитию психологической культуры личности. Специалистов, которые в состоянии предоставить указанную фактически помощь, соответственно обеспечить действительную эффективность наказания, в структуре ФСИН России, во-первых, не хватает, во-вторых, нет приоритета их деятельности, данные специалисты нужны для «галочки», в-третьих, задачи на реинтеграцию осужденных лиц, привлеченных к уголовной ответственности, проявились только в 2016 году, индивидуальных программ ресоциализации осужденных не составляется в необходимом объеме. Одновременно работа психологов в

¹⁵⁴ Кури Х., Ильченко О. Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 253.

учреждениях уголовно-исполнительной системы существенно ограничивается процессом документооборота и спецификой службы в правоохранительных органах, а также спецификой задач оперативно-розыскной деятельности в структуре ФСИН.

В работе с осужденными наркозависимыми психиатры-наркологи отмечают отсутствие адекватных побудительных мер привлечения осужденных к лечению и реабилитации, ибо официально они связаны с направлением лиц в лечебно-исправительное учреждение, в которое ехать никто не хочет из-за более жесткого режима. Отсутствуют гарантии исполнения мер обязательного лечения наркомании: осужденным проще штраф заплатить, чем встать на учет и обременять себя дополнительными исследованиями, обязанностями после условно-досрочного освобождения. Кроме того, действительное количество наркозависимых лиц в местах лишения свободы официально не известно ввиду специфики системы оценки показателей эффективности работы сотрудников данных мест.

Если мы обратим внимание на основания применения порядка условно-досрочного освобождения у наркопреступников, то они характеризовались в свое время как активные, не привлекавшиеся к дисциплинарной ответственности, вставшие на путь исправления люди. Путь исправления был недолог, новое преступление совершалось через год-три после досрочного освобождения, т. е. в период адаптации. По материалам неоднократных судебно-психиатрических экспертиз, наблюдается планомерное ухудшение психического состояния осужденных, усиление акцентуаций характера. Изложенное относится к условиям, формирующим причины дальнейшего поведения наркопреступников.

Пробелы в организации процесса ресоциализации осужденных восполняют общественные объединения, учреждения социальной помощи, волонтеры, а также программы подготовки осужденных к освобождению. В Иркутской области это благотворительный фонд «Оберег», «Красный Крест», правозащитный Фонд «ЮВЕНТА», Иркутский областной психоневрологический диспансер, реабилитационные центры «Воля, «Перекресток семи дорог».

5. Проблемы ресоциализации сбытчиков наркотиков.

Если реинтеграции наркозависимых преступников уделяется большое количество внимания и среди исследователей, и среди практических работников, то вопрос ресоциализации сбытчиков наркотиков, которые сами их не потребляют, практически не рассматривается. Данные сбытчики обладают устойчивостью собственных установок, относятся к корыстному типу преступников. Перспектив у таковых лиц в получении высокооплачиваемой легальной работы практически нет ввиду низкого уровня образования, особенностей личности, вместе с тем присутствует ориентир на получение высокого уровня дохода.

Из особенностей мы отметили, что типичные для Иркутской области, Красноярского края организаторы организованных преступных групп, поставщики наркотиков – цыгане. Происходили из семей, члены которых были связаны с НОН, в детстве не посещали детских садов, но были сообразительны, сами учились читать в возрасте 4–5 лет. Для них свойственно рано оставлять учебу – образования в среднестатистическом случае либо нет, либо 8–9 классов. Подобное положение осужденные объясняют национальными традициями. Помимо цыган среди поставщиков оптовых партий наркотиков присутствуют представители ближнего зарубежья – казахи, узбеки, таджики. В отличие от цыган данные лица росли в родных краях, об условиях взросления говорить не любят, на территорию регионов приезжают на заработки, налаживания трафика наркотиков. С учетом же того, что каждое у/д по организованной преступной группе или сообществу, сбывающих наркотики опийного ряда, упирается либо в цыган, либо в представителей ближнего зарубежья, целесообразно обратить внимание на их позитивную ассимиляцию среди регионального населения, на развитие детей данных лиц и мониторинг их адаптации в детских дошкольных, школьных организациях.

Вместе с распространением синтетических наркотиков увеличивается количество лиц, осужденных за их сбыт, не отличающихся устойчивостью преступных установок. Приток «разношерстных» сбытчиков наркотиков синтетической группы сотрудники правоохранительных органов связывают с низкими заработными платами в регионах, ограниченными перспективами для неквалифицированных работников, напряженную ситуацию с поиском работы.

Другими словами, нестабильные социально-экономические условия имеют больший вес, нежели какие-то личностные деформации, которые не настолько глубоки в сравнении с иными наркопреступниками и носят характер специфических акцентуаций, опосредующих принятие решения в пользу противоправных действий. Средний возраст данных сбытчиков достаточно молодой, до 30 лет, для их ресоциализации значимы программы, направленные на самоактуализацию, раскрытие творческого потенциала, что при исполнении наказания опять же не на первом месте.

6. На уровне реализации профилактических функций суда.

Суд располагает материалами судебно-психиатрических экспертиз обвиняемых, по которым у подавляющего большинства наркопреступников имеются психические расстройства личности, поддающиеся коррекции, а также акцентуации характера. Законных оснований отправлять данных лиц на психокоррекцию нет. Также мы выявили, что профилактическая функция суда не используется в процессе предупреждения воспроизводства преступности и наркомании, что связано с установлением опеки над детьми наркозависимых родителей. Если при усыновлении, удочерении присутствуют строгие правила, согласно которым кандидаты должны пройти психологический отбор, школу приемных родителей, научиться пригодным способам взаимодействия с ребенком, то подобных требований в отношении ближайших родственников детей наркозависимых лиц (иных дезадаптированных) не установлено.

7. В сфере кадровой подготовки.

Развитие межведомственного взаимодействия с привлечением институтов гражданского общества в процессе противодействия НОН сопряжено с подготовкой студентов к будущей профессиональной деятельности. В процессе исследования мы столкнулись с тем, что молодые сотрудники органов дознания, следствия, суда, исполнения наказаний в первый же год адаптируются к специфике работы автоматически и огрубляются. Врачей, педагогов считают второстепенными специалистами, психологов, социологов, криминологов – вообще бесполезными и ненужными. Молодые сотрудники правоохранительных

органов абсолютно уверены в своей правоте, склонны опираться на собственное мнение и убеждения, информацию, не укладывающуюся в их субъективную картину мира, не воспринимают. Кроме того, восприятие и анализ события преступления указанными сотрудниками чаще не поднимаются выше элементарного, свою задачу видят в исполнении своих функций в связи с реагированием на случившийся инцидент. Указанная проблема решается в процессе получения высшего профессионального образования путем введения систематических тренингов, направленных на формирование и закрепление навыков осознанного поведения, конструктивного межличностного взаимодействия, стрессоустойчивости, а также обучение навыкам воздействия на лиц, чьи психические функции нарушены (основной контингент работы в будущем).

Помимо перечисленных специфичных условий, проявляющихся в системе правоохранительной работы, исполнения и назначения наказаний, традиционно выделяются условия, способствующие развитию НОН, в секторе здравоохранения:

По классической схеме принято выделять в структуре условий НОН низкую эффективность реабилитационного сектора. Невзирая на особенности заболевания, в данном блоке есть иные объективные причины низкой эффективности медико-социальной реабилитации – это острый дефицит специалистов врачей – психиатров-наркологов, клинических психологов и врачей-психотерапевтов. Обеспечить патронаж всех наркопотребителей, стоящих на наркологическом учете, государственная наркологическая система также не в силах. На практике для этих целей привлекаются представители институтов гражданского общества, и, как правило, это равные консультанты, интервенционисты – наркозависимые в ремиссии, данные лица – необходимый резерв для изменения динамики наркоситуации в лучшую сторону. В целом существующую систему медико-социальной реабилитации наркозависимых лиц при учреждениях здравоохранения 87,5 % анкетированных врачей – психиатров-наркологов оценивают как имеющую ограниченный потенциал действия. Данная система нуждается в развитии социально-психологических мер поддержки пациентов. Вместе с тем 50 %

проанкетированных врачей указали, что имеют примерное представление об обязанностях социальных работников, участвующих в медико-социальной реабилитации, так как пересекаются с ними редко. 12,5 % плохо представляют себе обязанности указанных специалистов. Оставшиеся 37,5 % респондентов указали, что социальные работники привлекаются еще на этапе лечения, сотрудничают с врачами – психиатрами-наркологами, поэтому респонденты осведомлены об обязанностях специалистов социального профиля. Осведомленность о функциях смежных специалистов среди врачей выше, нежели у сотрудников правоохранительных органов.

8. Особенности структуры наркопотребителей, определяющие критерии допустимости мер антинаркотической деятельности.

Невнимание к данным особенностям приводит к неоправданному ограничению возможных мер антинаркотической деятельности. Е. Е. Тонков и многие другие юристы-исследователи заявляют, что наркоман всегда потенциально опасен¹⁵⁵, не делая никакой разницы между наркопотребителями, наркозависимыми и лицами с вредными последствиями наркопотребления. Однако среди данных зависимых есть социально интегрированные лица, есть эпизодические потребители растительных видов наркотиков, степень общественной опасности которых малозначительна.

Действительно общественно опасные наркозависимые лица составляют только часть от всех наркопотребителей, и критически важно развить систему связи между ними и обществом. Сосредоточение данного контингента в поле зрения правоохранительных органов способствует, с одной стороны, их дальнейшему социальному исключению из систем общественных институтов, с другой – дает возможность начать вести с ними системную, восстановительную работу, точно зная, где их искать. В случае направления данных лиц на лечение порядка 30 % его

¹⁵⁵ Тонков Е. Е. Антинаркотическая политика в России: неутешительные итоги или двадцать лет спустя // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 14 (211). С. 129–136.

в конечном счете не проходят, в программы дальнейшей реабилитации вступают менее 3 %.

Латентность наркотизации указанных лиц, ее длительность составляет неоправданно большие сроки, при этом именно данные лица рожают детей, меняют сожителей, участвуют в НОН, приобретают гемоконтактные заболевания, в силу личностных особенностей и течения заболевания и не в состоянии долго оставаться в процессе воздержания от потребления наркотиков. В данном контексте мы не можем обойти стороной вопрос применения методов заместительной терапии. К решению о реабилитации при наркотизации в 10 лет лицо подходит с набором тяжелых соматических заболеваний, судимостями, детьми и т. д. Заместительная терапия же нужна не для того, чтобы вылечить данных зависимых, а для того, чтобы *привлечь их в процесс реабилитации с наименьшими потерями*: без совершения преступлений ради получения средств на наркотики, с сохранением способности выполнять элементарные работы, заботиться о детях, не распространять гемоконтактных заболеваний, при этом находиться в поле зрения учреждений здравоохранения, социальных и иных служб, которые получают возможность ведения системной коррекционной работы. В итоге лицо с внушительным стажем наркотизации включается в процесс реабилитации без характерного букета сопровождающих характеристик и с наименьшими потерями для общества от его социальной активности.

Критики указанной терапии прибегают к данным об увеличении ее пользователей, что в целом логично, если цель – это привлечение к реабилитации, сокращение латентности наркопотребителей с антисоциальными установками. Суть данных программ – в цене, которую общество готово заплатить за функционирование наркозависимых лиц, поэтому данные об отсутствии сокращения числа наркозависимых в странах, применяющих заместительные программы – не аргумент их неэффективности. Для России рост ВИЧ, бездумное рождение детей активными наркопотребителями с антисоциальными установками, совершение ими на протяжении наркотизации преступлений – явление нормальное, своеобразные подтверждающие факты опасности наркотиков. Вместе

с тем это небольшой пласт всех наркопотребителей, который требует прагматичного подхода с расчетом на реальные характеристики личности.

Кроме того, за высказывания собственного мнения по поводу заместительной терапии врач – психиатр-нарколог может быть уволен, не получить повышения. Анкетированные врачи признают, что применение подобных программ терапии в России чревато отсутствием традиции экспертной организации любых нововведений и характерной российской предприимчивостью, повлекшей бы утечку заместительных препаратов на нелегальный рынок. Т. е. данные программы опасны или неэффективны не сами по себе, данные их свойства опосредованы конкретным контекстом воплощения. Стоит отметить, что разворачивание прагматичных программ предупреждения НОН и наркомании с последующей остановкой их реализации уже имело место в историческом контексте¹⁵⁶.

К 2011 году были апробированы методические рекомендации УНП ООН «Схемы направления наркопотребителей на лечебно-профилактические мероприятия» (далее – Схемы). В Иркутской области данные Схемы действовали с апреля 2008 года, реализовывались общественной организацией «Российский Красный Крест», Спецприемником ГУВД, УВД г. Ангарска, УВД г. Братска¹⁵⁷. Работа по проекту была оценена как высокоэффективная: увеличился охват наркозависимых лиц, не состоящих на наркологическом и иных учетах, снизился риск рискованного поведения, в том числе совершения преступлений в целях получения средств на приобретение наркотиков, повысилась выявляемость социально значимых заболеваний. Методика и алгоритмы реализации Схем подробно и ясно изложены, порядок межведомственного взаимодействия и представителей институтов гражданского общества при конкретизации роли сотрудников правоохранительных органов тоже изложен. Однако данный проект прекратил свою реализацию и дальнейшее развитие, не был официально утвержден на уровне регионального МВД, и к 2018 году ни начальствующий состав, ни

¹⁵⁶ Васильев П. А. Наркотизм в Петрограде-Ленинграде в 1917-1929 гг.: социальная проблема и поиски ее решения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. 153 с.

¹⁵⁷ Схемы направления наркопотребителей на лечебно-профилактические мероприятия: Методические рекомендации. М., 2011. С. 11.

рядовые сотрудники правоохранительных органов не были о нем осведомлены. Таким образом, при имеющихся пригодных для российской антинаркотической деятельности, апробированных, эффективных и **малозатратных** методиках сокращения негативных социальных последствий проявлений наркотизма они просто не используются. Кроме того, в 2002 году в России были запрещены стереотаксические операции на головном мозге, эффективность которых в избавлении от навязчивых состояний, достигала 60 %.

Данные тенденции на запрет прагматичных, апробированных методов, негласное ограничение освещения экспертных мнений в комплексе антинаркотической деятельности вызывают вопросы.

9. В сфере обеспечения безопасности личности лиц, нуждающихся в лекарственных препаратах.

В части рисков, связанных с обеспечением антинаркотической безопасности, обнаруживается существенный пробел в обеспечении безопасности личности лиц, нуждающихся в наркотических лекарственных препаратах. Практика вменения статьи 229 УК РФ и статьи 233 УК РФ вскрывает проблему защиты прав и интересов пациентов: по статье 229 УК РФ осуждаются преимущественно наркозависимые лица, пользующиеся тем, что проживают с онкобольными родственниками, соседями, у которых крадут наркотические обезболивающие препараты, в единичных случаях хищение препаратов происходит из сумок-укладок бригад скорой помощи.; по статье 233 УК РФ присутствует использование служебного положения в целях помощи онкобольным близким лицам быстрее достать необходимый препарат. По обоим составам практика, свидетельствующая об умысле медицинских работников на сбыт наркотиков, единична. В любом варианте стоит проблема обеспечения прав и интересов пациентов, функциональность которых ограничена, их надлежащая защита. Механизмов защиты пациентов, у которых были похищены наркотические лекарства или не выписаны, хотя все основания имелись, назначены не те препараты, не предусмотрено.

На данный момент Министерством здравоохранения также предложен проект по внесению изменений в статью 228.2 УК РФ, согласно которому медицинский или фармацевтический работник освобождается от уголовной ответственности, если нарушил правила оборота впервые, сообщил об этом, способствовал раскрытию преступления, возместил причиненный преступлением ущерб и в случае, если в его действиях не содержится иного состава. Судебная практика по данному составу свидетельствует о низкой степени общественной опасности совершаемых деяний указанными работниками. Также если в действиях рассматриваемых сотрудников имелся умысел на совершение иного преступления, то (исходя из судебной практики) это либо сбыт, либо хищение, что в достаточной мере криминализировано. Криминализация действий по нарушению правил оборота наркотиков сотрудниками медицинских и фармацевтических организаций оправдана только в случаях систематических нарушений и при нарушениях, приведших к утрате наркотиков в особо крупных размерах (потерять один обезболивающий пластырь не равносильно уничтожению заводской партии наркотиков).

12. В рамках работы органов местного самоуправления в направлении социально-экономического развития территорий.

Неоднородность контингента лиц, сбывающих синтетические наркотики, при отсутствии стойких антисоциальных установок с мотивацией к решению финансовых затруднений вызывает вопросы к экономическому положению в населенных пунктах регионов. Кроме того, невзирая на распространение синтетических наркотиков, абсолютное большинство изъятий наркотических средств приходится на растительные виды, что связано с наличием обширной сырьевой базы в регионах из-за неосвоенных земель. Кроме того, в регионах достаточное количество сельских и городских поселений, моногородов с проблемами организации дополнительного образования, досуга, наличия рабочих мест. Человеческий потенциал, сосредоточенный на указанных территориях, не реализуется в должной мере, условий для его развития также недостаточно. Кроме того, при имеющихся данных о неблагополучных районах в городах отсутствует

системная работа по изменению их инфраструктуры, социального фона с целью сокращения возможности совершения преступлений.

13. В части технической обеспеченности сотрудников правоохранительных органов.

Среди очевидных рисков в обеспечении антинаркотической безопасности можно выделить высокие темпы технологизации сбыта и производства наркотиков, требующие такого же оперативного реагирования со стороны правоохранительных органов. Вместе с тем техническое обеспечение оперативно-розыскной деятельности на данный момент продолжает оставаться неудовлетворительным, качество его снижено также связано с расформированием службы по контролю за оборотом наркотиков. Кроме того, процесс технологизации не в полной мере затрагивает и предупредительную деятельность правоохранительных органов.

К комплексу рисков обеспечения антинаркотической безопасности отнесены:

1. Отсутствие единой системы обеспечения сохранения психического здоровья населения, содержательная недостаточность института поддержки семьи, непригодность образовательной системы к формированию компетенций, необходимым детям во взрослой жизни.

2. Отсутствие пригодной схемы работы участковых полиции с подучетными лицами по профилактике противоправного поведения и правонарушений.

3. Формальность реализации следователями, дознавателями функций по выявлению причин и условий совершенного деяния.

4. Содержательная необеспеченность достижения целей наказания на основе его принципов.

5. Критерии допустимости условно-досрочного освобождения, функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы преимущественно как института «передержки» преступников; неэффективность мер ресоциализации наркопреступников, не потребляющих наркотики.

6. Нереализуемый профилактический потенциал суда.

7. Отсутствие индикаторов, отражающих действительную общественную опасность наркопотребления в связи с существующей градацией в структуре наркопотребителей.

8. Неиспользование собственного и международного позитивного опыта в сокращении рисков, связанных с дезадаптированным функционированием наркозависимых лиц, степень общественной опасности которых повышена.

9. Отсутствие механизмов защиты прав и интересов пострадавших от противоправных деяний в сфере НОН, приведших к утрате необходимых лекарственных наркотических препаратов; несовершенство уголовно-правового законодательства, влекущее риски в обеспечении безопасности личности специалистов, работающих с такими препаратами.

10. Качественный и количественный дефицит кадров субъектов антинаркотической деятельности.

11. Проблемы эффективности местного самоуправления как механизма социально-экономического развития территорий; недостаточность технологизации правоохранительной деятельности, технической обеспеченности оперативно-розыскной деятельности в сфере НОН.

§ 2. Обеспечение антинаркотической безопасности

на региональном уровне:

основные направления, меры и показатели эффективности

Под обеспечением антинаркотической безопасности подразумевается комплекс мер, осуществляемых субъектами антинаркотической деятельности по нейтрализации рисков, детерминированных НОН, в соответствии со стратегически значимыми задачами обеспечения национальной безопасности в секторе предупреждения НОН. Наполнение данных мер обуславливается совокупными данными об антинаркотической безопасности и характеристиками элементов социальной системы, обуславливающих ее состояние. К таким элементам относятся исходные ресурсы, состояние системы субъектов, методологическая и

нормативно-правовая основа антинаркотической деятельности, состояние человеческих ресурсов (со стороны потребления наркотиков, их сбыта), специфики предмета общественных отношений (наркотик), характеристика временного периода. В рамках данной работы указанные элементы исследовались в контексте определения фактической наркоситуации, актуальных тенденций НОН, основ антинаркотической деятельности, особенностей личности наркопреступника, конкретизации рисков обеспечения антинаркотической безопасности. Механизм реализации данных мер представляет собой механизм обеспечения антинаркотической безопасности и включает в себя его целевую направленность, координирующее звено, ответственных субъектов, характер и направленность реализуемых мер.

К субъектам антинаркотической деятельности (обеспечения антинаркотической безопасности) фактически относятся субъекты системы профилактики правонарушений и ее иные участники в соответствии с терминологией Федерального закона № 182-ФЗ. Вместе с тем специфика указанных субъектов заключается в отсутствии как таковых «иных участников», взаимодействие между правоохранительными органами, исполнения наказаний, сектором здравоохранения, социальными службами, некоммерческими объединениями и другими участниками выстраивается на партнерских началах.

Для Иркутской области круг таких субъектов достаточно широк, и их представители входят в состав региональной антинаркотической комиссии (то же самое – в Красноярском крае). Данная комиссия предполагается одной из координационных структур в обеспечении антинаркотической безопасности на общем уровне, тогда как за основные направления в обеспечении указанного вида безопасности, связанные с профилактикой наркопотребления, лечением и реабилитацией наркозависимых лиц, пресечением НОН отвечают профильные ведомства. Работа антинаркотической комиссии включает в себя текущий мониторинг актуальных изменений в региональной наркоситуации, взаимную поддержку при необходимости введения новых форм профилактики наркопотребления и противодействия НОН.

Вместе с тем единой стратегии обеспечения антинаркотической безопасности в контексте реализации действовавшей до 2020 года Стратегии государственной антинаркотической политики в регионах не предполагается. Существуют текущие государственные программы по основным направлениям антинаркотической политики. Некоторые вызывают вопросы. Например, стоит обратить внимание, что, согласно отчету № 05/22 от 02 ноября 2017 года, утвержденному распоряжением председателя Контрольно-счетной палаты Иркутской области от 02 ноября 2017 года №109-р, по результатам экспертизы эффективности реализации государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2014–2020 годы (в ее рамках существует подпрограмма по профилактике наркопотребления и вовлечению молодежи в НОН) была выявлена тенденция к сокращению финансирования наиболее значимых мероприятий, обеспечивающих региональную антинаркотическую безопасность. К ним отнеслись мероприятия по выявлению, поддержке и обеспечению самореализации талантливой и социально активной молодежи; по поддержке молодых семей, формированию позитивного отношения к институту семьи; в полном объеме были сокращены мероприятия по интеграции в общество молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Одновременно увеличилось финансирование международного лагеря «Байкал – 2020» при сокращении количества его участников и сомнительной эффективности.

По результатам проведенной экспертизы имелись замечания к установлению показателей государственной программы и ходу ее реализации. Выявленные тенденции противоречили Системе целеполагания социально-экономического развития Иркутской области верхнего уровня (распоряжение Правительства Иркутской области от 10 сентября 2014 года № 749-рп). Таким образом, были вынесены рекомендации по приведению рассматриваемой программы в соответствие с требованиями законодательства *о стратегическом планировании*, изменению подходов и расстановке приоритетов в реализации молодежной политики, включая направление сокращения спроса на наркотики.

Результаты экспертизы не были учтены, в рамках подпрограммы «Комплексные меры профилактики злоупотребления наркотическими средствами, токсическими и психотропными веществами» на 2019–2024 годы также установлены не вполне пригодные показатели, исходя из оценки которых не представляется возможным установить наличие актуальных, а также долгосрочных изменений в региональной наркоситуации. Обозначенная подпрограмма является «конструктором» для обоснования и финансирования стандартных мероприятий по профилактике наркомании, основная масса которых – учебно-просветительская.

На текущий момент на уровне регионов предполагается принятие перечней направлений по реализации стратегии государственной антинаркотической политики, которая будет принята до 2030 года. Проект данной стратегии отличается формальностью, на актуальные риски обеспечения антинаркотической безопасности не рассчитан. Кроме того, содержит некорректную терминологию и включает положения, негативные последствия которых уже наблюдались на практике других стран. Предполагается, что в соответствии с положениями Федерального закона № 172-ФЗ в регионах будет проведен мониторинг наркоситуации, изучены риски, детерминированные НОН, ресурсное состояние антинаркотической деятельности и предложены адресные мероприятия. Вместе с тем текущий проект федеральной стратегии может ограничить реализацию обоснованных предложений по сокращению рисков обеспечения антинаркотической безопасности.

Кроме того, на практике структура антинаркотической комиссии не предполагает наличия единого экспертного элемента, ответственного за выработку взаимоувязанного документа стратегического планирования и разнопрофильных мероприятий в его контексте, определяющих долгосрочную перспективу реализации антинаркотической политики на территории регионов. Данные по мониторингу и их оценка представляются каждым профильным ведомством, собираются в единый документ секретарями антинаркотических комиссий, программы по направлениям реализации федеральной антинаркотической политики составляются профильными ведомствами, интересы которых постоянно

сталкиваются в рамках заседаний комиссий. С позиции корректировки предлагаемых ведомственных программ в соответствии с нормативной правовой базой стратегического планирования, системы предупреждения преступности, обеспечения национальной безопасности достаточно проведения правовой и научной экспертизы указанных программ и практического мониторинга их реализации сформированной при антинаркотической комиссии экспертной группой, для чего достаточно задействовать имеющийся потенциал аналитических структур профильных ведомств и научных учреждений. Необходимость предлагаемой корректировки связана с фактическим отсутствием кардинальных изменений в показателях обеспечения антинаркотической безопасности, а соответственно в неэффективном обеспечении национальной безопасности в рамках предупреждения НОН. Одновременно формально указанные программы исполняются эффективно и не противоречат федеральному законодательству. В связи с изложенным целесообразно определить направления обеспечения антинаркотической безопасности, которые, с одной стороны, соответствуют уже традиционно выделяемым в рамках формирования программ субъектов, с другой стороны, предусматривают корректировку деятельности основных субъектов антинаркотической деятельности, целей проводимых мероприятий сообразно рискам обеспечения антинаркотической безопасности и имеющимся ресурсам.

В рамках направления сокращения *спроса на наркотики* традиционно предусматриваются меры профилактики наркопотребления, включающие в себя общесоциальные меры предупреждения НОН. Основные риски в данном направлении связаны с превалирующей дисфункциональностью семей, низкой психологической культурой населения, неэффективностью системы образования в формировании компетенций, необходимых зрелому человеку в реальной жизни. Соответственно необходима система мероприятий, направленная на поэтапное формирование навыков конструктивного межличностного взаимодействия, психогигиены, развитие эмоционального интеллекта, получение необходимых знаний о законах функционирования семьи и развитии личности ребенка. Приоритетная форма реализации – тренинг, трансформационная игра, которые

позволяют наиболее эффективно осваивать преподносимый материал. Что касается ресурсной обеспеченности, то фактически в обоих регионах действуют коммерческие и некоммерческие объединения, занимающиеся данной деятельностью, отдельные специалисты, остается задача их привлечения к реализации этапов формирования необходимых навыков в соответствии с особенностями целевой аудитории.

Также стоит обратить внимание на традиционные усилия органов местного самоуправления и государственной власти по развитию спортивных объектов на территориях небольших муниципальных образований, тогда как без должного финансирования и программ развития остаются иные сферы интересов молодежи: различные направления классических и современных видов искусства, робототехника, языковая подготовка, финансовая грамотность, управление проектами, биохимические технологии и др. Кроме того, не уделяется внимания изменению социального фона и инфраструктуры «неблагополучных» районов населенных пунктов, в которых риски, связанные с вовлечением в НОН и наркопотребление возрастают.

Риски, связанные с латентностью наркопотребления и структурой наркопотребителей, их особенностями, низкими показателями ремиссии, предполагают актуальность систематизации применения *мер интервенционного (поведенческого) вмешательства в процесс наркопотребления и развития негативных его последствий*.

Система такого вмешательства отчасти развита на базе деятельности частных реабилитационных центров и медицинских служб, связана с процессом мотивирования наркопотребителя к лечению и реабилитации. Суть ее заключается в использовании подхода «равный – равному», в рамках которого готовятся консультанты-интервенты, как правило, с опытом наркопотребления (проще говоря, наркозависимые в ремиссии), в задачи которых входит анализ конкретной жизненной ситуации наркопотребителя, его характеристик и анамнеза, составление плана взаимодействия. Аналогичная система действует в Португалии в рамках работы SICAD и имеет схожие характеристики с действовавшими 10 лет назад на

территории Иркутской области Схемами направления наркопотребителей на лечебно-профилактические мероприятия.

В Португалии к выявленному наркопотребителю направляются специалисты «технической» группы CDT, состоящей, как правило, из психолога и социального работника. Работа данных групп в Португалии не носит карательного характера, фактически подведомственна Министерству здравоохранения. Группа проводит формализованное интервью с наркопотребителем, целью которого является конечное *определение группы риска* по трехбалльной шкале и категории потребителя (рекреационный или проблемный), в зависимости от чего формируется интервенционная стратегия действий. В рамках заданной стратегии основная цель – предоставить актуальную для потребителя с учетом конкретной ситуации информацию (профилактического характера или предметно относительно существующих вариантов помощи), при необходимости мотивировать к прохождению лечения и (или) реабилитации, представить маршрут реабилитации¹⁵⁸. Указанные группы действуют, в том числе, при координации сотрудников правопорядка, которые привлекают специалистов CDT при задержании наркопотребителей (при изъятии до десятидневной дозы наркотика уголовная ответственность не предусмотрена, но привлечение специалистов CDT обязательно). Опыт CDT Португалии демонстрирует возможности сокращения латентности наркопотребления, дифференцированного подхода к наркопотребителям с учетом современной трансформации их структуры, сокращения степени негативного влияния функционирования проблемных наркопотребителей на социальную среду, сокращения нагрузки на суды и органы правопорядка.

В российской практике регионов по-прежнему не существует системы и эффективных алгоритмов взаимодействия с наркопотребителями разных категорий, что существенно увеличивает их латентность, недоверие к органам

¹⁵⁸ Silvestri A. Gateways from crime to health: the Portuguese drug commissions (Winston Churchill memorial trust and prison reform trust). 2014. P. 16–19. URL: <http://www.sicad.pt/BK/Dissuasao/Documents/AS%20report%20GATEWAYS%20FROM%20CRIME%20TO%20HEALTH.pdf>

государственной власти и системе государственной наркологической помощи. Создание вне системы правосудия и официального наркологического учета единообразной системы поведенческого вмешательства, на основе имеющегося регионального и зарубежного опыта, является логичным продолжением развития системы раннего выявления наркопотребителей.

Относительно функций правоохранительных органов при становлении системы интервенционного (поведенческого) вмешательства необходимо обозначить задачи предметного развития социальной функции правоохранительных органов в соответствии с положениями Федерального закона № 182-ФЗ. Содержательно это связано с *введением обязанностей координаторов мониторинга и оказания помощи наркопотребителям при передаче необходимой информации действующим частным интервентам при реабилитационных центрах, что потребует также заключения соглашений между таковыми субъектами антинаркотической деятельности.*

Риски, связанные с особенностями социальной активности наркозависимых лиц и их биопсихологического статуса, актуализируют *инвентаризацию региональных программ реабилитации и лечения на предмет их реальной доступности и соответствия характеристикам целевой аудитории.*

Исследование показало, что наркозависимые лица, вовлекаемые в сбыт наркотиков, характеризующиеся повышенной общественной опасностью, по-прежнему, не состоят на наркологическом учете, при этом стаж наркопотребления может достигать 10 и более лет. Основная масса данных лиц концентрируется в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в связи с чем существуют особенности направления их на лечение и реабилитацию. Вместе с тем текущих *правовых механизмов побуждения* к вступлению в программы лечения и реабилитации недостаточно.

Кроме того, особенности биопсихологического статуса наркозависимых лиц с длительным стажем наркотизации, актуализируют применение на территории регионов *низкопороговых программ реабилитации*, целью которых является сокращение вреда, наблюдаемого от функционирования данных лиц, а также

постепенное вовлечение их в программы длительной реабилитации. Таковых в регионах нет.

С учетом последних данных об изменениях структур головного мозга наркозависимых лиц необходимы детальные исследования по возможности применения современных методов лечения, связанных как с заместительной терапией, так и с применением адресных лекарственных препаратов, рассчитанных на восстановление конкретных поврежденных структур головного мозга¹⁵⁹. В показателях эффективности лечения целесообразно выделить дополнительные, отражающие реальное течение заболевания и динамику общественной опасности лица (изменение вида, способа, дозировки потребляемого наркотика, выполнение социальных ролей и функций).

Помимо изложенного в данной сфере выделяется *проблема организации патронажа наркозависимых лиц* в период нестойкой ремиссии. Ее решение относилось к задачам федеральной государственной программы по реализации антинаркотической политики еще с 2014 года. Вместе с тем в регионах имеется достаточный опыт работы общественных объединений (например, обществ Анонимных наркоманов, алкоголиков), социальных служб (социальный патронаж на основе договора) и медицинских учреждений (медицинский патронаж), который подлежит изучению и сведению в единую систему с привлечением специалистов равного консультирования при реабилитационных центрах для наркозависимых граждан.

В рамках направления *сокращения незаконного предложения наркотиков конкретные* задачи и мероприятия по противодействию НОН ставятся согласно ведомственным приказам. Вместе с тем целесообразно обратить внимание на превалирование растительных видов наркотиков, изымаемых из незаконного оборота, при фактической распространенности синтетических наркотиков на нелегальном рынке; низкие показатели по составам легализации денежных средств,

¹⁵⁹ Goodkind M., Eickhoff S. B., Oathes D. J. Identification of a common neurobiological substrate for mental illness / M. Goodkind, S.B. Eickhoff, D.J. Oathes, Y. Jiang and others // JAMA Psychiatry. 2015. № 72 (4). P. 305–315.

полученных от НОН; превалирование лиц, осужденных за одноэпизодовые составы сбыта наркотиков, незаконные действия с наркотиками без цели сбыта, в составе осужденных за НОН. Указанные тенденции актуализируют необходимость повышения качества работы в пресечении деятельности организованных преступных групп, сообществ и легализации получаемых ими доходов. При этом необходимо учитывать специфику показателей эффективности работы правоохранительных органов, качество которой оценивается по традиционным показателям преступности (чем ниже, тем выше эффективность), а также ставятся внутренние задачи по выявлению наркопреступлений по конкретным составам, эффективность оценивается также сравнительно с показателями предыдущего года. Указанное способствует сохранению тенденции к применению мер быстрого реагирования на инцидент, достижению необходимых показателей, что никак не сказывается на действительной безопасности личности или общества в условиях НОН. На региональном уровне изменение показателей эффективности работы правоохранительных органов на данный момент нереалистично.

Также обращает на себя внимание состав осужденных участников сбыта наркотиков: большинство групп лиц по предварительному сговору и организованных преступных групп сформированы из действующих наркозависимых лиц при лидерстве недавно освободившихся осужденных, мигрантов или цыган. Сбыт наркотиков для последних – единственный и традиционный источник дохода. Соответственно в данном направлении на долгосрочную перспективу должны стоять задачи апробации программ социально-трудовой адаптации мигрантов из ближнего зарубежья; развитие системы реадаптации осужденных лиц после освобождения из мест лишения свободы.

Распространенность растительных видов наркотиков в регионах связана с обширным количеством неосвоенных земель. Мероприятия по уничтожению конопляных полей требуют значительных финансовых затрат, но при этом проводятся ежегодно, а земли продолжают оставаться невостребованными и вновь зарастают. Таким образом, целесообразно провести анализ возможного освоения земель, стоимость и рентабельность данных мероприятий.

Стандартно требуется повышение уровня технической обеспеченности деятельности правоохранительных органов сообразно современным способам сбыта наркотиков и рекламы. В связи с постоянным обновлением формул синтетических наркотиков требуется обновляемое оборудование в соответствующих лабораториях для определения в биологическом материале следов наркотических средств.

Полученные в рамках исследования данные показывают, что официально не учитываются действительные последствия от распространения наркотиков, что приводит к сужению представления о наркоситуации, рискам в обеспечении личной безопасности граждан. Таким образом, целесообразно выделение направления ***управление последствиями распространения наркотиков.***

В рамках данного направления представляется целесообразным проведение мониторинга изменений структуры наркопотребителей в населенных пунктах, определение наиболее общественно опасной группы, сравнение стоимости мероприятий по их ресоциализации и стоимости работы системы правосудия, здравоохранения. Осуществление возможно на базе центров социальных исследований.

На 2018 год, согласно докладу о наркоситуации в Иркутской области, в 2018 году 54 % раскрытых наркопреступлений были совершены наркопотребителями, наибольший процент вовлеченности в НОН которых наблюдается в Зиминском районном муниципальном образовании, г. Братске, Ольхонском и Киренском районах. Для текущих наркопотребителей, участвующих в НОН, актуальны профилактика развития сопутствующих наркомании заболеваний, поддержание с их стороны терапии, формирование мотивации к прохождению обязательного лечения, поддержание способности выполнения основных социально-ролевых функций, изменение микросоциальной среды. Решение указанных задач обеспечивает, с одной стороны, защиту личного здоровья, с другой стороны – общественному, а также выведению наркопотребителя из системы НОН, что повлечет сокращение групп по предварительному сговору, сбывающих наркотики опийного ряда, показателей

привлечения к ответственности лиц за совершение действий с наркотиками без цели сбыта, сокращение нагрузки на систему правосудия соответственно.

В силу обобщения вреда от наркопотребления и НОН до сих пор достоверно неизвестно о качестве последствий распространения растительных видов наркотика на территории регионов, тогда как они составляют основную долю изъятий. Конкретизация последствий распространения наркотиков также служит составляющей объективной оценки региональных рисков в социально-экономическом развитии, которое в соответствии с современными тенденциями в экономике привязано в большей степени к качеству человеческого капитала.

Также распространение наркопотребления и текущие приоритеты в борьбе с НОН влияют на безопасность личности лиц, нуждающихся в наркотических лекарственных препаратах. В случае совершения в отношении указанных лиц противоправных деяний, связанных с НОН, не стоит приоритета защиты прав пациента на оперативный доступ и восполнение украденных наркотических препаратов. Решение указанной задачи возможно через соглашение о взаимодействии органов внутренних дел с региональным Минздравом. Проблема чрезмерной уголовной ответственности врачей за нарушение правил оборота наркотиков на региональном уровне не решается.

В отдельное направление следует ***выделить кадровую обеспеченность антинаркотической деятельности.***

На текущий момент необходимо учитывать недостаток количества кадров наркологической службы, а именно врачей клинических психологов и психотерапевтов, перегруженность врачей психиатров-наркологов, что приводит к снижению качества процесса ресоциализации лиц и профилактики наркомании. Учитывая нагрузку, режим и специфику работы врачей необходимо ввести дополнительные социальные гарантии, касающиеся улучшения жилищных условий, пенсионного обеспечения, уровня заработной платы, что повышает привлекательность данной работы.

Деятельность клинических психологов и психотерапевтов в структуре учреждений уголовно-исполнительной система нуждается в оптимизации,

позволяющей увеличить количество времени на ведение психокоррекционных мероприятий, усилить помощь сотрудникам учреждений в решении задач профилактики совершения преступлений.

Отдельно требуется разработка программ обучения первичных субъектов профилактики правонарушений в системе правоохранительных органов по применению эффективных коммуникативных технологий при работе с лицами, имеющими психические расстройства, методикам воздействия на них. Освоение данных программ позволит повысить качество работы по профилактике преступного поведения, эффективно использовать рабочее время. Обучение данных субъектов проходит на базе профильного образовательного учреждения МВД.

Качество подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов, связанное с недостатком знаний и навыков в области юридической психологии, психотехнологий, общей и возрастной психологии, сказывается на повышении рисков в будущем профессиональной деформации бывших студентов, восприятию ими контингента, с которым придется работать, повышении риска нарушения прав и интересов подозреваемых и внештатных осведомителей. На уровне регионов можно разработать единую систему стандарта подготовки кадров, ориентированного на наращивание действительно необходимых компетенций в профессиональной деятельности.

В рамках организации межведомственного взаимодействия актуальна задача принятия единообразных схем взаимодействия между различными службами, включая институты гражданского общества, по поводу выявленных наркопотребителей, адресуемых рядовым исполнителям, являющихся первичным звеном системы профилактики правонарушений (участковые уполномоченные полиции, участковые социальные работники, терапевты, педиатры, врачи женской консультации, педагоги и иные). В целях создания единой системы профилактики правонарушений в соответствии с положениями Федерального закона № 182-ФЗ требуется региональная единая база общественных объединений, некоммерческих организаций, занятых в сфере помощи лицам, попавшим в трудную жизненную

ситуацию, так как на сегодня организации, осуществляющие однонаправленную работу в разных населенных пунктах регионов, могут не знать о существовании друг друга, что существенно сокращает возможности их развития и использования потенциала в силу отсутствия кооперации между однопорядковыми организациями.

В рамках осуществления *мониторинга наркоситуации* целесообразно ведение открытой единой базы данных по основным показателям антинаркотической работы, позволяющей оценивать динамику изменений состояния антинаркотической безопасности независимым экспертам. На сегодня секретари антинаркотических комиссий регионов готовят доклады по основным показателям в соответствии с методическими рекомендациями Государственного антинаркотического комитета РФ и на основе представленных данных участниками антинаркотических комиссий. Кроме того, до сих пор отсутствует единый банк данных по осужденным за НОН и наркопотребителям. Текущие особенности структуры наркопотребителей, совершенных наркопреступлений актуализируют градацию данных по осужденным за НОН и наркопотребителям по степени их действительной общественной опасности. Также целесообразно осуществление анализа причин концентрации соответствующих деяний на конкретной территории и представление данных органам местного самоуправления с предписанием об устранении выявленных причин.

Традиционно антинаркотическая деятельность нуждается *в инновационной поддержке, научной обоснованности*. Данная сфера обеспечения любой государственной деятельности не востребована. На региональном уровне возможно при минимальных затратах развить инновационный потенциал рассматриваемой деятельности. Иркутская область и Красноярский край отличаются сосредоточением научно-исследовательских центров, высших учебных заведений, что представляет собой неограниченный ресурс для использования.

На сегодня наиболее актуально создание малогабаритного, обновляемого и наименее затратного оборудования для определения в биологическом материале

следов потребления наркотиков, разработка которого возможна на базе научного исследовательского центра Иркутского государственного технического университета, Иркутского государственного университета, Красноярского государственного технического университета; актуальны проведение масштабных социологических исследований для определения структуры наркопотребителей и латентности наркопотребления, определение последствий его распространения. Необходимо предметное исследование зарубежных механизмов реинтеграции осужденных и наркозависимых лиц в социум, создание пилотных проектов реинтеграции. Проведение данных исследований возможно при привлечении молодых ученых, экспертов по заданным темам. Кроме того, в контексте востребованных практикоориентированных исследований и их представления субъектам антинаркотической деятельности решается проблема разрывы между наукой и практикой, связанная с низкой эффективностью специалистов научной сферы в решении практических задач и социального проектирования.

Формирование показателей эффективности отдельных мер обеспечения антинаркотической безопасности предполагает их соответствие выделяемым рискам и наиболее актуальным мерам по их минимизации. Схематично механизм обеспечения антинаркотической безопасности на региональном уровне представлен на рисунке 21.

Рис. 21. Механизм обеспечения антинаркотической безопасности

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка теории антинаркотической безопасности общества обусловлена недостаточностью употребляемых сегодня дефиниций по отношению к комплексной системе реализуемых и одновременно разрозненных мер предупреждения преступного поведения и наркопреступности как прогрессирующим видам угроз национальной безопасности. С другой стороны, реализуемые в настоящее время государственные стратегические меры обеспечения национальной безопасности, в том числе специального характера, указывают на несостоятельность правовых и иных мер предупреждения наркопреступности, их односторонность и изолированность от общего контекста. Изложенное подтверждается сохранением общих тенденций наркопреступности и связанных с нею социально-негативных явлений за последние 10 лет.

Концепция антинаркотической безопасности как криминологическая категория позволяет соединить воедино и создать целостную скоординированную систему мер превенции незаконного оборота наркотиков, объединенных общими целями, задачами, уровнями взаимодействия, субъектами реализации, соотнесенными с общей стратегической линией государства по обеспечению национальной безопасности и обеспечению безопасности криминологической, как основы предупреждения преступности.

Из теоретико-методологической части исследования вытекают следующие выводы:

Криминологическая безопасность является составным элементом национальной безопасности в сфере государственной деятельности по предупреждению преступности. В соответствии с положениями исходного феномена "безопасность", под криминологической безопасностью понимается не защищенность, а *устойчивость* общества как социальной системы при негативном функционировании ее неотъемлемой части в форме преступности, что предполагает *управление* последней на государственном уровне. Вопросы данного управления имманентно относятся к содержанию категории политики (в связи с

чем рассматривать обеспечение любого вида безопасности безотносительно к политике необоснованно).

Приоритетные цели и задачи государственного управления в различных сферах общественных отношений определяются в рамках *политики обеспечения национальной безопасности*. Обеспечение криминологической безопасности составляет одно из функциональных направлений реализации политики обеспечения национальной безопасности в рамках государственной деятельности по предупреждению преступности. Поэтому предупреждение отдельных видов преступлений, в том числе незаконного оборота наркотиков, предполагает выделение отдельного направления политики соответствующего вида безопасности, встраиваемого в политику обеспечения национальной безопасности.

Антинаркотическая политика как самостоятельное направление превенции незаконного оборота наркотиков и инструмент государственного управления включает совокупность организационно-правовых мер по обеспечению антинаркотической безопасности. Данная политика на сегодня не встроена в систему политики обеспечения национальной безопасности. Формирование основ антинаркотической безопасности, в свою очередь, позволяет соотнести стратегические цели антинаркотической политики с задачами и целями обеспечения национальной безопасности. Изложенное предопределяется выработкой и использованием индикаторов эффективности обеспечения антинаркотической безопасности общества как части национальной.

Антинаркотическая безопасность рассматривается как вид криминологической безопасности, которая является имманентным звеном безопасности национальной. Антинаркотическая безопасность понимается как устойчивость социальной системы к механизму незаконного оборота наркотиков, при которой реализуется специфический комплекс адресных мер по нейтрализации рисков и угроз, детерминированных его особенностями. Реализация обозначенного комплекса мер определяется как антинаркотическая деятельность, базирующаяся на принципах экологичности по отношению к личности – недопущении нормативно-правового закрепления и применения мер, влекущих ухудшение

состояния здоровья человека, его социальных навыков, разрушения его социальных связей.

Практическая пригодность и целесообразность проводимой антинаркотической политики целям обеспечения национальной безопасности подлежит оценке через следующие показатели: контролируемость наркоситуации, социально-экономическая стоимость принимаемых мер и состояние человеческих ресурсов в связи с их применением. Вместе с тем отсутствие фактических стабильных позитивных качественных изменений показателей наркопреступности и наркомании в течение десятилетия при одновременном ухудшении качественных особенностей человеческих ресурсов в связи с реализуемыми мерами текущей антинаркотической политики указывают на ее неэффективность. Изложенное приводит к необходимости конкретизации действительных рисков обеспечения антинаркотической безопасности и изменению показателей эффективности антинаркотической деятельности.

Под рисками обеспечения антинаркотической безопасности понимается вероятность возникновения или усиления действия непосредственных факторов наркопреступности. Выделение указанных рисков должно быть предметным, то есть применительно к опыту отдельно взятой территории и к конкретным субъектам. Указанное связано с тем, что обеспечение национальной безопасности в сфере предупреждения незаконного оборота наркотиков на федеральном уровне складывается из практики реализации антинаркотической политики *регионами*. Вместе с тем организационно-правовые и иные особенности антинаркотической деятельности регионов нередко приводят к некорректности использования данных о ее эффективности при оценке эффективности федеральной антинаркотической политики в целом.

Кроме того, выделение рисков детально на практике отдельного региона позволяет выявить конкретных субъектов, в деятельности которых происходит «сбой», практические особенности и причины отклонений, в результате чего не достигаются стратегически значимые показатели в обеспечении антинаркотической безопасности. Таким образом, анализ рисков связан с

идентификацией потенциальных возможностей отклонения правоприменительной практики и правотворческой работы от концептуальных оснований обеспечения антинаркотической безопасности, вероятность реализации и последствия которых могут быть оценены. Помимо изложенного, исследование региональной практики антинаркотической деятельности с позиции обеспечения антинаркотической безопасности позволяет: 1) установить конкретные пробелы в связке стратегической линии обеспечения национальной безопасности и оперативных планов, программ по ее направлению в сфере предупреждения наркопреступности как угрозы национальной безопасности; 2) выявить и проконтролировать достижение стратегически значимых показателей антинаркотической работы применительно к конкретной территории; 3) определить пробелы рационализации используемых ресурсов, в том числе человеческих.

Таким образом, введение категории риска обусловлено необходимостью наличия в концепте антинаркотической безопасности обязательного сегмента, позволяющего не только оценить степень вероятности наступления негативных последствий, но и основу целеполагания, выбора используемых мер и показателей эффективности правоприменительной практики при обеспечении антинаркотической безопасности.

Исследование региональных тенденций незаконного оборота наркотиков и наркопотребления, практики по противодействию данным явлениям в целях выявления *конкретных рисков* обеспечения антинаркотической безопасности показало следующее:

- отсутствие изменений в приоритетах деятельности правоохранительных органов, приводящее к нереализуемости базовых положения федерального законодательства в сфере предупреждения преступности в соответствии с целями обеспечения национальной безопасности;

- неудовлетворительные показатели, отражающие эффективность правоохранительных органов в противодействии наркобизнесу при одновременной их нефункциональности в части профилактики правонарушений, обеспечения безопасности личности, процесса ресоциализации осужденных лиц;

- доступность наркотиков в действительности не уменьшается, распространенность синтетических наркотиков стала характерной, а не специфической тенденцией. Тенденция использования информационных технологий в незаконном обороте наркотиков также является характерной. Данная тенденция вызывает затруднение только в связи с недостаточной технической обеспеченностью оперативно-розыскной деятельности (падение качества данной обеспеченности в определенной степени связано с расформированием Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков), а также спецификой задач, поставленных перед сотрудниками правоохранительных органов;

- наблюдаются процессы существенной структуризации наркопотребителей по степени общественной опасности и одновременной недостаточности методов воздействия на те их группы, которые отличаются интенсификацией рисков в обеспечении антинаркотической безопасности;

- недостаток показателей, отражающих динамику и закономерности поведения разных групп наркопотребителей, в официально учитываемой статистике при мониторинге наркоситуации искажает представление о последней;

- наблюдается тенденция к сохранению излишней криминализации ряда деяний при отсутствии акцента на *защиту прав личности*, обеспечение *ее безопасности*, а в конечном счете и безопасности общественного здоровья.

Исследование типовых криминологических особенностей лиц, осужденных за наркопреступления, позволило выделить три группы, функционирование которых определяет риски обеспечения антинаркотической безопасности, обусловленные особенностями поведения наркопреступников. Две из них отличаются специфическими особенностями.

Рекомендации проведенного исследования относятся как к сфере нормотворчества, так и к правоприменительной практике и состоят в следующем.

Во-первых, целесообразно изменить критерии оценки наркоситуации на индикаторы эффективности обеспечения антинаркотической безопасности как вида криминологической. Указанные индикаторы должны стать ключевыми и

отражать эффективность функционирования субъектов антинаркотической деятельности по нейтрализации выявленных рисков в ходе мониторинга наркоситуации.

Во-вторых, необходимо конкретизировать риски обеспечения антинаркотической безопасности с позиции их влияния на результативность антинаркотической деятельности и на качественное изменение традиционных детерминант незаконного оборота наркотиков. Указанное позволяет определить управляемые риски. В рамках данного исследования риски обеспечения антинаркотической безопасности систематизированы, выделены их субъективные и объективные виды. В основу систематизации был положен комплексный критерий – проблемы реализации функций основных субъектов и иных участников деятельности по обеспечению антинаркотической безопасности, их качественная эффективность.

В-третьих, в соответствии с выявленными рисками обеспечения антинаркотической безопасности предложены актуальные меры ее обеспечения сообразно основным сложившимся направлениям антинаркотической деятельности, а также механизм обеспечения антинаркотической безопасности.

Механизм обеспечения антинаркотической безопасности на концептуальной основе выстраивается на принципе экологичности по отношению к человеку и в соответствии с положениями концепции криминологической безопасности. Правовая основа (общая) включает в себя ряд документов стратегического планирования (стратегию национальной безопасности, концепцию общественной безопасности, стратегию антинаркотической политики, основные направления (программы) реализации антинаркотической политики на региональном уровне).

Вопросы надзора за эффективным использованием финансовых ресурсов антинаркотической деятельности относятся к компетенции Контрольно-счетной палаты региона, замечания которой по результатам проверок обязательны к устранению субъектами, отвечающими за координирование антинаркотической деятельности. Указанное координирование осуществляется антинаркотической комиссией региона, в составе которой необходим постоянно действующий элемент

– экспертная группа по стратегическому управлению наркоситуацией. Его введение связано с недостаточностью нормативно-правовой базы и практики стратегического планирования на региональном уровне. При этом текущее координирующее звено – антинаркотические комиссии в регионах – на практике работают как периодические собрания всех субъектов антинаркотической деятельности в целях улучшения межведомственного взаимодействия в решении задач каждого отдельного субъекта, т. е. фактически решает оперативные задачи. Работа экспертной группы, в свою очередь, предполагает открытый рабочий цикл, позволяющий вовремя корректировать направления, меры и идентифицировать актуальные риски обеспечения антинаркотической безопасности в связке с общей линией политики обеспечения национальной безопасности и криминологической. Экспертная группа ответственна за формирование единой стратегии региона по обеспечению антинаркотической безопасности с учетом специфики деятельности, задач и ресурсов, показателей эффективности работы субъектов антинаркотической деятельности, мониторинг фактической наркоситуации. Изложенное позволяет существенно повысить качество планирования антинаркотической деятельности и перевести ее на уровень проактивного планирования.

Открытый рабочий цикл экспертной группы по стратегическому планированию включает сбор данных, их анализ и практическую проверку, формулирование, дифференциацию актуальных рисков, имеющихся ресурсов, формирование долгосрочных и среднесрочных задач и показателей их выполнения, формирование системы мероприятий обеспечения антинаркотической безопасности, включение их в государственные программы, распределение ответственных субъектов за реализацию, дальнейший мониторинг выполнения поставленных задач, мероприятий и наркоситуации.

В механизм обеспечения антинаркотической безопасности включен ряд основных субъектов, приведенных в третьей главе данного диссертационного исследования. Межведомственное взаимодействие между указанными субъектами предполагает на нормативном уровне заключение соглашений о взаимодействии в

соответствии с поставленными задачами экспертной группой антинаркотической комиссии. Обмен информацией между выделяемыми субъектами предполагает также упрощение данного процесса, в том числе в электронной форме. Кроме того, сообразно выделенным рискам обеспечения антинаркотической безопасности в третьей главе данного диссертационного исследования приведены меры, необходимые к реализации рассматриваемыми субъектами с учетом специфики их деятельности и состояния ресурсов.

Перспективы дальнейшей разработки темы исследования. Проведенное диссертационное исследование не решает всех проблем, связанных с обеспечением антинаркотической безопасности как системной деятельности государственных и общественных институтов по нейтрализации рисков, продуцируемых незаконным оборотом наркотиков, его современными особенностями. Вместе с тем внедрение теории антинаркотической безопасности в модель национальной безопасности позволяет с учетом выделенных рисков и индикаторов эффективности деятельности по их нейтрализации проводить дальнейший мониторинг незаконного оборота наркотиков и результативности его превенции.

Таким образом, результаты настоящего диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшего научного познания указанной темы, что предполагает возможность сформировать оптимальный механизм обеспечения антинаркотической безопасности, отвечающий современным реалиям и приоритетам. Также результаты проведенного исследования позволяют антинаркотическим комиссиям регионов и другим субъектам обеспечения антинаркотической безопасности комплексно и системно, согласованно и эффективно реализовывать заданные на федеральном уровне приоритеты.

Такая деятельность имеет более высокий потенциал и эффект, поскольку конкретизирована сообразно актуальным рискам и имеющимся ресурсам обеспечения антинаркотической безопасности на конкретных территориях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года // СЗ РФ. – 2000. – № 22. – Ст. 2269.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Сборник международных договоров ССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. – М.: Междунар. отношения, 1994. – С. 133–157.

3. Конвенция о психотропных веществах // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXV. – М.: Междунар. отношения, 1981. – С. 416–434.

4. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июл. 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 431. – Ст. 4398.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [по состоянию на 08 апреля 2021 г.]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ [по состоянию на 05 апреля 2021 г.]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ [по состоянию на 13 апреля 2021 г.]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ [по состоянию на 20 апреля 2021 г.]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О безопасности : Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 05 окт. 2015 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.
10. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 26. – Ст. 3851.
11. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 31 дек. 2017 г.) // СЗ РФ. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.
12. О полиции : Федер. закон от 07 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 18 июля 2019 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
13. О наркотических средствах и психотропных веществах : Федер. закон от 08 янв. 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 219.
14. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
15. Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 09 июня 2010 г. № 690 (ред. от 23 февр. 2018 г.) // СЗ РФ. – 2010. – № 24. – Ст. 3015.
16. Концепция общественной безопасности [Электронный ресурс] : утв. указом Президента РФ от 14 нояб. 2013 г. № Пр-2685. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации : послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 нояб. 2010 г. // Российская газета. – 2010. – № 271.
18. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации : послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03 дек. 2015 г. // Российская газета. – 2015. – № 275.
19. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации : послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01 марта 2018 г. // Российская газета. – 2018. – № 46.

20. Об утверждении положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 485 // СЗ РФ. – 2011. – № 26. – Ст. 3808.

21. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р (ред. от 28 сент. 2018 г.) // СЗ РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

22. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности безопасности [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 02 сент. 2013 г. № 660. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. О профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании и токсикомании в Иркутской области (с изм. на 27 дек. 2018 г.) [Электронный ресурс] : Закон Иркутской области от 07 окт. 2009 г. № 62/28-оз. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Об утверждении государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2019–2024 годы (ред. от 29 авг. 2019 г.) [Электронный ресурс] : постановление Правительства Иркутской области от 1 нояб. 2018 г. № 797-пп. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. О внесении изменений в государственную программу Иркутской области «Молодежная политика» на 2019–2024 годы [Электронный ресурс] : постановление Правительства Иркутской области от 02 апр. 2019 г. № 272-пп. – Документ

опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Об утверждении системы целеполагания социально-экономического развития Иркутской области верхнего уровня и перечня показателей результативности для системы целеполагания социально-экономического развития Иркутской области верхнего уровня (ред. от 24 нояб. 2016 г.) [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Иркутской области от 10 сент. 2014 г. № 749-рп. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Об утверждении плана мероприятий по реализации государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2019–2024 годы [Электронный ресурс] : распоряжение Министерства по молодежной политике Иркутской области от 25 дек. 2018 г. № 313-мр. – Документ опубликован не был. – Режим доступа : <https://mmp38.ru/documents/regional-legislation/>

29. О внесении изменения в план мероприятий по реализации государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2019–2024 годы на 2019 год [Электронный ресурс] : распоряжение Министерства по молодежной политике Иркутской области от 23 апр. 2019 г. № 112-мр. – Документ опубликован не был. – Режим доступа : <https://mmp38.ru/documents/regional-legislation/>

30. О внесении изменения в план мероприятий по реализации государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2019–2024 годы на 2019 год [Электронный ресурс] : распоряжение Министерства по молодежной политике Иркутской области от 11 июля 2019 г. № 185-мр. – Документ опубликован не был. – Режим доступа : <https://mmp38.ru/documents/regional-legislation/>

31. О результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности реализации государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2014–2020 годы [Электронный ресурс] : отчет

Контрольно-счетной палаты Иркутской области от 02 нояб. 2017 г. № 05/22 / Ю. Б. Махтина. – Документ опубликован не был. – Режим доступа: http://irksp.ru/wp-content/uploads/2018/05/km_05_22.pdf

32. Action to promote effective crime prevention [Electronic source] : resolution ECOSOS (UN) of 24 July 2002 № 2002/13 // Resolutions and decisions adopted by the Economic and Social Council at its substantive session of 2002. – Available at : <http://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2002/07/E2002INF2Add2.pdf>

33. Reducing Harm, Supporting Recovery a health-led response to drug and alcohol use in Ireland 2017-2025 [Electronic source] : Department of Health. – Available at : <https://health.gov.ie/wp-content/uploads/2017/07/Reducing-Harm-Supporting-Recovery-2017-2025.pdf>

34. Estrategia Nacional sobre Adicciones 2017–2024 [Recurso electrónico] : Ministerio de Sanidad, Servicios Sociales e Igualdad. – Régimen de acceso : <http://www.emcdda.europa.eu/system/files/attachments/9224/Ministry%20of%20Health%20%20Social%20Services%20and%20Equality%20Spain%20282018%29%20Spanish%20National%20Strategy%20on%20Addictions%202017-2024%20-%20Annex.pdf>

35. Plano estratégico 2017–2019 – Serviço de Intervenções Comportamentos Aditivos e nas Dependências [Recurso eletrônico] : Serviço de Intervenções Comportamentos Aditivos e nas Dependências. – Régimen de acceso : http://www.sicad.pt/BK/Institucional/Instrumentos/PlanoEstrategico/Lists/planoEstrategico/Attachments/5/SICAD_Plano%20Estrategico%202017-19.pdf

36. Defines the Legal Framework Applicable to the Consumption of Narcotics and Psychotropic Substances, together with the Medical and Social Welfare of the Consumers of such Substances without Medical Prescription [Electronic source] : Law Nº 30/2000, of 29 November. – Available at : https://www.unodc.org/res/cld/document/prt/law30_html/portugal_law_30_2000.pdf

37. Crime and Disorder Act 1998 [Electronic source] : Home Office act July 31 1998. – Available at : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/contents>

**II. Монографии, учебники, курсы лекций,
учебные и справочные пособия**

38. Антонян, Ю. М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности : монография / Ю. М. Антонян. – М. : Камерон, 2006. – 304 с.

39. Антонян, Ю. М. Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 364 с.

40. Антонян, Ю. М. Преступное поведение и психические аномалии : монография / Ю. М. Антонян, С. В. Бородин ; под ред. В. Н. Кудрявцева; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – М. : Спарк, 1998. – 215 с.

41. Антонян, Ю. М. Наука криминология: монография / Ю. М. Антонян. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 376 с.

42. Антонов, А. Б., Балашов, В. Г. Основы обеспечения безопасности личности, общества и государства : учеб. пособие / А. Б. Антонов, В. Г. Балашов. – М. : Институт защиты предпринимателя, 1996. – 141с.

43. Бабаев, М. М. Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовичкин. – М. : Проспект, 2014. – 327 с.

44. Бачурин, А. Г. Порядок постановки и снятия с профилактического учета ОВД отдельных категорий граждан, проведение сотрудниками полиции профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений : учеб.-метод. пособие / А. Г. Бачурин, А. И. Щеглов. – Барнаул : Изд-во Барнаульского юридического института МВД России, 2016. – 48 с.

45. Бабурин, В. В. Концепция риска в уголовном праве: монография / В. В. Бабурин. – Омск : Омская академия МВД России, 2008. – 260 с.

46. Березин, С. В. Психология наркотической зависимости и созависимости : монография / С. В. Березин, К. С. Лисецкий, Е. А. Назаров. – М. : МПА, 2001. – 212 с.

47. Блюдина, У. А. Борьбы с наркоманией в современной России: взгляд социолога права / У. А. Блюдина ; Научно-исследовательский центр «Регион». – Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2006. – 295 с.
48. Возжеников, А. В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России / А. В. Возжеников. 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЭДАС ПАК, 2000. – 358 с.
49. Вешнева, С. А. Медикализация в наркологии: история, клинический смысл и социальные перспективы: монография / С. А. Вешнева. – М. : РУСАЙНС, 2017. – 138 с.
50. Габиани, А. А. Наркотизм вчера и сегодня / А. А. Габиани. – Тбилиси : Сабчота Сакартвело, 1988. – 256 с.
51. Горшенков, Г. Н. Криминологический словарь : монография / Г. Н. Горшенков ; Федер. агентство по образованию, Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. госуниверситета, 2004. – 240 с.
52. Горшенков, Г. Г. Антикриминальная безопасность личности: монография / Г. Г. Горшенков. – Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2006. – 294 с.
53. Гордон, Д., Майерс-Андерсон, М. Феникс. Терапевтические паттерны Милтона Эриксона / Д. Гордон, М. Майерс-Андерсон. – М. : Прайм-Еврознак, 2004. – 187 с.
54. Гишинский, Я. И. Социальное насилие : монография / Я. И. Гишинский. – СПб. : Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. – 185 с.
55. Гишинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений» / Я. И. Гишинский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 520 с.
56. Жмуров, Д. В. Криминология : учеб.-нагляд. пособие / Д. В. Жмуров. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. – 128 с.

57. Зазулин, Г. В. Антинаркотическая политика в России: проблемы становления (2000–2013 годы) / Г. В. Зазулин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2013. – 327 с.
58. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / под ред. проф. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2001. – 576 с.
59. Иншаков, С. М. Зарубежная криминология / С. М. Иншаков. – М. : ИНФРАНОРМА-М, 1997. – 383 с.
60. Иншаков, С. М. Методологические основы национальной безопасности: монография / С. М. Иншаков. – М. : РУСАЙНС, 2017. – 278 с.
61. Иншаков, С. М. Национальная безопасность: ядерная модель / С. М. Иншаков. – М. : РУСАЙНС, 2021. – 260 с.
62. Карпец, А. В. Мониторинг и оценка наркоситуации / А. В. Карпец, И. Е. Махров, Э. М. Виноградова. – М. : Юстицинформ, 2010. – 224 с.
63. Костюченко, Н. И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы / Н. И. Костюченко ; Краснодарский ун-т МВД России. – Краснодар, 2016. – 350 с.
64. Клейменов, И. М. Сравнительная криминология / И. М. Клейменов. – М. : Норма, 2012. – 368 с.
65. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / Кузнецова Н. Ф. ; под ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 208 с.
66. Криминология / под ред. А. И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2010. – 1008 с.
67. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. – 800 с.
68. Лапин, А. А., Лебедев, С. Я. Стратегия обеспечения криминологической безопасности личности, общества, государства и ее реализация органами внутренних дел / А. А. Лапин ; под ред. С. Я. Лебедева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 295 с.

69. Лепский, В. Е. Эволюция представлений об управлении: (методологический и философский анализ) / В. Е. Лепский. – М. : Когито-Центр, 2015. – 107 с.
70. Лунеев, В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ / В. В. Лунеев. – М. : Норма, 1997. – 525 с.
71. Лунеев, В. В. Эпоха глобализации и преступность / В. В. Лунеев. – М. : Норма, 2007. – 272 с.
72. Миньковский, Г. М. Наркотизм: профилактика и стратегия борьбы с преступностью в России и за рубежом / Г. М. Миньковский, Э. Ф. Побегайло, В. П. Ревин, Б. П. Целнский. – М. : Изд-во ИНИОН РАН, 1999. – 156 с.
73. Репецкая, А. Л. Криминология: Общая часть : учеб. пособие / А. Л. Репецкая, В. Я. Рыбальская. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1999. – 240 с.
74. Овчинский, В. С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2018. – 352 с.
75. Овчинский, В. С., Федоров, А. В. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков : сборник документов / сост. В. С. Овчинский, А. В. Федоров. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 624 с.
76. Олейников, Е. А. Экономическая и национальная безопасность : учебник / Е. А. Олейников. – М. : Экзамен, 2005. – 766 с.
77. Светлов, В. А. Конфликт: модели, решения, менеджмент : учеб. пособие / В. А. Светлов. – СПб. : Питер, 2005. – 540 с.
78. Селезнева, Н. Т. Жизнеспособность личности : монография / Н. Т. Селезнева, Н. В. Рубленко, Т. Ю. Тодышева ; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева». – Красноярск : Изд-во КГПУ им. В. П. Астафьева, 2016. – 306 с.
79. Стручков, Н. А. Преступность как социальное явление: лекции по криминологии / Н. А. Стручков. – Л. : Изд-во Высшего полит. училища им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1979. 120 с.
80. Схемы направления наркопотребителей на лечебно-профилактические мероприятия: метод. рекомендации / УНП ООН. – М. : ООО «Верди», 2011. – 56 с.

81. Харабет, К. В. Противодействие наркотизму и наркопреступности в Вооруженных Силах Российской Федерации (социально-правовое и криминологическое исследование) : монография / К. В. Харабет. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 346 с.
82. Шестаков, Д. А. Криминология / Д. А. Шестаков. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 561 с.
83. Шаваева, А. Г. Криминологическая безопасность негосударственных объектов экономики / А. Г. Шаваева. – М.:ИНФРА-М., 1995. – 126 с.
84. Braga, A. A. Problem-oriented policing and crime prevention : 2nd edition / A. A. Braga. – New York : Criminal Justice Press Monsey, 2008. – 258 p.
85. Balloch, S. Partnership Working: Policy and Practice / S. Balloch, M. Taylor. – Bristol : Policy Press, 2001. – 304 p.
86. De Waard, J. The crime drop in The Netherlands and other industrialized countries: Trends and possible explanations [Electronic source] / J. de Waard. – 2015. – 48 p. – Available at : https://www.researchgate.net/profile/Jaap_De_Waard
87. Davis, K. The theory of multiple intelligences / K. Davis, J. Christodoulou, S. Seider, H. Gardner : in book Cambridge Handbook of Intelligence / ed. by R. J. Sternberg, S. B. Kaufman. – New York : Cambridge University Press, 2011. – P. 485–503.
88. Donoghue, J. Anti-Social Behaviour Orders: a culture of control? / J. Donoghue. – London : Palgrave Macmillan, 2010. – 180 p.
89. Ekblom, P. Crime prevention, security and community safety using the 5Is framework / P. Ekblom. – London : Palgrave Macmillan, 2011. – 350 p.
90. Facing Addiction in America: The Surgeon General's Report on Alcohol, Drugs, and Health [Electronic source] // U.S. Department of Health and Human Services, Office of the Surgeon General. – Washington : HHS, 2016. – Available at : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK424857/>
91. Furnham, A. Emotional intelligence [Electronic source] / A. Furnham : in book Emotional Intelligence – New Perspectives and Applications / ed. by A. Di Fabio.

2012. – P. 3–29. – Available at : [https:// www. researchgate. net/ publication/221923485_Emotional_Intelligence](https://www.researchgate.net/publication/221923485_Emotional_Intelligence)

92. Garland, D. The Culture of Control. Crime and social order in contemporary society / D. Garland. – New York : Oxford University Press, 2001. – 367 p.

93. Handbook of Crime Prevention and Community Safety: 2nd edition / edited by N. Tilley, A. Sidebottom. – New York : Routledge, 2017. – 600 p.

94. Principle 4: social inclusion [Electronic source] // International Drug Policy Consortium. – Available at : <https://idpc.net/about/policy-principles/principle-4>

95. Millie, A. Volunteering within the Police: experience of special constables and Police support volunteers [Electronic source] : report for Lancashire Constabulary / A. Millie. – 2016. – Available at : [https://www.researchgate.net/ publication/328335211_Volunteering_within_the_Police_ _Experiences_ of_Special_ Constables_ and_Police_Support_Volunteers](https://www.researchgate.net/publication/328335211_Volunteering_within_the_Police_Experiences_of_Special_Constables_and_Police_Support_Volunteers)

96. McAllister, W. B. Drug Diplomacy in the Twentieth Century / W. B. McAllister. – London, New York : Routledge, 2000. – 344 p.

97. McWilliams, J. C. Standing in the Shadows: The Legacy of Harry J. Anslinger [Electronic source] : lecture / J. C. McWilliams // DEA Museum Lecture Series. – 2014. – P. 1–37. – Available at : [https://www.deamuseum.org/wp-content/ uploads/ 2015/08 /101514-DEAMuseum-LecturesSeries-StandingintheShadows- transcript.pdf](https://www.deamuseum.org/wp-content/uploads/2015/08/101514-DEAMuseum-LecturesSeries-StandingintheShadows-transcript.pdf)

98. Rosenau, J. Governance without Government: Order and Change in World Politics / J. Rosenau, E. O. Czempiel. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 323 p.

99. Silvestri, A. Gateways from crime to health: the Portuguese drug commissions [Electronic source] / Silvestri, A. ; Winston Churchill memorial trust and prison reform trust. – 2014. – 58 p. – Available at : [http://www.sicad.pt/BK/ Dissuasao/Documents/AS%20report%20GATEWAY%20FROM%20CRIME%20 TO %20HEALTH.pdf](http://www.sicad.pt/BK/Dissuasao/Documents/AS%20report%20GATEWAY%20FROM%20CRIME%20TO%20HEALTH.pdf)

III. Научные статьи и публикации в периодических изданиях

100. Абрамов, А. Ю. Обзор практики в отношении использования наркотических лекарственных препаратов в медицинских целях / А. Ю. Абрамов // Социальные аспекты здоровья населения. – 2013. – Т. 30, № 2. – С. 1–10.

101. Антонян, Ю. М. Особый криминологический тип личности: расчеловеченные люди / Ю. М. Антонян // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25, № 1. – С. 9–10.

102. Абдуллоева, Л. М. Политика как средство государственного управления / Л. М. Абдуллоева // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2017. – № 2/5–2. – С. 295–299.

103. Ахметшин, Р. Г. Анонимность в глобальной сети / Р. Г. Ахметшин, Л. В. Киселева // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. – 2016. – № 1 (33). – С. 265–269.

104. Ахмадуллин, А. С. Деятельность государства, направленная на криминализацию и декриминализацию деяний, как причина изменений в регистрации преступности / А. С. Ахмадуллин // Вестник ВЭГУ. – 2018. – № 2(94). – С. 7–15.

105. Бабаев, М. М. Теоретические и прикладные проблемы обеспечения криминологической безопасности / М. М. Бабаев, В. А. Плешаков // Уголовная политика и проблемы безопасности государства: труды Академии управления МВД России. – М., 1998. – С. 25–32.

106. Бабаев, М. М. Риски как компонент детерминационного комплекса преступности / М. М. Бабаев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1(41). – С. 104–110.

107. Босхолов, С. С., Сидорова, Е. З. Понятие системы обеспечения криминологической безопасности образования / С. С. Босхолов, Е. З. Сидорова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 3 (94). – С. 66–73

108. Богданов, В. Ю. Индекс развития человеческого потенциала как показатель устойчивого развития региона / В. Ю. Богданов // Известия Иркутской

государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2013. – № 4. – С. 9.

109. Бычкова, А. М. Новые потенциально опасные психоактивные вещества: неадекватность правового реагирования на вызовы наркорынка / А. М. Бычкова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2016. – Т. 26, № 3. – С. 484–492.

110. Бычкова, А. М. Судебный прецедент как способ противодействия распространению новых потенциально опасных психоактивных веществ / А. М. Бычкова // Baikal research journal. – 2016. – Т. 7, № 5. – С. 4.

111. Бычкова, А. М., Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков / А. М. Бычкова, А. П. Суходолов // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 5–17.

112. Воронин, Ю. А. Предупреждение преступности в зарубежных странах / Ю. А. Воронин // Вестник Челябинского государственного университета. Право. – 2012. – № 27(281). – С. 86–88.

113. Габиани, А. А. Кто такие наркоманы? / А. А. Габиани // Социологические исследования. – 1992. – № 2. – С. 78–83.

114. Галузин, А. Ф. О наркотизме и нарколоббизме в теории и практике обеспечения безопасности личности, общества (государства) / А. Ф. Галузин // Право и политика. – 2007. – № 1. – С. 30–37.

115. Гаврюшкин, Ю. Б., Антинаркотическая безопасность государства и ее значение в современных условиях / Ю. Б. Гаврюшкин, А. А. Бордачева // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 180–183.

116. Демина, Л. Д. Психологическая культура личности: общепсихологический аспект / Л. Д. Демина, Н. А. Лужбина // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 40. – С. 60–66.

117. Демьянова, И. О. Индекс развития человеческого потенциала региона как фактор стратегического развития территории / И. О. Демьянова, М. С. Сюпова // Ученые заметки ТОГУ. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 232–236.

118. Евсюкова, Н. В. МРТ-морфометрия головного мозга у наркозависимых пациентов до и после стереотаксического вмешательства // Н. В. Евсюкова, И. Р. Кузина, Т. А. Ахадов // Сибирский медицинский журнал. – 2008. – Т. 23, № 3–2. – С. 96–100.
119. Зазулин, Г. В. Антинаркотическая деятельность в Российской Федерации: криминологические проблемы и пути их решения / Г. В. Зазулин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. 4(35). – С. 48–56.
120. Зикеев, В. А. Критический анализ Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / В. А. Зикеев // Вестник Краснодарского Университета МВД России. – 2017. – № 2(36). – С. 67–72.
121. Ильин, М. В. Что есть политика и что – наука о политике (опыт нетрадиционного обзора) / М. В. Ильин, Б. И. Кобаль // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 4. – С. 103–115.
122. Карнозова, Л. М. Пути формирования в России дружественного к ребенку правосудия: кодификация законодательства и социально-педагогическая инфраструктура / Л. М. Карнозова // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 4. – С. 150–172.
123. Кийко, Ю. М. Антинаркотическая безопасность как инструмент защиты национальных социально-экономических интересов России / Ю. М. Кийко // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2016. – № 6. – С. 117–131.
124. Клейменов, И. М. Полицейские органы Великобритании / И. М. Клейменов // Вестник Омского университета: Серия «Право». – 2011. – № 3(28). – С. 80–84.
125. Кнорре, А. В. Наркопреступления в России: анализ судебной и криминальной статистики [Электронный ресурс] : аналитическая записка / А. В. Кнорре // Институт проблем правоприменения. – СПб. 2017. – Режим доступа : http://enforce.spb.ru/images/Knorre_Drug_crimes_in_Russia.pdf

126. Колокольцев, А. В. Роль правоохранительных органов в обеспечении антинаркотической безопасности / А. В. Колокольцев // Антинаркотическая безопасность. – 2015. – № 1(4). – С. 64–68.

127. Комаров, О. Ю. Проблемы эффективности уголовной политики в контексте законодательной регламентации основ профилактики правонарушений (отдельные аспекты) / О. Ю. Комаров // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2017. – № 6(6). – С. 74–83.

128. Кожевников, С. А. Повышение эффективности государственного управления – ключевая задача для современной России / С. А. Кожевников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 3. – С. 78–99.

129. Кузнецова, Н. Ф. Эффективность правовых средств борьбы с наркотизмом / Н. Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1988. – № 2. – С. 32–40.

130. Кури, Х. Эффективность наказания: результаты международных исследований / Х. Кури, О. Ю. Ильченко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2 (26). – С. 240–256.

131. Малько, А. В. Антинаркотическая политика как важнейший элемент антинаркотической функции современного российского государства и гражданского общества / А. В. Малько, А. Ф. Галузин, В. В. Лошкарев // Современное право. – 2012. – № 5. – С. 72–75.

132. Макушкин Е. В., Байбарина Е. Н., Чумакова О. В., Демечева Н. К. Основопологающие задачи и проблемы охраны психического здоровья детей в России / Е. В. Макушкин, Е. Н. Байбарина, О. В. Чумакова, Н. К. Демечева // Психиатрия. – 2015. – № 04(68). – С. 5–12.

133. Минуллина, А. Ф. Роль семьи в формировании антиципационной состоятельности наркозависимых / А. Ф. Минуллина // Вестник Татарского

государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – № 20. – С. 316–324.

134. Номоконов, В. А. Определение и классификация причин конкретных преступлений / В. А. Номоконов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1985. – № 6. – С. 39–46.

135. Номоконов, В. А. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? / В. А. Номоконов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 1(15). – С. 32–36.

136. Номоконов, В. А. Некоторые проблемы оптимизации антикриминальной политики / В. А. Номоконов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 36–42.

137. Овезов, Н. А. Влияние наркомании на совершение корыстных преступлений / Н. А. Овезов // Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ними. – М., 1989. – С. 30–34.

138. Откидач, А. О. К вопросу о возбуждении уголовных дел в отношении неустановленных сбытчиков наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / А. О. Откидач // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 10. – С. 205–209.

139. Пудовочкин, Ю. Е. Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации / Ю. Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 82–91.

140. Разогреева, А. М. «Потребление безопасности» и ситуационный поворот в стратегии и практиках предупреждения преступлений / А. М. Разогреева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 93–96.

141. Розанов, В. А. Психическое здоровье детей и подростков – попытка объективной оценки динамики за последние десятилетия с учетом различных подходов / В. А. Розанов // Социальная и клиническая психиатрия. – 2018. – Т. 88, № 1. – С. 62–73.

142. Репецкая, А. Л. Преступность в России и проблемы ее предупреждения / А. Л. Репецкая // Пролог: журнал о праве. – 2014. – №3(7). – С. 28–33.
143. Садовникова, М. Н. Дружественное к ребенку правосудие и восстановительно-медиативные технологии: аналитический обзор научно-практических форумов восточной Сибири / М. Н. Садовникова, Э. Л. Раднаева // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 1. – С. 92–99.
144. Семеновских, Т. В. Многомерность инклюзии / Т. В. Семеновских // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 5–3. – С. 153–155.
145. Сергеев, А. Б. Различные подходы к оценке достаточности оснований для возбуждения уголовного дела по факту сбыта наркотических средств / А. Б. Сергеев, Т. В. Попова, А. Н. Савченко, О. В. Уренева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 2(36). – С. 116–123.
146. Тарасова, Е. Н. Личная безопасность граждан и ее конституционные гарантии в современном обществе / Е. Н. Тарасова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 85. – С. 361–364.
147. Тимохин, П. П. К формированию концепции безопасности России / П. П. Тимохин // Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. – 1993. – № 6(12). – С. 30–34.
148. Титушкина, Е. Ю. Новый этап формирования «профилактического права» / Е. Ю. Титушкина // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 4(40). – С. 23–26.
149. Тонков, Е. Е. Антинаркотическая политика в России: неутешительные итоги, или двадцать лет спустя / Е. Е. Тонков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2015. – № 14(211). – С. 129–136.
150. Фомин, А. М. Экономическая безопасность государства / А. М. Фомин // Международные процессы. – 2010. – Т. 8, № 34. – С. 118–133.

151. Федоров, А. В. Российская уголовно-правовая антинаркотическая политика: отдельные тенденции развития / А. В. Федоров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. В. Бобокова филиала Российской таможенной академии. – 2014. – № 1 (49). – С. 88–121.

152. Шестаков, Л. А. Российская модель ювенального уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы / Л. А. Шестаков, Ю. Д. Лягошина // Марийский юридический вестник. – 2017. – № 3(22). – С. 57–60.

153. Шишкова, А. М., Бочаров В. В. Психологические особенности матерей наркозависимых / А. М. Шишкова, В. В. Бочаров // Вестник СПбГУ. Серия. 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – № 1. – С. 151–161.

154. Щербаков, А. Д. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: критическая заметка / А. Д. Щербаков // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – № 11. – С. 170–174.

155. Чернобровкина, С. В. Кризис юности: взаимосвязь особенностей переживания с характеристиками социально-психологической адаптации / С. В. Чернобровкина // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2010. – № 1. – С. 25–38.

156. Янин, С. А. К вопросу об исключении возможности возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных лиц при отсутствии сведений о факте и обстоятельствах сбыта наркотиков: теоретический и практический аспекты / С. А. Янин, Н. С. Костенко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 147–150.

157. Ясавеев, И. Г. Конструкционистский подход к социальным проблемам / И. Г. Ясавеев // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т. 2, № 4. – С. 533–546.

158. Ясавеев, И. Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций / И. Г. Ясавеев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. 9, № 1. – С. 91–102.

159. Ясавеев, И. Г. Риторика контролируемого бедствия: специфика конструирования ФСКН проблемы потребления наркотиков / И. Г. Ясавеев // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 7–22.
160. Ясавеев, И. Г. Наркоистерия в «странах тюрем» / И. Г. Ясавеев // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 14, № 3. – С. 437–440.
161. Allman, D. Social inclusion from on high: A poststructural comparative content analysis of drug policy texts from Canada and Scotland / D. Allman // International Journal of Drug Policy. – 2019. – Vol. 71. – P. 19–28.
162. Brandova, N. Social exclusion among problem drug users / N. Brandova, A. Kajanova // Journal of Nursing, Social Studies, Public Health and Rehabilitation. – 2015. – № 3–4. – P. 123–129.
163. Bewley-Taylor, D. Fifty years of the 1961 Single Convention on narcotic drugs: a reinterpretation / D. Bewley-Taylor, M. Jelsma // International Journal of Drug Policy. – 2012. – № 23. – P. 72–81.
164. Bennett, C. Drugs, moral panics and the dispositive / C. Bennet // Journal of Sociology. – 2018. – Vol. 54, Iss. 4. – P. 538–556.
165. De Waard, J. What Works?: A systematic overview of recently published meta evaluations [Electronic source] / J. de Waard // synthesis studies within the knowledge domains of Situational Crime Prevention, Policing, and Criminal Justice Interventions, 1997–2017. – Available at : https://www.researchgate.net/profile/Jaap_De_Waard
166. Dillon, L. New National and Alcohol Strategy launched / L. Dillon // Drugnet Ireland. – 2017. – Iss. 63. – P. 1–7.
167. Goodkind, M. Identification of a common neurobiological substrate for mental illness / M. Goodkind, S.B. Eickhoff, D.J. Oathes, Y. Jiang and others // JAMA Psychiatry. – 2015. – № 72(4). – P. 305–315.
168. Gilling, D. Community safety and social policy / D. Gilling // European Journal on Criminal Policy and Research. – 2001. – № 9. – P. 381–400.
169. Gilling, D. Crime Prevention: Theory, Policy And Practice / D. Gilling. – London : UCL Press, 1997. – 229 p.

170. Gilling, D. Multi-Agency Crime Prevention: Some Barriers to Collaboration / D. Gilling // *The Howard Journal of Crime and Justice*. – 1994. – Vol 33, № 3. – P. 246–257.

171. Hawdon, J. The role of presidential rhetoric in the creation of a moral panic: Reagan, Bush, and the war on drugs / J. Hawdon // *Deviant Behavior*. – 2001. – Vol. 22(5). – P. 419–445.

172. Lewis, M. Addiction and the Brain: Development, Not Disease / M. Lewis // *Neuroethics*. – 2017. – Vol. 10(1). – P. 7–18.

173. Phillips, C. Crime and Disorder Reduction Partnerships: Round one progress [Electronic source] / C. Phillips, J. Jacobson, R. Prime // *Policing and Reducing Crime Unit: Police Research Series. Paper 151*. – 2002. – 62 p. – Available at : <https://core.ac.uk/download/pdf/157696305.pdf>

174. Ransom, J. J. "Anslingerian" Politics: The History of Anti-Marijuana Sentiment in Federal law and How Harry Anslinger's Anti-Marijuana Politics Continue to Prevent the FDA and other Medical Experts from Studying Marijuana's Medical Utility [Electronic source] / J. J. Ransom // *HLS Student Papers*. – 1999. – 75 p. – Available at : <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:8965561>

175. Squires, P. Criminology and the 'Community Safety' Paradigm: Safety, Power and Success and the Limits of the Local [Electronic source] / P. Squires // *The British Criminology Conferences: Selected Proceedings*. – 1999. – Vol. 2. – Available at : <http://www.britsoccrim.org/volume2/012.pdf>

176. Scott, M. S. Getting The Police To Take Problem-Oriented Policing Seriously / M. S Scott // *Crime Prevention Studies*. – 2003. – Vol. 15. – P. 49–77.

177. Van Steden, R. Street pastors: on security, care and faith in the British night-time economy / R. van Steden // *European Journal of Criminology*. – 2018. – Vol. 15, Iss. 4. – P. 403–420.

178. Volkow, N. D. Neurobiologic advances from the brain disease model of addiction / N. D. Volkow, G. F. Koob, A. T. McLellan // *New England Journal of Medicine*. – 2016. – Vol. 374(4). – P. 363–371.

179. Weitekamp, E. G. M. Problem solving policing: views of citizens and citizens expectations in Germany [Electronic source] / E. G. M. Weitekamp, H. Kerner, U. Meier // *Social work and Society*. – 2003. – Vol. 1, № 1. – Available at : <https://www.socwork.net/sws/article/view/253/428>

180. Wang, S. Research on the Collaborative Governance Model in the Charity Organization under Polycentric Perspective / S. Wang // *Open Journal of Social Sciences*. – 2014. – Vol. 2, № 9. – P. 263–269.

IV. Диссертации и авторефераты диссертаций

181. Абрамов, А. Ю. Совершенствование механизма регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации : дис. ... д-ра мед. наук : 14.02.03 / Абрамов Алексей Юрьевич. – М., 2015. – 316 с.

182. Боголюбова, Т. А. Наркотизм: основы частной криминологической теории : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Боголюбова Татьяна Анатольевна. – М., 1991. – 333 с.

183. Бартенев, А. Г. Наркотизация российской молодежи: дифференцированность наркотических практик: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Бартнев Артем Геннадьевич. – Н. Новгород, 2009. – 150 с.

184. Васильев, П. А. Наркотизм в Петрограде-Ленинграде в 1917–1929 гг.: социальная проблема и поиски ее решения : дис. ... канд. юрид. наук : 07.00.02 / Васильев Павел Андреевич. – СПб., 2013. – 153 с.

185. Вешнева, С. А. Медикализация наркоманий и социализация наркозависимых: концепция взаимосвязи : дис. ... д-ра мед. наук : 14.02.05 / Вешнева Светлана Александровна. – Волгоград, 2016. – 330 с.

186. Воронцова, О. В. Криминологическая безопасность несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Воронцова Оксана Викторовна. – Ставрополь, 2008. – 189 с.

187. Воронин, М. Ю. Криминологическая политика защиты населения от наркотизации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Воронин Михаил Юрьевич. – М., 2010. – 335 с.

188. Готчина, Л. В. Молодежный наркотизм в современной России: криминологический анализ и профилактика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Готчина Лариса Владимировна. – СПб., 2011. – 453 с.

189. Гуринская, А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Гуринская Анна Леонидовна. – СПб., 2018. – 555 с.

190. Дмитриева, А. В. Роль потребления наркотиков в структуризации социальных отношений : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Дмитриева Александра Владимировна. – СПб., 2012. – 309 с.

191. Ефлова, М. Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / Ефлова Мария Юрьевна. – Саранск, 2015. – 41 с.

192. Зиновьев, В. В. Антинаркотическая политика России: уголовно-правовые и криминологические аспекты реализации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Зиновьев Валерий Владимирович. – Саратов, 2016. – 272 с.

193. Иванов, А. А. Региональные особенности динамики наркологической ситуации в Алтайском крае : дис. ... канд. мед. наук : 14.01.27 / Иванов Андрей Анатольевич. – Томск, 2012. 166 с.

194. Карпович, К. А. Уголовно-правовые меры борьбы с распространением наркомании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Карпович Константин Александрович. – Ростов н/Д., 1972. – 20 с.

195. Каримов, И. Р. Клинико-иммунологическая характеристика гнойно-воспалительных и септических инфекций у больных ВИЧ/СПИД и инъекционных наркопотребителей : дис. ... канд. мед. наук : 14.01.09 / Каримов Ильдар Рафаилович. – СПб., 2014. – 155 с.

196. Кипселиди, Ю. Г. Антинаркотическая функция Российского государства и гражданского общества: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кипселиди Юрий Георгиевич. – Волгоград, 2012. – 216 с.
197. Клименко, С. А. Криминологическая безопасность правоотношений в сфере налогообложения в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Клименко Сергей Александрович. – Ставрополь, 2004. – 171 с.
198. Ковалев, А. Л. Криминологическая профилактика преступлений, осуществляемая на уровне муниципальных образований : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ковалев Андрей Львович. – М., 2011. – 213 с.
199. Конышева, О. О. Региональная политика как способ управления социальными процессами : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Конышева Ольга Олеговна. – М., 2002. – 146 с.
200. Лошкарев, В. В. Антинаркотизм в России: теоретический и историко-правовой анализ: 1917–2007 год : дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лошкарев Вадим Вадимович. – Самара, 2009. – 213 с.
201. Манянина, Т. В. Эмоциональный интеллект в структуре психологической культуры личности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Манянина Татьяна Викторовна. – Барнаул, 2010. – 241 с.
202. Мартынович, А. Ю. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: квалификация, освобождение от уголовной ответственности, назначение наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Мартынович Александр Юрьевич. – Красноярск, 2004. – 201 с.
203. Мороз, А. А. Образ жизни социально интегрированных и маргинальных наркопотребителей: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Мороз Александр Александрович. – М., 2016. – 195 с.
204. Мусаев, А. Н. Механизм противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: теоретико-прикладной анализ : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Мусаев Алауди Нажмуудинович. – СПб., 2003. – 471 с.

205. Номоконов, В. А. Преступное поведение: механизм, детерминации, причины, ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Номоконов Виталий Анатольевич. – М., 1991. – 36 с.
206. Павленко, С. З. Безопасность Российского государства как политическая проблема : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Павленко Святослав Зиновьевич. – М., 1998. – 419 с.
207. Плешаков, В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних : дис. ... д-р. юрид. наук : 12.00.08 / Плешаков Владимир Алексеевич. – М., 1998. – 323 с.
208. Прохорова, М. Л. Наркотизм: социально-психологические, криминологические, уголовно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Прохорова Марина Леонидовна. – Саратов, 2001. – 407 с.
209. Романова, Л. И. Криминальный наркотизм в Российской Федерации и особенности его проявления в Дальневосточном регионе: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. / Романова Лариса Ивановна. – Владивосток, 2001. – 63 с.
210. Романович, А. Л. Развитие и безопасность социоприродных систем: философско-методологический анализ : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08 / Романович Александр Леонидович. – М., 2003. – 418 с.
211. Рыбалкин, Н. Н. Природа безопасности : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Рыбалкин Николай Николаевич. – М., 2003. – 407 с.
212. Рыбалкин, Н. Н. Природа безопасности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Рыбалкин Николай Николаевич. – М., 2003. – 48 с.
213. Родионов, А. И. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидивной наркопреступности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Родионов Алексей Игоревич. – Рязань, 2013. – 254 с.
214. Серова, Е. С. Российская антинаркотическая политика: конфликтологический анализ программно-целевого подхода: региональный

уровень : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.06 / Серова Елена Сергеевна. – СПб., 2017. – 322 с.

215. Семенова, В. В. Уголовная ответственность за склонение к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Семенова Виктория Вячеславовна. – СПб, 2019. – 235 с.

216. Середа, Г. В. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ: уголовно правовой и криминологические аспекты (по материалам Восточной Сибири) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Середа Георгий Викторович. – Иркутск, 2000. – 240 с.

217. Семенов, В. А. Теоретические и методологические проблемы становления конфликтологической парадигмы социологического познания : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01 / Семенов Владимир Анатольевич. – СПб., 2006. – 524 с.

218. Судакова, Т. М. Криминологическая характеристика преступного поведения несовершеннолетних, употребляющих отдельные виды психоактивных веществ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Судакова Татьяна Михайловна. – Иркутск, 2002. – 190 с.

219. Тонков, Е. Е. Государственная политика противодействия наркотизации российского общества: политико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 23.00.02 / Тонков Евгений Евгеньевич. – Орел, 2005. – 49 с.

220. Туровский, И. В. Криминологическая характеристика и предупреждение наркопреступности: региональный аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Туровский Игорь Викторович. – Рязань, 2013. – 243 с.

221. Фролова, Н. А. Правовая политика Российской Федерации в сфере социальной безопасности (на опыте борьбы с наркотиками) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Фролова Наталья Алексеевна. – М., 2009. – 408 с.

222. Цыденова, Е. В. Эффективность уголовного наказания за наркопреступления: на материалах Дальневосточного и Сибирского федеральных

округов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Цыденова Елена Валерьевна. – Владивосток, 2006. – 208.

223. Шишкова, А. М. Психологические особенности матерей наркоманов с героиновой зависимостью: в связи с задачами психокоррекции : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04 / Шишкова Александра Михайловна. – СПб., 2009. – 266 с.

224. Шубенкова, А. Ю. Программно-стратегические документы в государственной политике Российской Федерации: институциональный анализ : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Шубенкова Александра Юрьевна. – М., 2014. – 201 с.

225. Щедрин, Н. В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Щедрин Николай Васильевич. – Красноярск, 2001. – 348 с.

226. Boister, N. B. The suppression of illicit drugs through international law : dis. ... DPhil / Boister Neil Brett. – Nottingham, 1998. – 592 p.

227. Ozeren, S. Problem-Oriented Approach to Criminal Investigation: implementation issues and challenges : dis. ... master of science (criminal justice) / OzerenSuleyman. – Texas, 2001. – 99 p.

V. СМИ, официальные сайты

228. Виграйзер, А. Врачи просто не знают и боятся [Электронный ресурс] / А. Виграйзер // Лента.ру. – 2018. – 14 июня. – Режим доступа : <https://lenta.ru/articles/2018/06/14/federmesser/>

229. Интервью Нюты Федермессер [Электронный ресурс] // Vademecum. – 2017. – 13 января. – Режим доступа : <http://www.hospicefund.ru/intervyu-nyutyi-federmesser-zhurnalu-vademecum/>

230. Herbert, J. Cracking the skull open. Most of our organs can be treated as repairable machines. Why can't we treat mental illness by simply fixing the brain? [Electronic source] / J. Herbert // Aeon. – 2015. – 9 October. – Available at : <https://aeon.co/essays/why-can-t-we-treat-mental-illness-by-fixing-the-brain>

231. JoãoGoulão: Consumorecreativo de canábisvaidiscutir-se acurtoprazo [Electronic source] / Diario de Noticias. – 2018. – Available at : <https://www.dn.pt/portugal/interior/joao-goulao-consumo-recreativo-de-canabis-vai-discutir-se-a-curto-prazo-9507517.html> (access date: 30.08.2019).

232. The SARA model [Electronic source] // Bright research group. – Available at : <http://oaklandunite.org/wp-content/uploads/2012/11/The-SARA-Model.pdf>

233. Victim support [Electronic source]. – Available at : <https://www.victimsupport.org.uk/help-and-support/how-we-can-help>

234. Halifax Street Angels [Electronic source]. – Available at : <https://halifaxstreetangels.org.uk/about-us/>

235. Police.UK. [Electronic source]. – Available at : <https://www.police.uk/volunteering/>

236. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction [Electronic source]. – Available at : http://www.emcdda.europa.eu/countries_en

237. Serviço de Intervenções nos Comportamentos Aditivos e nas Dependências [Recurso eletrônico]. – Régimen de acceso : <http://www.sicad.pt/PT/Institucional/Paginas/default.aspx>

ФОРМА

на изучение материалов архивных уголовных дел

ФИО, дата, год рождения, национальность, образование	
Занятость	
Квалификация действий	
Судимости	
Фабула дела, роль подсудимого. Особенности дела,	
Род. Семья, характеристика детства, юношества	
Травмы, психические расстройства	
Семейное положение, дети, проживание, занятость	
Судебно-психиатрическая экспертиза (данные)	
Особенности личности, характеристики в материалах дела	
Назначенные наказания	
Наркомания	
Представление об устранении условий совершенного деяния	

АНКЕТА

(для следователей, дознавателей)

1. Должность.

2. Стаж работы в данной должности.

3. Как часто в ходе расследования у/д по сбыту и иным незаконным действиям с наркотиками устанавливаются поставщики синтетических видов наркотиков? С чем это связано?

- а) не часто: *1 случай на 5 / 1 на 10 / 1 на 15/ реже;*
- б) часто: *практически в каждом деле о сбыте «синтетики» / 1 случай на 3–5 дел;*
- в) практически не устанавливаются;
- г) не устанавливаются.

ПРИЧИНА:

4. При необходимости установления IP-адресов неизвестных лиц, участвующих в сбыте наркотиков с помощью сети Интернет или мессенджеров, привлекаете ли Вы стороннего специалиста для установления возможных данных?

- а) можем привлечь, привлекаем;
- б) можем привлечь, но, как правило, обращаемся в соответствующие отделы правоохранительных органов;
- в) иное _____.

5. Обязательно ли вынесение Представлений об устранении причин и условий совершенных преступлений при расследовании (по окончании) у/д?

- а) да;
- б) нет;
- в) желательно;
- г) иное _____.

6. Указанные в пункте 5 представления в сфере незаконного оборота наркотиков выносятся, как правило, относительно (можно несколько вариантов):

- а) участковых уполномоченных полиции;
- б) если преступление совершает учащийся, то представление выносим в адрес руководства учебного заведения;

в) относительно муниципальных органов власти при необходимости уничтожить дикорастущую коноплю;

г) относительно муниципальных органов власти о необходимости разработки плана социально-экономического развития неблагополучного района города;

д) инспектора по делам несовершеннолетних;

е) сотрудников ФСИН, если лицо под административным надзором;

ж) руководства места лишения свободы, где лицо ранее отбывало наказание;

з) органов здравоохранения, если лицо наркозависимое и имело опыт прохождения лечения;

и) реабилитационного центра, если наркозависимое лицо проходило реабилитацию;

к) ИДН, КДН, если лицо стояло на учете в соответствующих органах;

л) членов семьи обвиняемого, его самого о необходимости пройти консультацию психотерапевта, курс психотерапии;

м) информируем органы социальной поддержки и соц. развития;

н) иное _____.

7. Ставите ли Вы вопрос при назначении судебно-психиатрической экспертизы специалисту о необходимости или желательности проведения психокоррекционных мероприятий с обвиняемым?

а) да;

б) нет;

в) нет, даже не задумывались о необходимости постановки такого вопроса.

8. Как Вы полагаете, за последние 5 лет снизилось ли количество изъятий наркотиков?

а) возросло количество изъятий *синтетических* наркотиков, *героина и опиатов* снизилось, растительные виды наркотиков изымаются в прежнем объеме;

б) снизилось количество изъятий всех видов наркотиков;

в) нет, количество изъятий всех видов наркотиков остается на прежнем уровне;

г) иное _____.

9. Какова на данный момент структура нелегального наркорынка?

а) традиционно преобладают каннабисные виды (марихуана, гашиш, каннабисное масло и т. п.). УКАЗАТЬ: до 50 % / до 70%;

б) героин занимает не более. УКАЗАТЬ: 10 % / 20% / 30 % / до 50%;

в) возрастает количество «синтетики». УКАЗАТЬ: до 30 % / до 40 % / 50% и более;

г) кокаин и другие подобные виды стали более распространенными
УКАЗАТЬ: до 10 % / до 15 %;

д) преобладает «синтетика», опиаты и растительные наркотики занимают не более половины.

10. Какие виды синтетических наркотиков наиболее распространены в регионе?

- а) соли;
- б) спайсы;
- в) метамфетамин;
- г) ДОБ;
- д) спиды;
- е) экстази;
- ж) ЛСД;
- з) барбитураты;
- и) все;
- к) иные_____.

11. Снизилось ли количество наркозависимых лиц за последние 5 лет в регионе (субъективное мнение)?

- а) нет, одни умерли, другие появились;
- б) снизилось количество героиновых наркоманов, увеличилось количество потребителей «синтетики», но их сложно назвать зависимыми;
- в) снизилось, но появились те, кому еще просто диагноз «наркозависимость» не поставлен;
- г) иное_____.

12. Вы располагаете раздаточными материалами, необходимыми к представлению наркопотребителям вне зависимости от их процессуального статуса?

- а) да;
- б) нет;
- в) таких материалов нет.

13. Замечаете ли Вы появление новых видов, модификации наркотиков в настоящее время?

а) да, периодически новые появляются. *УКАЖИТЕ НОВЫЕ ВИДЫ:* _____

_____;

б) нет, новые появляются редко. *ПОДЧЕРКНУТЬ:* раз в 3 года / раз в 5 лет.

14. В каком виде наркотики поступают на территорию региона?

а) героин, опиаты – в готовом, «синтетика» приходит чаще в виде реагентов, и на месте уже изготавливается продукт для продажи;

б) в готовом;

в) приходят реагенты;

г) иное _____

15. Регионы поставок наркотиков:

указать _____.

16. Преобладающий способ распространения наркотиков в регионе:

а) бесконтактный с использованием сети Интернет, мессенджеров, редко с использованием телефонной связи;

б) бесконтактный, но с использованием телефонных видов связи;

в) традиционный – контактный;

г) все три, в зависимости от вида распространяемого наркотика и степени образованности сбытчиков.

17. Как Вы оцениваете эффективность принимаемых в ходе расследования у/д мер предупреждения незаконного оборота наркотиков в регионе?

а) как высокую;

б) невысокую;

в) все зависит от конкретной ситуации при расследовании;

г) данные меры формальность;

д) не могу оценить.

ПОЯСНИТЕ ВЫБРАННЫЙ ОТВЕТ.

АНКЕТА

(для оперуполномоченных)

1. Ваша должность

2. Стаж работы в данной должности:

- а) до 3 лет;
- б) 3–5 лет;
- в) свыше 5 лет.

3. Как Вы полагаете, за последние 5 лет снизилось ли количество изъятий наркотических средств в регионе?

- а) возросло количество изъятий *синтетических* наркотиков, *героина и опиатов* снизилось. растительные виды наркотиков изымаются в прежнем объеме;
- б) снизилось количество изъятий всех видов наркотиков;
- в) нет, количество изъятий всех видов наркотиков остается на прежнем уровне;
- г) иное _____.

4. Какова на данный момент структура изъятых наркотиков (*выберите те варианты ответов, которые вы полагаете правильными*)?

- а) традиционно преобладают каннабисные виды (марихуана, гашиш, каннабисное масло и т. п.). УКАЗАТЬ: до 50 % / до 70 %;
- б) героин занимает не более. УКАЗАТЬ: 10 % / 20 % / 30 % / до 50 %;
- в) возрастает количество «синтетики». УКАЗАТЬ: до 30 % / до 40 % / 50% и боле;
- г) кокаин и другие подобные виды стали более распространенными УКАЗАТЬ: до 10 % / до 15 % ;
- д) преобладает «синтетика», опиаты и растительные наркотики занимают не более половины.

5. Какие виды синтетических наркотиков наиболее распространены в регионе?

- а) соли;
- б) спайсы;
- в) метамфетамин;
- г) ДОБ;
- д) спиды;
- е) экстази;
- ж) ЛСД;
- з) барбитураты;
- и) все;

к) иные _____.

6. Снизилось ли количество наркозависимых лиц за последние 5 лет в регионе (субъективное мнение)?

- а) нет, одни умерли, другие появились;
 б) снизилось количество героиновых наркоманов, увеличилось количество потребителей «синтетики», но их сложно назвать зависимыми;
 в) снизилось, но появились те, кому еще просто диагноз «наркозависимость» не поставлен;
 г) иное _____.

7. Сейчас замечаете ли Вы появление новых видов, модификации наркотиков?

- а) да, периодически новые появляются. **УКАЖИТЕ НОВЫЕ ВИДЫ:** _____
 _____;
 б) нет, новые появляются редко. **ПОДЧЕРКНУТЬ:** раз в 3 года / раз в 5 лет.

8. В каком виде наркотики поступают на территорию региона?

- а) героин, опиаты – в готовом, «синтетика» приходит чаще в виде реагентов и на месте уже изготавливается продукт для продажи;
 б) в готовом;
 в) приходят реагенты;
 г) иное _____

9. Регионы поставок наркотиков:

указать _____.

10. Преобладающий способ распространения наркотиков в регионе

- а) бесконтактный с использованием сети Интернет, мессенджеров, редко с использованием телефонной связи;
 б) бесконтактный, но с использованием телефонных видов связи;
 в) традиционный – контактный;
 г) все три, в зависимости от вида распространяемого наркотика и степени образованности сбытчиков.

11. Бесконтактный способ распространения наркотиков при использовании Интернета и мессенджеров вызывает затруднения в процессе сбора оперативной информации?

а) да, так как меньше свидетелей, которые видят, кто им продает наркотик, куда уходит, с кем связывается, значительная часть данных по таким сбытам собирается в киберпространстве;

б) нет, есть своя специфика, есть отработанные уже схемы сбора информации, которые просто отличаются от традиционных видов;

в) иная причина затруднений или их отсутствия _____

_____.

12. Вы привлекаете сторонних специалистов (не из подразделений правоохранительных органов) для установления данных о лице, зашифрованных в киберпространстве?

а) нет, не имеем права;

б) привлекаем;

в) можем привлекать, но обращаемся в спецотделы правоохранительных органов.

13. Как Вы оцениваете уровень технического сопровождения оперативной деятельности?

а) не могу сказать, что он сильно высок, но в пределах полномочий хватает;

б) думаю, что технические средства должны использоваться в первую очередь специалистами, у нас иные полномочия и нам не требуется применять новейшие технологические разработки;

в) затрудняюсь ответить;

г) иное _____

_____.

14. Как Вы оцениваете доступность наркотиков в регионе на данный момент?

а) «синтетику» может достать любой желающий, умеющий пользоваться интернетом и анимайзнерами;

б) героин, опиаты уже не очень популярны, но они распространены в слоях населения, где и так всегда наркотики были доступны;

в) ниже, конечно, чем в 1990-е или 2000-е годы, но достаточно высокая по всем видам наркотиков;

г) низкая. ПОЧЕМУ ТАК СЧИТАЕТЕ _____

_____.

15. В ходе выполнения служебных обязанностей при получении сведений о совместном проживании детей с наркопотребителями, состоянии

беременности наркопотребительниц имеются ли служебные инструкции, предписывающие тот или иной вариант Ваших действий?

- а) нет, сообщаем по собственной инициативе. По беременным не знаем, куда сообщать;
- б) да. По беременным *нет указаний*, можем проинформировать участковых;
- в) да. Сообщаем сведения *по всем случаям* в соответствии с инструкциями;
- г) да, но информируем соответствующие органы в крайних случаях;
- д) данные вопросы должен решать следователь.
- е) иное _____.

16. Передаются ли данные из картотеки наркозависимых в центры социальной поддержки, реабилитации, учреждения министерства здравоохранения, центры профилактики наркомании?

- а) нет, и не понимаю, зачем;
 - б) нет, не имеем права;
 - в) предоставляем в соответствии со служебными инструкциями;
 - г) иное _____
-
-

17. С чем Вы можете связать снижение количества зарегистрированных наркопреступлений в регионе за последние 5 лет?

- а) данный вид преступности снизился РЕАЛЬНО (*в действительности*) как результат продолжительной работы, которая была и при ФСКН;
 - б) не заметили, чтобы РЕАЛЬНОЕ количество наркопреступлений сильно снизилось, *другое дело*, что все подряд не регистрируется, ибо важнее для показателей выйти на крупных сбытчиков наркотиков, поставщиков, а не на рядовых распространителей;
 - в) отчасти связано с появлением новых способов распространения наркотиков, которые сложно отследить, отчасти – с тем, что деятельность крупных преступных организованных сообществ за последние годы была пресечена, а новые пока не проявились;
 - г) иное _____
-
-

18. Считаете ли Вы, что расформирование ФСКН повлияло на эффективность оперативно-розыскной деятельности в выявлении и пресечении незаконного оборота наркотиков?

а) в принципе, нет, как работали, так и работаем, только вместо федеральной службы стали управлением при МВД;

б) был период, когда в связи с расформированием службы сотрудники заменялись на новых, которые были менее опытны и работали не так эффективно, но также было и кому их обучить;

в) иное _____

_____.

АНКЕТА

(для участковых уполномоченных полиции)

1. Ваша должность
_____.**2. Стаж работы в данной должности:**

- а) до 3 лет;
- б) 3–5 лет;
- в) свыше 5 лет.

3. Как часто Вы получаете Представления об устранении условий совершения преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков?

- а) почти по каждому делу, связанному со сбытом наркотиков;
- б) зависит от следователя и подразделения, в котором он работает. Следователи бывшего ФСКН всегда направляют такие Представления;
- в) не получаем данных Представлений.

4. Каковы Ваши действия при получении Представления об устранении условий совершения преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков, вынесенное следователем при расследовании уголовного дела?

- а) проводим профилактическую беседу с подозреваемым, обвиняемым;
- б) подозреваемый, обвиняемый, как правило, находится в СИЗО или уже в МЛС. Проводим профилактическую беседу с его семьей, соседями на предмет своевременного сообщения об уголовно наказуемом поведении конкретного лица в будущем;
- в) данные Представления – формальность, мы всегда выявляем наркопотребителей, сбытчиков, места закладок и своевременно сообщаем о них оперуполномоченным сотрудникам;
- г) затрудняюсь ответить;
- д) иное _____.

5. Часто ли поступают сообщения об имеющихся «закладках» наркотиков на Вашей территории обслуживания?

- а) не могу сказать, что часто (УКАЗАТЬ): раза два за месяц / реже;
- б) часто (УКАЗАТЬ): почти каждый день / раз в неделю / несколько раз за неделю;
- в) на каждой территории города есть своя специфика, на одной будут постоянные «закладки», на другой практически нет.

6. Как часто Вы встречаете лиц, ищущих «закладки» наркотиков?

- а) постоянно, но мы их задержать не можем, нет оснований;
- б) постоянно, задерживаем по любому законному поводу;
- в) время от времени, есть места, где постоянно кто-то что-то ищет. оснований для задержания практически нет;
- г) не могу сказать, что часто, ибо «закладки» делаются в неприметных местах;
- д) иное _____.

7. Посещаете ли Вы обучающие курсы, тренинги, направленные на повышение эффективности общения с наркозависимыми лицами и иными асоциальными субъектами?

- а) нет, подобное обучение не предусмотрено;
- б) да (УКАЗАТЬ): раз в квартал / раз в 6 месяцев / раз в год;
- в) обучение проводит (УКАЗАТЬ): психолог при отделе полиции / сотрудники ИОПНД / сотрудники ВУЗов, ведомственные НИИ / непосредственное начальство;
- г) нельзя ответить.

8. Вы располагаете раздаточными материалами о центрах социальной поддержки, психологической службе, реабилитационных центрах для зависимых лиц?

- а) таких материалов нет;
- б) есть, но они бесполезны;
- в) есть, раздаем.

9. Как Вы оцениваете работу психолога с сотрудниками МВД?

- а) формальность;
- б) эффективная. Психолог осуществляет мониторинг профессиональной деформации, проводит консультации для преодоления травмирующих событий, направляет на психотерапию, помогает в адаптации новым сотрудникам и т. д.;
- в) затрудняюсь ответить, ибо редко сталкиваемся и плохо понимаем его задачи;
- г) нельзя ответить.

10. Консультируетесь ли Вы со штатными психологами по вопросам построения беседы с поднадзорными лицами?

- а) нет, считаю этого специалиста бесполезным;

- б) нет, нет необходимости;
- в) да, по необходимости;
- г) да, в рамках запланированных профилактических мероприятий.

11. По Вашим наблюдениям, доступность наркотиков в регионе можно оценить как:

а) высокую. Синтетические наркотики может приобрести любой желающий при умении пользоваться анонимайзерами; каннабиноиды всегда были распространены; опиаты менее популярны, но распространены стабильно среди определенной категории лиц;

б) среднюю. Наркотики всегда можно купить или изготовить, доступность их не стала выше или ниже: рынок предложения наркотиков стабилен, стабилен спрос на них, работа по пресечению сбыта наркотиков также стабильна;

в) низкую. Купить, изготовить наркотик сейчас проблематично.

12. Вы принимали участие в психологических тренингах личностного роста, проводимых при МВД?

- а) нет;
- б) да;
- в) таких не предусмотрено.

13. По Вашим наблюдениям, каков процент наркозависимых лиц, находившихся под Вашим наблюдением, успешно адаптировавшихся в социуме после длительного периода наркопотребления (более 5 лет)?

а) сложно сказать. Если лицо прекратило наркопотребление и самореализовалось, то оно меняет место жительства, круг общения, и мы его уже не наблюдаем на территории обслуживания;

б) меньше 20 %;

в) 20–30 %;

г) до 50 %;

д) больше половины таких субъектов;

е) многие не выживают в длительный период наркопотребления, погибают в драках, от сопутствующих заболеваний, от передозировок уже редко.

АНКЕТА

(для врачей – психиатров-наркологов)

1. Ваша должность _____.

2. Стаж работы в данной должности

- а) до 3 лет;
- б) 3–5 лет;
- в) свыше 5 лет.

3. По Вашему наблюдению, потребление каких синтетических наркотиков распространено в регионе?

- а) соли;
- б) спайсы;
- в) метамфетамин;
- г) ДОБ;
- д) спиды;
- е) экстази;
- ж) ЛСД;
- з) барбитураты;
- и) все;
- к) иные _____.

4. Как Вы полагаете, снизилось ли количество наркопотребителей в регионе за последние 5 лет?

- а) считаю, что потреблять наркотики действительно стали меньше;
- б) полагаю, что количество наркопотребителей неизменно. всегда есть слои населения, среди которых распространены наркотики, есть те, кто потребляет наркотики без видимых последствий;
- в) думаю, что их количество изменяется циклично и зависит от многих факторов, в то время как неизменным остается количество наркопотребителей, относящихся к неблагополучным слоям населения;
- г) иное _____.

5. Снизилось ли количество наркозависимых лиц за последние 5 лет в регионе (субъективное мнение)?

- а) нет, одни умерли, другие появились;
- б) снизилось количество героиновых наркоманов, увеличилось количество потребителей «синтетики», но их сложно назвать зависимыми;
- в) снизилось, но появились те, кому еще просто диагноз «наркозависимость» не поставлен;
- г) иное _____.

6. Замечаете ли Вы появление новых видов, модификации наркотиков в настоящее время?

а) да, периодически новые появляются. *УКАЖИТЕ НОВЫЕ ВИДЫ:* _____

б) нет, новые появляются редко. *ПОДЧЕРКНУТЬ:* раз в 3 года / раз в 5 лет.

7. По Вашему мнению, в структуре пациентов, больных наркоманией и употребляющих наркотики с вредными последствиями, каков процент лиц, поступивших на лечение в добровольно-принудительном порядке (по решению суда)?

а) до 20 %;

б) от 20 до 40 %;

в) около 50 % от количества пациентов указанной группы;

г) до 70 %.

8. Каннабиноидная зависимость встречается у пациентов чаще:

а) в самостоятельной форме;

б) в структуре полинаркомании.

9. Считаете ли Вы обоснованными противопоказания к лечению наркомании по причине наличия ВИЧ, СПИД, туберкулеза или гепатитов у пациентов?

а) это не обсуждается, противопоказания утверждаются Минздравом;

б) спорный вопрос, данные лица вполне могут проходить реабилитационные программы и достигать долгосрочной ремиссии, что не привязано к медикаментозному лечению;

в) относительно обоснованности, думаю, зависит от конкретной ситуации и, скорее всего, вопрос в совместимости препаратов, применяемых в процессе лечения наркомании и лечения заболеваний, входящих в перечень противопоказаний. По общему правилу применяемые препараты несовместимы;

г) затрудняюсь ответить;

д) иное.

10. Считаете ли Вы существующую систему медико-социальной реабилитации наркозависимых лиц при учреждениях здравоохранения эффективной в достижении целей долгосрочной ремиссии, позитивной самореализации пациентов?

а) да, данная система эффективна в создании благоприятных условий для долгосрочной ремиссии;

б) считаю, что существующая система имеет ограниченный потенциал действия, нуждается в развитии социально-психологических мер поддержки пациентов, ее эффективность зависит во многом от объемной и грамотной политики в регионе по ресоциализации лиц с антисоциальными установками;

в) нет, не считаю эффективной, так как (УКАЗАТЬ ПРИЧИНУ)

11. Как Вы полагаете, лица, поступившие на лечение от наркозависимости по решению суда, в конечном счете добровольно проходят программы реабилитации?

- а) крайне редко;
- б) зависит от работы конкретного врача и анамнеза заболевания;
- в) в половине и более случаев данные пациенты успешно мотивируются на избавление от наркозависимости и добровольно идут на программы реабилитации.

12. Вы осведомлены об обязанностях социальных работников, участвующих в процессе медико-социальной реабилитации наркозависимых лиц?

- а) да, данные сотрудники привлекаются еще в процессе лечения, сотрудничают с врачами психиатрами-наркологами;
- б) примерно, ибо пересекаемся редко;
- в) плохо представляю себе их обязанности.

13. По Вашему мнению, достаточно ли кадровых и иных ресурсов в учреждениях здравоохранения для успешной работы с семьями наркозависимых лиц?

- а) вполне достаточно;
 - б) нет, не хватает: (УКАЗАТЬ требуемые ресурсы)
-
-

14. Достаточно ли врачей психотерапевтов и сотрудников социальных служб в учреждении здравоохранения, где Вы работаете?

- а) не думаю;
- б) в принципе достаточно;
- в) затрудняюсь ответить.

АНКЕТА

(для наркопотребителей)

Метод отбора респондентов: «снежный ком».

1. Возраст, пол, образование, занятость.
2. Вид потребляемого наркотика.
3. Семейное положение
4. Частота потребления:
 - а) систематически (несколько раз в неделю);
 - б) редко (раз в месяц-два);
 - в) редко (реже раза в месяц).
5. «Правила безопасности» при потреблении наркотиков, при приобретении.

6. Способы покупки наркотиков.

7. Осведомлены ли о механизмах и последствиях развития интоксикационных психозов?
 - а) да;
 - б) нет;
 - в) не задумывался вообще.
8. Осведомлены ли о механизмах накопления наркотических веществ в тканях организма?
 - а) да;
 - б) нет;
 - в) не задумывался вообще.
9. Оцените доступность наркотиков в регионе.
 - а) «синтетику» может достать любой желающий, умеющий пользоваться Интернетом и анонимайзерами;
 - б) героин, опиаты уже не очень популярны, но они распространены в слоях населения, где и так всегда наркотики были доступны;
 - в) ниже, конечно, чем в 1990-е или 2000-е годы, но достаточно высокая по всем видам наркотиков;
 - г) низкая. ПОЧЕМУ ТАК СЧИТАЕТЕ _____.
10. Сталкивались ли с сотрудниками правоохранительных органов в связи с наркопотреблением?
 - а) нет;
 - б) да (УКАЗАТЬ ОСОБЕННОСТИ, ПОСЛЕДСТВИЯ) _____.
11. При употреблении синтетических видов наркотиков испытывали ли неприятные симптомы?
 - а) тремор рук;
 - б) головокружение;
 - в) апатия;
 - г) нарушение сна;

д) ищевые дисфункции;

е) тревога, страх;

ж) иные _____.

12. Субъективная оценка структуры современных наркопотребителей:

_____.

13. Охарактеризуйте отношения в семье

_____.

14. Наличие диагноза наркозависимости, при отсутствии: что помогло не перейти к систематическому употреблению наиболее опасных видов наркотиков?

_____.

15. Наличие судимости _____.

АНКЕТА
(УТОЧНЯЮЩИЕ ОПРОСЫ)

Эксперты ЭКО, ФТС:

1. Какие виды наркотиков чаще поступают на экспертизу?
 - а) опийная группа;
 - б) синтетические;
 - в) каннабисная группа;
 - г) все в равной мере.
2. Увеличилось ли поступление синтетических видов наркотиков на экспертизу (с какого примерно времени, формы наркотиков)?
 - а) нет;
 - б) да, примерно с _____.
3. Опишите основные методы проведения экспертизы наркотиков основных видом (опийные, синтетические, каннабисной группы)

4. Основные способы проверки достоверности проведенной экспертизы

Психологи в органах внутренних дел:

1. Ваша должность, стаж работы

2. Данные о повышении квалификации

3. Основные служебные обязанности

4. Какие особенности в реализации служебных задач (на практике) Вы можете отметить

5. Основные формы взаимодействия с сотрудниками органов внутренних дел на практике при выполнении служебных обязанностей

6. Проводите ли Вы тренинги, консультации, семинары по повышению эффективности межличностного взаимодействия, личностному росту для сотрудников органов внутренних дел?
 - а) да;
 - б) нет.
7. Каковы ваши действительные потребности в повышении квалификации в связи с выполняемой работой? (указать желаемые курсы, программы)

Федеральные судьи:

1. Как Вы считаете, увеличилось ли количество наркозависимых подсудимых за последние 5 лет?

- а) да;
- б) нет;
- в) осталось на прежнем уровне.

2. При назначении наказания наркозависимым лицам участились ли случаи назначения обязательного лечения от наркомании?

- а) зависит от материалов конкретного дела и характеристик подсудимого;
- б) да, обязательное лечение от наркомании стали назначать за последние пять лет чаще;
- в) нет, наркозависимые лица чаще имеют характеристики, не позволяющие назначить лечение, а также применить альтернативную меру наказания.

3. При назначении наказания учитывается ли наличие расстройства личности по данным судебно-психиатрической экспертизы, не исключающее вменяемости

- а) учитывается на общих основаниях, отражается в формулировке в приговоре «учитывая состояние здоровья»;
- б) нас интересует только, вменяемо или нет лицо, сопутствующие заболевания, включая наличие расстройств личности, являются предметом рассмотрения медицинской комиссии при поступлении лица, например, в места лишения свободы.

4. При назначении опекунами родителей наркозависимых лиц для детей данных лиц указывается ли необходимость обращения в специализированные учреждения по реабилитации детей, а также прохождение «школы родителей» аналогично процедуре удочерения/усыновления детей из детских домов?

- а) нет, не имеем права, относится к компетенции органов опеки и попечительства;
- б) мы понимаем желательность указанных мер, но нет компетенции их назначать, нет также механизма к реализации.

5. При принятии решения об условно-досрочном освобождении лиц, осужденных за незаконный оборот наркотиков, учитывается ли наличие, а также динамика расстройства личности?

- а) теоретически мы можем учесть, но на практике нет оснований при вменяемости лица;
- б) нет, нет необходимости.

6. Оцените уровень криминологического рецидива среди лиц, виновных в незаконном обороте наркотиков.

- а) очень высокий, характеристики таких обвиняемых со временем ухудшаются, присутствуют также и не погашенные судимости;
- б) зависит от категории обвиняемых: в случае с синтетическими наркотиками чаще деяния совершаются впервые лицами, обладающими хорошими характеристиками, ранее не судимыми, к административной ответственности не привлекавшимися;

в) все индивидуально, а также зависит от вида наркотика и совершенных действий.

7. Как Вы считаете, способствуют ли исправлению осужденных имеющиеся на сегодня дополнительные обязанности, которые суд вправе возложить на подсудимого?

а) только формально;

б) да;

в) не думаю, не хватает более широких и гибких вариантов дополнительных видов обязанностей, которые могли бы быть более индивидуализированы.

8. Основная масса преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, характеризуется:

а) небольшой тяжестью;

б) средней тяжестью;

в) тяжкие/особо тяжкие.

Типовые особенности дел по данным преступлениям (по субъективному мнению) _____.

9. При вынесении приговора требования индивидуализации наказания затем проверяются:

а) еще по трем инстанциям, в случае несоблюдения мы получаем выговор;

б) не проверяются.

Врачи-психиатры, психиатры-наркологи, психологи в учреждениях УИС:

1. Ваша должность, учреждение УИС (СИЗО, колония, инспекция) _____.

2. Ваша действительная рабочая нагрузка (количество лиц (сотрудников и осужденных) на одного врача) _____.

3. Основные задачи, реализуемые на практике: _____.

4. Ваше мнение об эффективности решений суда по обязательному лечению от наркомании.

а) сложно сказать, поскольку мотивационных механизмов к исполнению не хватает, тогда как необходимо добровольное согласие на прохождение лечения;

б) исполняются чаще формально.

5. Специфика лечения наркозависимых лиц, осужденных к реальному лишению свободы и условно.

а) лица, осужденные к реальному лишению свободы, должны направляться в ЛИУ; к условному – наблюдаются у психиатров-наркологов, проверяются инспекторами;

б) лица, осужденные к реальному лишению свободы, крайне неохотно соглашаются ехать в ЛИУ, поскольку в данных учреждениях более строгий режим, а также возникают сложности в случае условно-досрочного освобождения (необходимость наблюдения у психиатров-наркологов).

6. Оценка наличия расстройства личности и его динамики при решении вопроса о возможности применения условно-досрочного освобождения (УДО).

а) мы не имеем права ограничивать право на удо. в идеале в случае прогрессирующего расстройства личности лицо должно быть направлено на психокоррекцию, однако нет механизмов к реализации подобной меры;

б) не учитываем.

7. Составляются ли индивидуальные программы реабилитации для осужденных, реальность их выполнения.

а) составляются, но они формальны;

б) составляются, однако их выполнение затруднительно в связи с

8. Основные формы взаимодействия с иными службами (здравоохранения, социальными), некоммерческими объединениями, включая волонтерские организации по поводу реинтеграции осужденных в социум:

а) на базе межведомственных соглашений, в основном на данных субъектах лежит задача качественной реинтеграции осужденных лиц в социум;

б) затрудняюсь ответить;

в) не взаимодействуем.

9. Хватает ли времени на психокоррекционную работу с осужденными?

а) нет, основная нагрузка состоит из «бумажной» работы;

б) да, но системная работа данного вида более эффективна в рамках работы внештатных специалистов;

в) зависит от основных функциональных служебных задач, вида учреждения, состава совершенного деяния и характеристик осужденного.